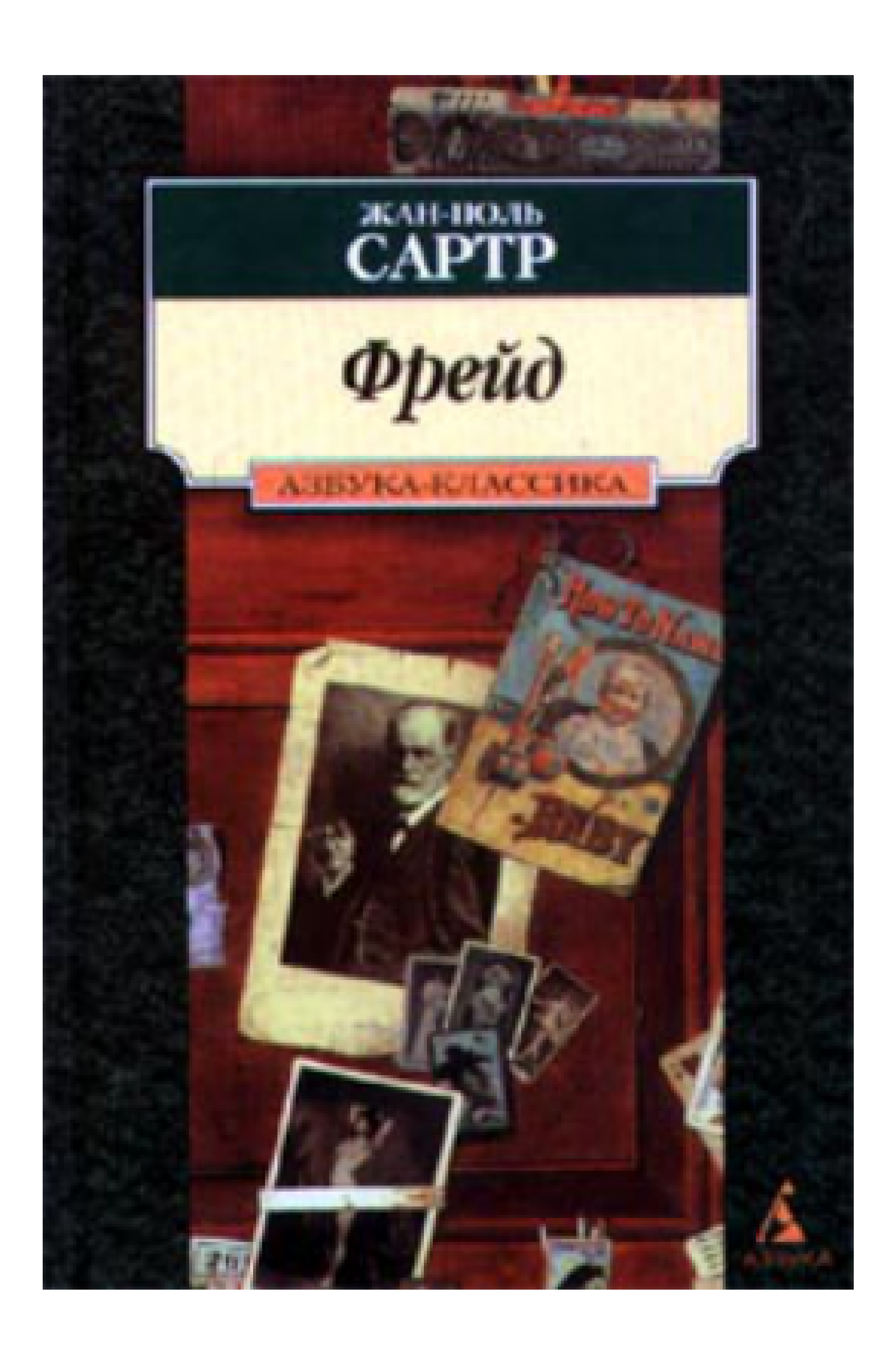
ЖАН-ПОЛЬ
САРТР
Фрейд
АЗБУКА-КЛАССИКА

Жан-Поль Сартр.

Фрейд.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

(1)

Сентябрь 1885 года.

Семь часов утра. Коридор больницы. Освещение (газовые рожки Ауэра) погашено; утренний свет едва просачивается сквозь окна. Большая дверь распахнута в палату, которую можно разглядеть с трудом: там, в глубине, возятся сиделки. Это подъем: сиделки поправляют койки, перевязывают и умывают больных. Запущенная палата, освещенная газом, выглядит зловеще. Над дверью табличка: «Офтальмологическое отделение. Служба доктора Гейнца». В коридоре появляются два санитара; они несут на носилках старуху, чьи неподвижные глаза кажутся незрячими. Санитары останавливаются перед дверью и опускают носилки на пол, чтобы перевести дух. Оба уже в возрасте, седоусые. Оба вытирают со лба пот. Выйдя из глубины палаты, на пороге появляется сиделка – ей лет сорок, в очках, с грубыми чертами лица. Она смотрит на старуху и санитаров с угрюмым, измученным видом. Те опускают глаза, заранее со всем смирившись. Сиделка разглядывает больную.

Сиделка. А эта откуда? *(Она ее узнала.)* Снова-здорово! Ну нет, мы ее не примем!

Первый санитар. Ну а нам куда прикажете ее девать?

Сиделка. Я же сказала вам – в психиатрическое отделение. *(Стучит себя пальцем по лбу.)* У нее тут не все дома.

Второй санитар. Они не хотят ее брать.

Сиделка. Кто? Психиатры?

Второй санитар. Говорят, ничего у нее нет.

Сиделка. Ну и ладно, отправьте ее домой.

Старуха с затравленным видом слегка приподымается на носилках.

Больная *(говорит, ни к кому не обращаясь)*. Я слепая.

Сиделка *(смеясь сухим, неприятным смехом)*. Мне бы ваше зрение, милочка моя! *(Санитарам.)* Вчера ее смотрел доктор Гейнц, она совершенно здорова. Комедию ломает, вот и все!

Первый санитар. Ломает или не ломает, дело ваше. Но она тяжелая. У вас ведь есть свободные койки.

Сиделка захлопывает дверь у них перед носом. Они озадаченно переглядываются.

Второй санитар *(старухе).* Ну ты, зараза! Не могла что ли совсем ослепнуть?

Старуха *(монотонно).* Я слепая.

Первый санитар смотрит на нее и вдруг начинает барабанить в дверь. Дверь распахивается, и появляется разъяренная сиделка.

Сиделка. Я же сказала вам…

Она смотрит на старых, усталых санитаров, ей жалко их.

Первый санитар *(жалобным тоном).* Два часа таскаем ее туда-сюда.

Сиделка. Обратитесь к доктору Фрейду. Когда нет профессора Шольца, больных принимает он.

Первый санитар. Где его найти?

Сиделка. Наверно, он у себя. Комната 120-я. Неврологическое отделение.

Второй санитар *(грустно).* Не близко!

Сиделка пожимает плечами и снова закрывает дверь. Первый санитар недоуменно почесывает в затылке.

Первый санитар *(старухе).* На своих двоих сможешь идти, а?

Старуха *(с испугом).* Нет, нет!

Первый санитар *(с отвращением).* Правда, не может! У нее ведь и нога отнялась!

Второй санитар *(в том же тоне).* Нога, мать ее!

Старуха *(кричит).* Я парализована!

Первый санитар. А я без ног!

Поплевав на ладони, они снова берутся за носилки. Другой коридор. Дверь с табличкой «120». Уже совсем рассвело Из-под двери валит густой дым. Появляются вконец измученные санитары со своей ношей. Ставят носилки. Первый санитар утирает пот со лба. Второй закашливается. Первый санитар с удивлением смотрит на него и принюхивается.

Первый санитар. Скажи-ка! Никак горим!

Они оглядываются по сторонам и замечают дым, который валит из комнаты. Второй санитар стучит в дверь. Никто не отвечает. С вопросительным видом он оборачивается к напарнику.

Первый санитар. Стучи сильней.

Второй санитар стучит сильнее.

На экране довольно большая, но очень бедная комната. Неприбранная железная кровать (обычная больничная койка), на столике таз и кружка, этажерка, заставленная медицинскими книгами, письменный стол. На полу, возле кровати, раскрытый чемодан; рядом закрытый чемодан и еще один раскрытый (набитый одеждой и бельем). Посреди комнаты чугунная печка с длинной трубой, которая упирается в потолок. Мы видим со спины мужчину, который сидит на корточках перед печкой, откуда вырываются клубы дыма. На полу, рядом с ним, связки бумаг, тетради, которые он методически запаивает в печку, где их пожирает огонь. Окно наглухо закрыто, портьеры опущены; комнату освещает только пламя из печки. Фрейд наконец слышит стук, встает и идет к двери. Мы замечаем, что он курит сигару.

Фрейд крупным планом: ему двадцать девять лет, у него густая черная бородка, густые брови. Прекрасные, глубоко посаженные, темные, пристально глядящие глаза. Он выглядит так, словно только что проснулся. Вид у него ошалевший; лицо покрыто копотью. Руки, кстати тщательно ухоженные, тоже черны от копоти. Он одет, бедно, но опрятно.

Фрейд подходит к двери, поворачивает ключ и отодвигает засов. В дыму возникают санитары; они кашляют. Санитары оторопело смотрят на Фрейда. Фрейд, преодолев свою растерянность, глядит на них сурово и строго.

Первый санитар *(как бы извиняясь)*. Мы думали, что здесь пожар.

Фрейд. Здесь ничего не горит.

Второй санитар. Не горит?

Фрейд *(сухо и иронично)*. Как видите, нет.

Он хочет закрыть дверь. Санитары умоляюще указывают ему на больную.

Фрейд. А, эта истеричка. Ну и что?

Первый санитар. Никто ее не берет.

Фрейд. Я знаю.

Он отбрасывает сигару и подходит к истеричке: та, словно завороженная, смотрит на Фрейда.

Старуха. Я слепая.

Он наклоняется и всматривается в ее глаза.

Фрейд *(нежно)*. Нет, фрау, вы не видите, но вы – не слепая.

Он приподымает одеяло, которым укрыта старуха. Она в одной рубашке. Левая нога парализована; скрюченные пальцы словно вцепились в ступню. Он ощупывает ногу. Больная, похоже, ничего не

чувствует. Он укрывает одеялом ноги больной и распрямляется.

Фрейд. Несите ее в неврологическое отделение. Там есть свободная койка.

Второй санитар. Профессор Мейнерт запретил…

Фрейд. Я сейчас поговорю с ним. Ступайте!

Он закрывает дверь, подходит к печке, присаживается на корточки и с каким-то яростным упорством вновь принимается за свою странную работу.

(2)

Та же больница.

Другой, столь же запущенный коридор. Стены в трещинах, кое-где вздулась и отслоилась краска; с потолка местами осыпалась штукатурка. Окон мало; светает.

Перед дверью столпились студенты. (Сюртуки. Цилиндры. Практиканты и врачи, что живут при больнице, в халатах. Почти все носят бороду. Средний возраст от двадцати пяти до тридцати лет.) Оживленные голоса.

На закрытой двери табличка: «Неврология. Отделение профессора Мейнерта». И объявление: «Лекции профессора Мейнерта проходят в понедельник, среду, четверг и субботу. Начало в 7.15». Санитары, несущие старуху-истеричку, появляются в коридоре, шатаясь от усталости. Студенты прижимаются к стене, пропуская их.

Один из санитаров стучит в дверь. Носилки они поставили на пол. Студенты с любопытством рассматривают старуху.

Студент. Что с ней?

Санитары пожимают плечами.

Старуха Я слепая.

Открывается дверь. Санитары подхватывают носилки и входят в комнату.

Студент (*категорическим тоном).* Повреждение зрительного нерва. Или поражение зрительных центров мозга.

Дверь закрывается. И в это мгновение в другом конце коридора появляется профессор Мейнерт. Ему около пятидесяти. Студенты умолкают. Воцаряется почтительная тишина. Выглядит Мейнерт очень моложаво. Прекрасное, но изможденное лицо. Окладистая рыжая борода. Стройная и гибкая фигура, хотя Мейнерт едва заметно прихрамывает. Он в цилиндре и черных перчатках, в сюртуке, носит высокий стоячий воротничок, манишку с галстуком, яркий жилет. Он слегка опирается на трость с круглым набалдашником.

Студенты застыли в вежливых позах. Те, кто был в шляпе, обнажили головы. Мейнерт, удивительно величественный, невероятно самоуверенный, небрежно приподнимает цилиндр и снова опускает его на голову. Перчаток он не снял.

Мейнерт. Господа… *(Дверь открывается. Мы видим женскую палату неврологического отделения. Между койками навытяжку стоят санитары и сиделки.)* Прошу заходить!

Старшая сиделка устремляется навстречу. В знак приветствия он помахал ей двумя пальцами левой руки. Она будет следовать за Мейнертом на почтительном расстоянии. Мейнерт входит в палату, не сняв цилиндра. Длинная палата, печальная и очень темная. Слабые лучи солнца проникают сквозь два открытых окна.

Группа студентов, большинство из них одеты бедно, держатся неловко, без всякого изящества, на цыпочках (словно кордебалет) шествует за этим элегантным, почти танцующим (несмотря на свою хромоту, а, быть может, благодаря ей) человеком, который больше похож на знаменитого танцора, нежели на профессора медицины.

Санитары и сиделки по-прежнему стоят между койками почти по стойке смирно. Мейнерт указывает тростью на больных женщин, которые молча смотрят на него, сидя на койках. Изредка он слегка постукивает кончиком трости по их железным спинкам. Перед первыми двумя больными он задерживается на несколько мгновений. Одна из них, молодая женщина, здоровается с ним. Мейнерт смотрит на нее, не отвечая на приветствие.

Больная. Здравствуйте, господин профессор.

Мейнерт. Как ты себя чувствуешь?

Больная. Все так же.

Он покачивает головой, потом продолжает обход. Третья больная – это женщина лет сорока Нижняя челюсть у нее перекошена в правую сторону. Она спит. Мейнерт стучит кончиком трости по спинке койки.

Мейнерт. Двойной мастоидит. Следствие хирургического вмешательства. Во время трепанации был задет лицевой нерв. Вчера мы ее обследовали. Прописали массаж, но я намерен попробовать электротерапию.

Он продолжает обход. Больная, проснувшаяся от ударов трости по спинке кровати, провожает его глазами.

Мейнерт. Сегодня ничего особенно нового нет. Кроме больной с односторонним параличом. *(Сиделке.)* Она поступила вчера? *(Сиделка подобострастно кивает.)* Хорошо. Мы ее осмотрим.

Обход продолжается Пройдя в глубь палаты, санитары наконец-то уложили слепую старуху на кровать и встали по обе стороны койки навытяжку, не шевелясь. Мейнерт останавливается и глядит

на старуху.

Мейнерт. Новенькая?

Санитары встревоженно переглядываются.

Первый санитар. Она… из психиатрического отделения.

Мейнерт *(властным, неприятным тоном).* Ну и что? Что ей здесь нужно? *(Санитары молчат.)* Унесите ее. *(Постукивает по кровати тростью.)* Сколько раз я говорил: каждый больной должен быть там, где положено. У нас и так не хватает коек…

Первый санитар *(жалостливо).* Да ведь…

Мейнерт *(испепеляя его взглядом).* Ну что еще?

Первый санитар. Доктор Маннгейм не принимает ее.

Мейнерт. Почему?

Первый санитар. Он говорит, что она ист… есте…

Мейнерт *(меняется в лице; он побледнел* or *ярости, глаза его сверкают).* Истеричка? Ей здесь не место.

Старуха *(хнычет).* Я слепая.

Мейнерт. Зрение проверяли?

Первый санитар. Да. У нее ничего не нашли.

Старуха *(с тревогой).* Я слепая.

Студенты перешептываются.

Мейнерт. Вы лжете, милочка моя. Притворяетесь. Зрение у вас такое же, как у всех нас, а вы вынуждаете меня зря терять время.

Старуха. Я слепая, нога у меня отнялась…

В оставшуюся открытой дверь входит Фрейд и спешит подойти поближе к Мейнерту. На лице у него пятно сажи, руки еще черные от копоти. В тот момент, когда он подходит к группе студентов, которые расступаются, чтобы дать ему место, Мейнерт оборачивается к старшей сиделке.

Мейнерт *(спрашивает с непререкаемой властностью и подавляющим презрением).* Какой идиот поместил ее в мое отделение?

Сиделка, боясь ответить, смотрит на Мейнерта, переводит взгляд на Фрейда, который наконец-то пробился к профессору. Вид у него мрачный, и он отлично расслышал последние слова Мейнерта.

Фрейд *(отвечает не без иронии, но очень вежливо).* Этот идиот я, профессор.

Мейнерт, смутившись, посмотрел на Фрейда, потом громко расхохотался.

Мейнерт *(дружески).* Я должен был сам догадаться. Извините, Фрейд, я сказал не то, что думал. *(Постепенно его снова охватывает гнев, но внешне он пытается совладать с собой.)* Я никогда не пойму,

почему вас интересуют истерички. *(Резким тоном.)* Вам же отлично известно, что все они притворяются.

Фрейд *(держится вежливо, но упрямо, говорит с глубоким уважением).* Я ничего не знаю, профессор. Мне еще ничего не известно.

Мейнерт *(прекращая спор).* Вы знаете об этом, потому что я вам это говорю. *(Обращаясь к подавленным санитарам.)* Унесите ее.

Первый санитар. Куда?

Мейнерт. Меня это не касается. *(Повернувшись к испуганным студентам, указывает на койку в конце палаты.)* Пойдем взглянем на мою параличную.

Группа трогается с места. Мейнерт взял Фрейда под руку, чтобы сгладить то тяжелое впечатление, которое он произвел на него своей резкостью.

Мейнерт *(вполголоса).* Так, значит, завтра едете?

Фрейд. Да, профессор.

И тут раздаются пронзительные крики. Студенты оборачиваются, Мейнерт с Фрейдом тоже. Слепая старуха сцепилась с двумя санитарами. Она кричит, резко дергается, вырывает простыни и выпячивает живот. Ее ноги сводят судороги. Мейнерт внезапно принимает решение.

Мейнерт *(властным, резким тоном).* Господа, сегодня я прочту вам небольшую лекцию об истерии. *(Он идет назад, за ним следом – Фрейд, сиделки и студенты. Обращаясь к санитарам.)* Отпустите ее. Психиатры различают два вида психических заболеваний: психозы и неврозы. Психозы – наиболее серьезные болезни: они характеризуются глубокими нарушениями, затрагивающими личность больных и их ощущение действительности; причину психозов надлежит искать в мозговых центрах. Неврозы же затрагивают только чувства, подобно неврастении или неврозу тревога, или поведение больных, подобно неврозам навязчивости. Что касается истерии *(показывает тростью на старуху, которая продолжает трястись)* — превосходнейший пример, который вы наблюдаете, – то тщетно пытались причислять ее к одной или другой из этих категорий. На самом деле этой мнимой болезни не существует: невроз навязчивости заключается в том, что больной становится одержимым; при неврастении больной действительно встревожен. При истерии все фальшиво, все ложь. *(Протянув трость, он слегка касается ног больной старухи.)* Парализованная нога? И где же она? *(Студенты смеются. Старуха продолжает дергаться, каждый ее жест имеет свой смысл: страх,*

протест, жалость, мольба и т.д.) Эпилептический припадок? Припадок, похожий на эпилепсию? *(Он смеется.)* При эпилепсии трясутся все члены тела При эпилепсии отмечаются быстрые клонические судороги. *(Имитирует рукой в перчатке клонические судороги.)* Ну а где же здесь эти судороги? Где они? Вы видите плохую актрису, все движения которой притворны. *(Он, едва уловимо, передразнивает жесты старухи, студенты, улыбаясь, смотрят то на Мейнерта, то на больную старуху. Жесты Мейнерта слегка убыстряются, словно он вот-вот утратит контроль над своими движениями. Он замечает это и вовремя останавливается. Санитарам.)* Держите ее. Нет, поднимите только голову. *(Студентам.)* Дайте спичку. *(Один студент роется в кармане и с почти лакейской поспешностью протягивает Мейнерту спичку. Тот кладет трость на соседнюю койку. Медленно стягивает перчатки. Студенту.)* Зажигайте! *(Студент чиркает спинкой.)* Что вы наблюдаете? *(Мейнерт спрашивает тоном профессора, читающего лекцию.)*

Глаза старухи. При вспышке спички зрачки у нее сужаются.

Голос студента за кадром. Зрачки, у нее сузились зрачки.

Мейнерт. Неужто вы полагаете, что у слепого под действием света могут сузиться зрачки?

Студенты *(отвечают хором)*. Нет.

Мейнерт. Причина ясна. Хватит валять дурака, старая, мы никуда не пойдем.

Старуха постепенно успокаивается. Она больше не шевелится, но ее левая нога, снова оцепеневшая, опять застыла в паралитической контрактуре.

Мейнерт *(торжествующе)*. Ну что, Фрейд, теперь вы убедились, что она симулянтка?

Фрейд в нерешительности. Все взгляды устремлены на него. Он разрывается между яростью и робостью.

Фрейд*(наконец-то спрашивает голосом, по-прежнему уважительным, но в котором едва уловим гнев)*. Профессор, может быть, разрешите мне попробовать? *(Мейнерт смотрит на него с притворным изумлением. Фрейд держит себя вежливо, но легко угадать, что он упрям.)* Вчера я сам осмотрел больную в психиатрическом отделении. *(Фрейд подходит к студенту, у которого в галстуке золотая булавка. С улыбкой отстегивает ее.)* Извините!

Фрейд подходит к маленькому столику, расположенному между

двумя рядами коек. На столике – горящая спиртовка, на ней кипит ванночка для стерилизации инструментов. Он снимает ванночку и подогревает кончик булавки в пламени, чтобы стерилизовать ее. Мейнерт и студенты с любопытством смотрят на Фрейда. Мейнерт хмурит брови. С нагретой булавкой Фрейд подходит к больной.

Фрейд *(говорит еле слышным, вкрадчивым голосом).* Фрау! Фрау! Вы останетесь здесь. Я уверен, что профессор Мейнерт разрешит вам остаться. *(Больная несколько расслабляется. Глаза у нее широко раскрыты, но по-прежнему неподвижны.)* Наблюдайте за ее лицом.

Фрейд берет за ступню «парализованную» ногу и приподнимает ее. В это мгновение больная приподнимается всем телом. Лицо у нее ничего не выражает.

Мейнерт. Вот вам лишнее доказательство: при настоящем параличе нам не удастся приподнять тело больного, подняв парализованный орган.

Фрейд. Разумеется, профессор. *(Фрейд втыкает в икру больной булавку студента. Сначала очень легко, потом глубже, кончая тем, что полностью вгоняет булавку в икру и отпускает ее. Лицо больной остается совершенно спокойным. Тело ее неподвижно.)* Никакой реакции. *(Он вытаскивает булавку, опускает ногу больной на кровать, подходит к столику и протирает тряпочкой булавку.)* Она ничего не чувствует. Анестезия конечности, которую она считает парализованной.

Он снова стерилизует булавку, ставит ванночку на огонь и отдает булавку студенту. Тот недоуменно разглядывает ее и, вместо того чтобы заколоть ею галстук, жестом отвращения прикалывает к лацкану сюртука.

Все смотрят на Мейнерта, которому удалось сдержаться и даже улыбнуться.

Мейнерт *(словно хороший актер).* Браво, Фрейд! *(Студентам.)* Этот опыт доказывает, что у больной наблюдается легкая гемианестезия, весьма вероятно являющаяся следствием нарушений коронарного кровообращения. *(Берет перчатку и трость с кровати, куда он их положил.)* Вот в чем истина. Скромная истина, господа. Эта старуха не парализована, не слепа. Ее истинная болезнь ложь, как я вам только что это показал. *(Сиделке.)* Пусть остается здесь, я осмотрю ее. *(Санитары с облегчением улыбаются.)* Пойдемте осмотрим паралитичную.

Он уходит. Фрейд направляется вслед за ним. Мейнерт дружески его останавливает.

Мейнерт. Ступайте домой, Фрейд, вы завтра уезжаете, вам, должно быть, надо сделать еще тысячи дел. *(Любезным тоном.)* И к тому же, господин приват-доцент, мне вас больше нечему учить.

Фрейд *(он внезапно растрогался, но сдерживается).* Я хотел бы поблагодарить вас.

Мейнерт. Через полчаса я буду в лаборатории. Зайдите, если успеете, я хочу вам кое-что предложить.

Фрейд кланяется и уходит.

(3)

Лаборатория «Анатомии нервной системы» в той же больнице.

Светлый и чистый зал. Студенты и врачи в халатах толпятся вокруг столов, на каждом из которых, кроме различных предметов – инструментов, стеклышек, пробирок и т.д., – стоит микроскоп. Фрейд, склонившись над микроскопом, рассматривает препараты; в зал входит консьерж больницы.

Консьерж. Там ваша невеста, она говорит, что вы назначили ей встречу.

Фрейд. Где она?

Консьерж *(показывает на окно).* Во дворе.

Фрейд подходит к окну. (Лаборатория находится на третьем этаже.) Он видит во дворе, внизу, стоящую спиной к нему девушку с зонтиком и в большой соломенной шляпе.

Фрейд. Попросите ее немного подождать. У меня разговор с профессором Мейнертом.

Входит Мейнерт. Все головы поворачиваются в его сторону. Он широким жестом снимает шляпу.

Мейнерт. Здравствуйте, господа. *(Ищет глазами Фрейда. Тот подходит к нему. Мейнерт берет его под руку и увлекает за собой.)* Нам будет удобнее говорить в моем кабинете.

В глубине лаборатории дверь с табличкой: «Кабинет профессора Мейнерта». Мейнерт вынимает из кармана ключ, открывает дверь и пропускает вперед Фрейда.

Фрейд входит в уютную и хорошо освещенную комнату. Большой, заваленный книгами стол, застекленный книжный шкаф, кресла. С легким удивлением он замечает на подносе графин шнапса и маленькую рюмку. Поднос стоит на письменном столе на самом виду.

Фрейд. Профессор, я хотел бы поблагодарить вас…

Фрейд говорит дружески. Мейнерт восседает величественный и непроницаемый.

Мейнерт *(поднимает руку, словно хочет остановить Фрейда).* Не благодарите меня, я за вас не голосовал. *(Фрейд порывается что-то сказать. Величественный жест Мейнерта. В* это *мгновение он еще владеет собой, выражение его лица и жесты совпадают.)* Вашу стипендию вы получили благодаря Брюкке. Однако я считаю вас своим учеником, лучшим из помощников, и глубоко убежден, что вы заслуживаете этой награды. Я голосовал против потому, что вы совершаете безумие. *(Его рука, едва он произнес слово«безумие», ощупью тянется к графину. Он, вовремя спохватившись, начинает почесывать бороду жестом Моисея в скульптуре Микеланджело.)* В Берлине есть выдающиеся физиологи. В Лондоне тоже. *(Фрейд насторожился, но держит себя предельно вежливо. Лицо его потемнело, он смотрит с недоверием.)* И куда же едете вы? В Париж! Слушать лекции шарлатана. *(Мейнерт взял в руку рюмку. Поигрывает ею. Фрейд хочет что-то сказать. Мейнерт перестает чесать бороду***,** *властным жестом протягивает руку в сторону Фрейда, словно приказывая ему молчать.)* Да, шарлатана! Фрейд! Что такое корондаль?

Фрейд. Маленькое ответвление сонной артерии.

Мейнерт. Отлично. Так вот, Шарко этого не знает!

Он берет со стола брошюру и швыряет ее Фрейду.

Мейнерт. Прочтите это. И вы сами убедитесь, что он этого не знает. *(Рука Мейнерта снова начинает рыться в рыжей бороде.)* Вот он каков, ваш будущий мэтр! *(У Мейнерта появляется новый тик: рука время от времени отрывается от бороды, и Мейнерт левым указательным пальцем постукивает по левому крылу носа.)* Это шарлатан, который гипнозом лечит неврозы.

Фрейд *(очень вежливо).* Не все неврозы, профессор, а только истерию.

Он замолчал, потрясенный неожиданным эффектом своих слов. При слове «истерия» левая рука профессора внезапно перестала постукивать по носу.

Мейнерт. Одним мошенничеством больше.

Рука подхватывает графин легко, но так, будто сам Мейнерт не контролирует ее движений, и решительно наливает рюмку шнапса. Он ставит графин на поднос и поднимает рюмку, продолжая говорить. Но все это почти не отражается на величественном лице Мейнерта (он даже не взглянул на свою руку, пока она наливала

алкоголь, хотя бы для того, чтобы проконтролировать эту операцию), так что кажется, что эта рука живет совершенно отдельно от тела профессора.

Мейнерт *(тоном, не допускающим возражений).* Болезни, о которой вы говорите, не существует. Студенты Шарко подбирают на панели уличных девок и посылают их в Сальпетриер, чтобы они разыгрывали перед Шарко свои «великие приступы». Он – посмешище всего медицинского корпуса. *(Мейнерт залпом выпивает рюмку шнапса.)* Гипнотизм! Это трюк из кафешантана *(Ставит рюмку на стол. Постукивает указательным пальцем левой руки по носу.)* Я считаю, что ваша прошлогодняя работа по анатомии мозжечка продвигает вперед науку. А теперь вот, гипнотизм! Какое падение. Вы больше не верите в физиологию. *(Фрейд лишь кивает головой, показывая, что он по-прежнему верит в нее.)* А это? Неужели вы больше не верите в это? *(Мейнерт показывает на заднюю стену, где висит напечатанное крупными буквами изречение: «Живой организм, есть часть физического мира, он состоит из систем атомов, которыми управляют силы притяжения и сталкивания, согласно закону сохранения энергии. Гельмгольц».* (*Говорит очень искренне.*) Вот мое кредо.

Фрейд*(отвечает отрывисто, вежливо, но сухо)*. Я верю в науку.

Мейнерт*(указывая на изречение)*. Наука только в этом.

Мейнерт наливает себе рюмку шнапса. Тут же выливает его обратно в графин и опирается ладонями на подлокотники кресла. Снова кивком показывает на изречение.

Фрейд. Наука – это опыт и разум.

Мейнерт *(снова, не смущаясь, наливает рюмку шнапса! и выпивает).* Шарко, быть может, представляет собой опыт, но уж никак не разум. *(Снова наливает себе шнапса.)* Если вас интересуют психические болезни, отправляйтесь в Берлин изучать психиатрию.

Фрейд. Психиатрия пока находится в младенческом состоянии. Может быть, однажды мы будем излечивать безумие, воздействуя прямо на мозговые клетки. Но мы далеки от этого: в нас существуют силы, которые сегодня нельзя сводить к физическим силам. *(Показывает на изречение.)* Меня душит этот ошейник. Я хотел бы познать себя.

Мейнерт. Зачем вам это? *(Пауза.)* Вы врач и не должны терять время. К чему мне познавать себя? Я изучаю нервную систему, а не свои настроения. *(Левая рука у него часто и быстро дрожит.)* Впрочем, я себя знаю: я прозрачен, как вода горного источника.

Фрейд смотрит на Мейнерта с какой-то исполненной отчаяния яростью.

Фрейд *(говорит вежливо, без малейшей иронии).* Вам сильно повезло, профессор.

Мейнерт. Если вы не понимаете самого себя, неужто вы полагаете, будто истерики откроют вам, кто вы такой?

Фрейд. Почему бы нет?

Мейнерт. Какая связь существует между приват-доцентом медицинского факультета и тем старым человеческим отбросом, что мы наблюдали утром?

Фрейд. Я не знаю.

Мейнерт *(он оперся ладонями о стол и вновь обрел всю свою властность).* Хватит об этом. Послушайте, что я вам предлагаю. Я нуждаюсь в отдыхе. Если вы откажетесь от этой стипендии, я назначу вас своим преемником. Начиная с завтрашнего дня вы будете вместо меня читать курс анатомии мозга *(Фрейд, кажется, глубоко взволнован этим предложением.)* Подумайте хорошенько. Через десять лет вы станете господином профессором Фрейдом и будете восседать в этом кабинете.

Фрейд *(с искренним порывом признательности).* Благодарю, благодарю вас.

Мейнерт *(ледяным тоном).* Ну так что же?

Фрейд *(искренне).* Я… я недостоин…

Мейнерт *(словно отметая жестом возражение Фрейда, тем же тоном).* Ну так что же?

Фрейд *(страстно).* Мне необходимо туда поехать.

Мейнерт *(встает, очень сухим тоном).* Превосходно. Если вы передумаете, дайте мне знать. А если предпочитаете ехать, то до скорой встречи.

Он пожимает руку Фрейду и, не прихрамывая, провожает его до двери. Когда Фрейд выходит, Мейнерт закрывает на ключ дверь и опускает засов. Потом оборачивается и, прихрамывая, подходит к письменному столу. Наливает себе в стакан шнапса и стоя выпивает. У него помятое лицо и потерянный взгляд.

(4)

Фрейд во дворе. Он ищет Марту. Двор безлюден. Фрейд волнуется.

Фрейд. Господин Мюллер! *(Консьерж открывает дверь своей каморки.)* Где же она?

Консьерж указывает пальцем на третий этаж. Фрейд бегом возвращается в больницу. Бежит вверх по лестнице.

Коридор. Подходя к своей комнате, Фрейд наталкивается на мусорное ведро, останавливается как вкопанный и разглядывает его: оно наполнено пеплом от сожженной бумаги и наполовину сгоревшими тетрадями. Волнуясь, он берет одну тетрадь, открывает ее, видит, что некоторые фразы еще можно прочесть, швыряет тетрадь назад подхватывает ведро и с ним идет к своей комнате.

Новый сюрприз: дверь в комнату 120 открыта. Окна широко распахнуты, и комнату заливает поток солнечного света: стоит прекрасное осеннее утро.

Комната – мы уже видели ее заваленной хламом, засыпанной пеплом и заполненной дымом – вычищена до блеска, печка погашена.

Девушка у окна заканчивает уборку. Соломенную шляпку и зонтик она положила на кровать и облачилась в халат Фрейда, который слишком велик для нее. Марту не назовешь по-настоящему красивой но она очень грациозна: у нее черные волосы, прекрасные глаза, серьезный, но живой и лукавый взгляд.

С радостным изумлением Фрейд смотрит на нее, потом восторженна подбегает к ней, подхватывает на руки, снова опускает на пол и осыпает поцелуями ее лицо. Марта, смеясь, уступает ему, но ловко отворачивается, когда он хочет поцеловать ее в губы.

Внезапно Фрейд останавливается, смотрит на Марту как-то подозрительно и отстраняется от нее.

Фрейд. Что ты делаешь здесь с этой щеткой?

Марта. А ты со своим мусорным ведром?

Фрейд. Мы же назначили свидание во дворе.

Марта. Да, только надо было вовремя прийти.

Фрейд резок и мрачен; Марта возражает ему с нежностью, хотя лукаво над ним посмеивается.

Фрейд *(недоверчиво).* Кто тебя привел сюда? Кто тебе открыл

дверь?

Марта. Один очаровательный мужчина. *(Фрейд хмурит брови. Она хохочет.)* Консьерж!

Фрейд *(очень строго).* Марта, ты не должна заходить в комнату к мужчине. Даже если этот мужчина – твой жених.

Неожиданно он смеется. Смех грубый, отрывистый, невеселый, но полный иронии.

Фрейд. А халат? Может быть, его одолжил тебе консьерж?

Марта с видом раздосадованной кокетки скидывает халат и оказывается в скромном, но изящном и прелестном костюме.

Марта. В таком виде я тебе больше нравлюсь? *(Он снова бросается к ней и пылко целует. Она отталкивает его, отстраняется.)* Ты мне дышать не даешь. *(Показывает на мусорное ведро.)* Хотел поджечь больницу?

Фрейд *(замечает ведро и снова мрачнеет).* Я сжег свои бумаги.

Марта. Какие бумаги?

Фрейд. Все!

Марта *(внезапно рассердившись).* И мои письма?

Фрейд *(серьезным тоном, но как бы смеясь над ней).* Твои прежде всего

Она не успевает возразить: он подходит к раскрытому чемодану и вытаскивает оттуда связку писем.

Фрейд. Твои письма я беру с собой.

Марта. А твой дневник?

Фрейд склоняется над мусорным ведром, берет из него несколько на три четверти обгоревших тетрадей.

Фрейд. Вот он. *(Смеясь, помахивает тетрадями.)* Четырнадцать лет личного дневника. В нем я записывал все, даже свои сновидения. *(Бросает тетради в мусорное ведро.)* Прошлого больше нет. Марта, ты выйдешь замуж за совершенно голого человека.

Марта. Фи!

Фрейд. У твоего жениха не больше воспоминаний, чем у грудного младенца.

Он, в шутку, принимает горделивую позу.

Марта. У меня жених негр. Я обожаю черных, но раз уж выхожу за белого, то хочу, чтоб он был чистым. *(Она мочит полотенце в кружке с водой.)* Поди сюда. *(Тщательно протирает его лицо.)* Что скажет твоя мать, если ты в таком виде явишься прощаться с ней? *(Протирая Фрейду лицо, показывает левой рукой на мусорное ведро.)* Что это на тебя нашло?

Фрейд. Я уезжаю, я все зачеркиваю. Никогда не надо оставлять следов.

Марта. Тогда зачеркни и меня!

Фрейд. Нет, ты – мое будущее.

Он целует ее. Она отходит в сторону.

Марта. Не проматывай свое будущее. *(Она берет свою шляпку и подходит к зеркалу над раковиной, чтобы надеть ее. Держит в зубах шляпную булавку.)* Что ты хочешь зачеркнуть? Ты убил человека? Имел любовниц? *(Вынув изо рта булавку.)* Отвечай! Ты имел любовниц?

Фрейд *(абсолютно искренне).* Ты же знаешь, что нет.

Марта. Тогда тебе нечего скрывать.

Фрейд *(говорит шутливо, но ощущается, что он глубоко убежден в своих словах).* Я хочу затруднить работу будущих биографов. Они будут плакать кровавыми слезами.

Марта смотрится в зеркале и вдруг слышит какой-то звук, похожий на взрыв.

Она оборачивается и видит, как Фрейд быстро обливает керосином бумаги в мусорном ведре, швыряет их в печку и поджигает.

Марта *(возмущенно).* Зачем ты это делаешь?

Фрейд *(смеется, хотя вид у него слегка растерянный).* Пепел! Пепел! Они найдут один пепел!

Марта, рассердившись, берет его под руку и тащит из комнаты. Фрейд подхватывает свою шляпу и послушно идет за ней. Во дворе.

Марта и Фрейд пересекают двор и выходят из ворот больницы.

Марта *(продолжая разговор; она шутит, но в глубине души раздражена).* Во-первых, никаких биографов у тебя не будет.

Фрейд. Будет.

Марта. Нет, не будет.

Фрейд *(с улыбкой, которая плохо скрывает его серьезность).* У великих людей всегда есть биографы.

Марта. А тебе не нужно быть великим человеком, раз тебя люблю я.

Фрейд усмехается с нежностью, но не без горечи.

На улице. Они идут рядом, очень степенные, даже не держась за руки.

Молчат. Через какое-то время Фрейд вытаскивает из кармана портсигар и коробок спичек.

Она, заметив это, слегка стукает его по руке ручкой зонтика. Он вздрагивает.

Фрейд. Извини меня. *(Засовывает портсигар в карман.)* Я весь… на нервах. *(Она вопросительно смотрит на него.)* Мейнерт не одобряет моего отъезда…

Она угрюмо молчит. Этот отъезд ей явно не по душе.

Марта *(очень сухо).* Я тоже не одобряю.

Фрейд. Ты не одобряешь, потому что любишь меня. *(Мрачнеет.)* Он же… Я думаю, он перестал меня уважать…

Улица пустынна.

Тишина. Вдруг Фрейд словно очнулся, улыбнулся и помахал рукой проезжавшему мимо фиакру. Кучер не заметил его знака.

Марта *(ошеломленно).* Ты с ума сошел!

Фрейд. Нет. Сегодня я богач.

Он позвякивает мелочью в кармане и вытаскивает бумажник с золотыми монетами.

Марта. Кого ты ограбил?

Фрейд. Это вся моя стипендия. Вчера вечером я получил 2000 флоринов.

Приближается фиакр. Фрейд машет кучеру.

Марта *(в гневе).* Стипендия понадобится тебе в Париже. Тебе и так едва хватит на жизнь.

Фрейд. Могу я потратить хотя бы крейцер.

Марта. Ни крейцера.

Перед ними останавливается фиакр. Марта с силой тянет Фрейда назад.

Марта *(кучеру).* Это ошибка.

Кучер пожимает плечами, погоняет лошадь, и фиакр отъезжает. Фрейд провожает его грустным взглядом.

Фрейд *(смеясь над собой).* Единственный раз, когда у меня завелись деньги…

Марта. Твои родители ждут нас к обеду. *(Он кивает головой.)* Так вот, мы пешком пройдем через Ринг, прогуляемся.

Площадь Ринг.

Здесь строится здание. Марта смотрит на него с восхищением. На фронтоне крупные буквы: «Каток. Открытие 10 ноября».

Марта. Какое счастье! *(Фрейду, который смотрит на нее, нахмурив брови.)* Смогу кататься на коньках.

Фрейд, рассердившись, тянет ее за руку. Она сопротивляется.

Фрейд. Ты не будешь кататься.

Марта. Но ты же уедешь!

Фрейд. Именно поэтому не будешь!

Марта. Как ты мне надоел! Я же буду скучать.

Фрейд. А я не хочу, чтобы тебя обнимал другой мужчина.

Марта *(с раздражением).* Для этого тебе надо всего лишь не уезжать.

Фрейд *(с нескрываемой злостью).* Если ты меня об этом попросишь, то не уеду. Ну что, просишь? *(Она не отвечает, но чувствуется, что немного на него обижена.)* Видишь, я смогу пожертвовать ради тебя своей карьерой, а ты ради меня не можешь пожертвовать даже самым пошлым удовольствием. Поклянись мне, что не будешь кататься на коньках.

Марта. Не хочу я ни в чем клясться.

Она поворачивается к нему спиной. Они дуются друг на друга и молча идут среди прохожих, которых становится все больше и больше.

Уличный торговец продает пасквильные книжонки и песенки с нотами.

Торговец. Покупайте «Протоколы сионских мудрецов». Узнаете, как евреи хотят завладеть миром. Вот грустная песенка младенца, который был съеден раввином. Покупайте «Рассказ о еврее и свинье».

Торговцу совершенно безразлично, чем он торгует. Он думает лишь о том, чтобы продать эта книжонки.

Фрейд разглядывает зевак такие же – то любопытствующие, то замкнутые – лица. Однако Фрейд побледнел от гнева, глаза его сверкают, он сжал кулаки.

В этот момент его отталкивает какой-то веселый толстяк, протискивающийся к торговцу. В руке у него монета.

Толстяк. Дайте мне «Рассказ о еврее и свинье».

Торговец протягивает ему одну из маленьких книжек, которые он веером держит в руке. Толстяк дает ему монету. Фрейд с отвращением поворачивается спиной к зевакам. Он выбирается из толпы и останавливается, ища глазами Марту. Но толстяк тоже выбрался из толпы.

Он раскрыл книжку и читает хохоча «Рассказ о еврее и свинье». Он второй раз толкает Фрейда. Фрейд вздрагивает и смотрит на толстяка, узнает его и замечает книжку.

Глаза его пылают. Он выхватывает у толстяка книжонку и рвет на мелкие клочки.

Толстяк не понимает, что происходит; он растерянно смотрит на Фрейда. Фрейд выше ростом.

Фрейд *(с презрением).* Болван…

Зеваки начинают оборачиваться.

Кто-то берет Фрейда за руку; это Марта энергично тянет его назад. Он в ярости оборачивается, видит Марту и позволяет себя увести. Она подталкивает его вперед, и, не успевая опомниться, он оказывается сидящим в фиакре, который тут же трогается с места.

Мимо занятых беседой жениха и невесты проплывают кафе, дома, люди: офицеры, красивые дамы и щеголеватые господа в сюртуках.

Фрейд. Посмотри на них. *(Строго.)* Вот наши враги.

Марта вздрагивает и всматривается в этих элегантных мужчин, которые красуются друг перед другом и выглядят совсем некровожадно.

Фрейд. Когда придет момент, они безжалостно загонят нас в западню и перережут нам глотки. Если мы позволим это сделать.

Марта раздражена, встревожена, но, когда он говорит с подобной властностью, по привычке соглашается с ним.

Марта. Кто мы? Ты и я?

Фрейд. Ты, я и другие. Мы все, евреи.

Голос Фрейда за кадром. Не оставляй после себя никаких следов. Все, что они узнают о наших жизнях, они используют против нас.

Марта *(возвращаясь к своей излюбленной теме).* Если ты так думаешь, то не выделяйся. Будь как все, обычным врачом, не гонись за известностью.

Фрейд *(мрачно).* Еврей не может позволить себе быть как все.

Марта. Почему?

Фрейд. Потому что все – это значит гои. Если евреи не докажут, что они среди лучших, гои скажут, что они – хуже всех.

Фиакр въехал в довольно бедную и очень населенную улицу. Играющие на улице ребятишки с изумлением уставились на экипаж.

Фрейд *(с облегчением).* Вот мы и дома.

Какой-то малыш бежит за фиакром и хочет уцепиться за запятки. Марта со смехом грозит ему пальцем. Этот бедный квартал представляет собой нечто вроде гетто. Перед еврейскими лавками (вывески на идише) толпятся евреи.

Фрейд. Когда я был в возрасте этого мальчишки, я называл гоев римлянами. А мы, евреи, были карфагенянами. В школе меня наградили книгой, где была эта картинка Я вырвал и сохранил ее. Гамилькар, герой Карфагена, заставил своего сына Ганнибала дать клятву, что он отомстит Риму. Ганнибал – это я.

Марта *(с иронией).* А твой отец, значит, Гамилькар?

Гримаса искажает черты лица Фрейда.

Фрейд. Да.

Марта *(продолжает в насмешливом тоне).* Он же кротчайший из людей! Неужели он заставил тебя дать клятву отомстить за него?

Лицо Фрейда еще больше мрачнеет. Чем больше он пытается напустить решительный и волевой вид, тем больше он сознает, что лжет. Несмотря на твердость его голоса, слова Фрейда звучат фальшиво.

Фрейд. Да. Отомстить за нас. Став лучшим врачом Вены.

Марта *(изумленно смотрит на него).* Ты никогда не говорил мне об этом.

Фрейд. Ты же знаешь, что мне тяжело говорить о себе.

(5)

Фиакр останавливается перед большим бедным строением.

Этот жилой дом похож на казарму. На окнах сушится белье. Перед входной дверью орет ребятня.

Фрейд машинально поднимает голову. Из окна второго этажа высунулась женщина лет пятидесяти, высокая и все еще красивая. Она не без кокетства машет ему рукой.

На ее прекрасные обнаженные плечи наброшена шаль. Лицо Фрейда преображается: на нем появляется выражение глубокой и сдержанной страсти.

Мать и сын обмениваются долгой, безмолвной улыбкой. Впервые возникает впечатление, что в эту минуту и в этом месте Фрейд чувствует себя совсем непринужденно. Он даже забывает заплатить кучеру, который с недоумением смотрит на него. Марта замечает это и, пользуясь случаем, украдкой сует крейцер кучеру.

Потом тянет Фрейда за рукав, пробуждая его от оцепенения.

Марта. Идем…

Площадка второго этажа.

Несколько довольно жалких дверей. На ступеньках лестницы сидит грязный, золотушный ребенок. Какая-то женщина полощет белье прямо в раковине, которая, похоже, единственная на весь этаж.

Но одна из дверей открывается, и мать Фрейда, сияя от радости, поджидает сына и его невесту.

Фрейд и Марта почти бегом преодолевают последний пролет.

Марта огибает ребенка, сидящего на ступеньках, и нежно целует свою будущую свекровь.

Фрейд берет руку матери и нежно целует. Потом поднимает голову и улыбается.

Фрейд. Мама…

С матерью он держится совсем иначе, чем с Мартой (в отношении ее он позволяет себе страсть, ревность, резкости). Он кажется скорее влюбленным, нежели сыном. Но влюбленным скромным и безупречное вежливым.

Чувствуется, что у него с матерью существует какое-то личное, глубокое согласие, которое выражается не в словах, а в едва уловимых жестах. Мать улыбается серьезно и встревоженно.

Фрейд. Что случилось? Отец заболел?

Мать. Нет. Заходите, Марта.

Мать отходит в сторону. Они входят в крохотную прихожую. Мать закрывает дверь. Все трое оказываются в полумраке.

Мать Зигмунд, я говорю тебе об этом потому, что отец тебе этого не скажет: мы в безвыходном положении. Эта афера с тканями…

Фрейд *(лицо его становится жестким).* В чем же дело?

Мать. Твой отец в конце концов решил стать компаньоном Герштема.

Фрейд. Я тысячу раз его предупреждал…

Мать *(властным тоном).* У отца были свои причины, не забывай об этом, Зигмунд! Все, что делает отец, всегда правильно. *(Пауза.)* Производство шерсти переживает кризис. Они объявили о своем банкротстве.

Фрейд. Когда?

Мать говорит об этом с истинным благородством. Ни на секунду не возникает впечатления, будто она пытается оправдать отца. Властная и решительная, она, похоже, думает, что отец никогда не нуждается ни в каких оправданиях перед детьми.

Мать. В прошлом месяце.

Фрейд. Почему вы мне об этом не сказали?

Мать. Мы знали, что ты должен уехать.

Фрейд *(овладев собой).* Понимаю. Отцу никогда не везло.

Мать. Теперь надо выдержать сроки платежей. Но мы денег не нашли.

Фрейд берет руку матери и пожимает ее.

Фрейд *(с теплотой).* Не бойся, мама. Я сделаю все, что нужно. *(Она порывается что-то сказать, но он прикладывает палец к ее*

губам.) Обо всем остальном мне скажет мой отец.

Он порывисто входит в комнату направо, где в кресле сидит Якоб Фрейд (ему чуть за семьдесят), выглядящий старше своего возраста, очень кроткий, не очень умный человек…

Якоб. Сынок мой! *(Он хочет встать, искренне радуясь сыну. Сын бросается, чтобы помешать ему подняться.)* Поцелуй меня! *(Фрейд неуклюже, как бы по принуждению, целует старика. Старик нежен, словно женщина.)* Здравствуйте, Марта. Здравствуйте, самая счастливая моя Марта!

Марта *(с нежной улыбкой целует его).* Почему я самая счастливая?..

Якоб. Потому что у вас будет лучший из мужей – господин приват-доцент Фрейд. Его бедный отец торговал шерстью, а он стал ученым.

Фрейд, напряженный и мрачный, слушает болтовню старика. В отце поражает сочетание крайней мягкости с глубокой старческой печалью. Зигмунд и Марта садятся по обе стороны отца. Мать стоит.

Якоб. Садитесь, дети мои. *(Фрейд скован и молчалив. Очень почтителен. Однако неподдельное восхищение отца явно не доставляет ему удовольствия.)*

Фрейд. Отец… *(Мать остановилась в глубине комнаты и с тревогой смотрит на них.)* У вас неприятности?

Якоб*(*с *упреком, обращаясь к матери).* Надо было дать ему уехать спокойно.

Мать. Нет. Он – мой сын. Если он не разделит моих забот, то кто разделит их?

В требовательности матери к Фрейду чувствуется гораздо большая любовь к нему, чем в ласковой болтовне отца.

Фрейд. Когда истекает срок платежа?

Отец, удрученный, сидит и молчит. Мать отвечает отчетливо и твердо.

Мать. В понедельник.

Фрейд. Сколько вы должны?

Мать. Две тысячи гульденов.

Фрейд достает из кармана портмоне.

Мать *(с тревогой).* Но, Зигмунд, это же…

Отец. Что?

Фрейд устрашающе смотрит на Марту.

Фрейд. Пустяки, отец. Пустяки.

Марта поворачивается к матери.

Мать. Что, Марта? *(Пауза.)* Это деньги, которые ему дали на жизнь в Париже? *(Марта кивает. Отец глубже забивается в свое кресло.)* Дай нам половину того, что у тебя есть. Мы как-нибудь обойдемся.

Фрейд. Я дам все. Все!

Он вынимает из портмоне золотые монеты и стопочками кладет их на стол.

Фрейд *(считает).* Пятьсот. Тысяча. Две тысячи…

Марта. Но ведь у тебя просят…

Мать. Оставьте его. Если он не отдаст все, он себе этого не простит.

Марта *(в отчаянии).* Это же деньги на его поездку!

Мать молчит. Фрейд с видом маньяка раскладывает по столу золотые монеты. Неожиданно отец разрыдался.

Якоб. Я – ничтожество, ничтожество! Я не сумел заработать на хлеб своим детям, и вот мои дети кормят меня!

Долгие старческие рыдания. Фрейд не хочет смотреть на отца, он сидит как приклеенный на своем стуле, неприступный и бледный. И вдруг с какой-то наигранной и тягостной веселостью начинает говорить, выдумывая на ходу.

Фрейд. Но для меня это не помеха. Вовсе нет. *(Говоря, он слегка отворачивается.)* В Париже буду читать лекции. Мне обещали, что я буду получать в два раза больше.

Отец не перестает плакать. Фрейд протягивает руку, кладет ее на голову отца (так успокаивают расплакавшееся дитя) и неожиданно, испугавшись, отдергивает ее.

Долгое молчание. Он снова цепенеет. На плечо Фрейда опускается рука; он поднимает голову и видит мать, которая стоит возле него и улыбается прекрасной улыбкой спокойной и благодарной любви. Фрейд немного успокаивается. Отец перестает плакать.

Якоб *(почти униженным тоном).* Все-таки ты едешь завтра?

Фрейд *(весело).* Конечно. Завтра в 8.05 утра.

(6)

После полудня.

Фрейд с Мартой выходят из дома родителей. Идут молча. У Фрейда нервный и раздраженный вид. Улица выходит на маленький пустынный сквер. Они заходят туда. Марта – она тоже мрачная, как ее спутник, – с тревогой смотрит на Фрейда.

Фрейд *(неожиданно начинает кричать).* Вы добились своего. Я

никуда не поеду.

Марта *(опешив* от *испуга и гнева, ледяным тоном).* Кто именно?

Фрейд. Вы все! Ты хотела, чтобы я остался в Вене, не так ли?

Марта молчит, но чувствуется, что она глубоко уязвлена.

Фрейд. Так вот, можешь радоваться. Мейнерт предлагает мне читать лекции вместо себя. Я принимаю предложение. Что ты на это скажешь?

Марта *(очень сухо).* Поступай как знаешь.

Фрейд с трудом делает еще несколько шагов вперед, потом опускается на скамейку. Он бледен и тяжело дышит. Марта не спеша подходит к нему. Состояние жениха внушает ей одновременно раздражение и тревогу.

Фрейд. Это веление Божье. Все кончено. Мне запрещено прикасаться к древу науки. Отлично. Я и не прикоснусь. Буду как все, словно гой. Без биографов. Даже без самого плохонького. Вот что значит кое-чего добиться в жизни. *(С неожиданной озабоченностью.)* Придется вернуть университету деньги. Мейнерт поможет. Они дадут мне отсрочку. *(С силой схватил Марту за запястье.)* У нас будут дети, Марта, много детей. Но я никогда перед ними не заплачу. Не рассчитывай на это. Отец – это Закон, Моисей. *(Смеясь.)* Хорош Моисей, который плачет!

Фрейд вновь берет себя в руки.

Бесстрастный и учтивый, он говорит уверенно, но сам не верит в то, о чем говорит.

Фрейд. Марта, ты должна простить моего отца. Он был сильным и строгим. И вот во что его превратили римляне.

Марта *(с возмущением).* Ты не должен просить у меня прощения за своего отца. Он добрый человек, я его уважаю, и мне сильно повезет в жизни, если ты будешь таким, как он.

Фрейд резко встает.

Фрейд *(грубо).* Я никогда не буду таким, как он, никогда! Тем хуже для тебя, если ты предпочитаешь таких, как он. *(Он снова берет себя в руки.)* Не моя вина, что у меня не было юности. Мне двадцать девять лет, я работаю по двенадцать часов в день, мне нужно будет содержать собственную семью, а я, чтобы прожить, влезаю в долги. *(Пауза.)* Значит, ты ничего не поняла: мне необходимо поехать в Париж.

Марта, бледная от гнева, тоже встает.

Марта (в *ярости).* Ну и поезжай! Поезжай скорее! Билет у тебя есть.

Фрейд. Есть. Но я сдам его.

Марта*(по-прежнему в ярости)*. Почему?

Фрейд. На что я буду жить? У меня не осталось ни гроша.

Марта. Проживешь как-нибудь.

Фрейд на мгновение задумывается и принимает решение.

Фрейд. Ты права. Пойду в лакеи. Ты знаешь, что моя сестра была домашней прислугой. Да, ее звали Роза. Целых два года. Заработок она посылала в семью. Брат прислуги вполне может быть лакеем.

Он немного успокаивается. Подходит к Марте, словно хочет обнять ее.

Фрейд. Марта, любовь моя.

Марта *(отступает назад, глаза ее сверкают гневом).* Оставь меня в покое! И не рассказывай мне больше, будто ты предпочитаешь мой мизинец всей Науке. *(Он смотрит на нее угрюмо и разочарованно. Она взяла себя в руки. Равнодушно.)* Мне пора домой. Не провожай меня.

Фрейд. Ты придешь на вокзал?

Марта. Не знаю. Подумаю.

Она уходит; Фрейд не пытается ее удержать.

Он стоит задумавшись, потом машинально вытаскивает из кармана портсигар, берет сигару и закуривает. При первой же затяжке кашляет.

Он продолжает курить и кашлять, но вдруг хватается левой рукой за сердце и опускается на скамейку; видно, что ему плохо, но он упорно продолжает курить.

(7)

Входняя дверь в роскошную квартиру на третьем этаже богатого дома.

Марта звонит. Открывает слуга.

Марта Я хотела бы видеть фрау Брейер.

Слуга. Здравствуйте, фрейлен Бернайс. Простите, но фрау Брейер нет дома.

Пауза.

Марта. Тогда спросите доктора Брейера, может ли он уделить мне пять минут для беседы.

Слуга. Доктор ушел вместе с фрау Брейер. Они вернутся поздно, после ужина.

Марта *(похоже, ее очень огорчает эта неудача).* После ужина! *(Пауза.)* Ладно. Передайте, пожалуйста, фрау Брейер, что я зайду

вечером.

(8)

Ночь.

Фрейд в сюртуке лежит на своей постели. Он встает, надевает цилиндр, вставляет в петлицу цветок и берет трость. Он пересекает комнату, открывает дверь, которая выходит прямо на площадь Ринг, и покидает комнату. Площадь, озаренная резким, ледяным светом, совершенно безлюдна. У всех дверей – мусорные ящики. Когда Фрейд проходит мимо одного из них, крышка слегка приподнимается и снова, с мягким стуком, захлопывается. Из другого высовывается нос крысы. По Рингу в военном мундире шагает человек, он приближается к Фрейду, сейчас они столкнутся. За кадром – шум толпы.

Зычный голос *(перекрывает все остальные).* Се грядет Император. Отец Родины. Вечный отец.

Карфагенский воин, похожий на Ганнибала, старательно целится в Императора из арбалета. У воина злой и грубый вид. Летит стрела.

Фрейд*(громко кричит)*. Нет!

Полная тьма.

Фрейд зажигает свечку. Он – в ночной рубашке, вид у него взволнованный. Он встает с постели, роется в чемодане, берет чистую тетрадь и карандаш, записывает. «Ночь с 15 на 16 сентября 1885 года. Сон об императоре Франце Иосифе».

(9)

Шесть часов утра. Пустынный перрон большого вокзала.

Еще не рассвело. По перрону проходит носильщик, толкая перед собой повозку. Он замечает бледного и взволнованного мужчину. Это Фрейд, который сидит на скамье между двумя битком набитыми чемоданами. Фрейд курит сигару и кашляет.

Носильщик. Что вы тут делаете?

Фрейд. Поезда жду.

Носильщик *(указывает на пустой путь и вокзальные часы, которые показывают шесть часов).* Я советую вам прилечь. Вам еще долго ждать. *(Фрейд закашлялся.)* Вот оно что! Сигара натощак губит мужчину.

Фрейд *(с мрачной иронией).* Черт возьми! Натощак она вкуснее.

Носильщик уходит. Фрейд остается один. Вид у него болезненный. Он вынимает часы, кладет их на колени и проверяет свой пульс. Снова прячет часы в кармашек жилета и поднимает руку с сигарой ко рту. Чья-то ладонь опускается на его рукав, он резко оборачивается: перед ним Марта.

Он вскакивает, отбрасывает сигару и порывисто обнимает свою невесту.

Фрейд. Марта! *(Она, смеясь, вырывается.)* Какое счастье!

Марта. Отпусти меня! От тебя табаком несет.

Фрейд. Кто тебе внушил эту дивную мысль?

Марта. Какую мысль?

Фрейд. Прийти так рано.

Марта. Ты. Чем раньше уедешь, тем скорее вернешься.

Фрейд. Не жалуйся! Раньше, когда я куда-нибудь уезжал, я боялся умереть; теперь боюсь опоздать на поезд. Уже прогресс.

Сильно побледнев, он неожиданно опускается на скамью, пытаясь улыбнуться.

Марта *(встревожившись)*. Что с тобой?

Фрейд *(вымученно шутя)*. Вот видишь, я все еще чуточку боюсь умереть.

Марта *(садится рядом, смотрит на него в упор)*. Ты только что щупал пульс. Я видела. Почему? *(Фрейд молчит. Вид у него подавленный, чувствуется, что говорить ему трудно)*. Плохо с сердцем?

Он кивает головой: да, мол, сердце. Она встает. Он удерживает ее за рукав.

Фрейд *(говорит с трудом)*. Ты куда?

Марта. На вокзале есть дежурный врач. *(Фрейд не отпускает ее.)* Ты никуда не уедешь, если тебя не осмотрит врач.

Фрейд *(резко)*. Марта! Не мучь меня! *(Она смотрит на него с изумлением.)* Врачи тут ничем не помогут. *(Она порывается что-то сказать.)* Молчи! Сердце в порядке. Боль – в другом.

Марта *(разозлившись)*. Ясно. Вот она где! *(Марта прикладывает указательный палец ко лбу Фрейда. Он с облегчением улыбается.)*

Фрейд *(с улыбкой)*. Именно здесь. *(Он заставляет Марту сесть рядом и обнимает ее.)* Подожди. Посиди со мной. Мне так хорошо с тобой, Марта. Слишком хорошо. Одна ты можешь меня исцелить. *(Словно дает клятву.)* И ты исцелишь меня.

Часы показывают семь.

Фрейд кажется уже менее подавленным. Он по-прежнему сидит,

прижавшись к Марте. Недалеко от них мусорщик наполняет мусором ящик, такой же, что Фрейд видел во сне.

Фрейд. Я хотел тебе сказать… Прости меня за вчерашнее.

Марта *(с нежностью)*. Я тебя давно простила.

Фрейд*(целует ее)*. Послушай меня. Я – не сумасшедший. Но чувствую, что я… странный. *(Мусорщик закрывает крышкой ящик и уносит его. Фрейд показывает на себя.)* Я как эта крышка. А что под ней, мне неизвестно.

Марта*(насмешливо)*. Бесы.

Фрейд. Может быть. Во всяком случае, какие-то силы. И стоит крышке приподняться… Вчера я потерял контроль над собой: я разнес бы всю землю, заодно с тобой и со мной.

Марта*(вновь став серьезной и встревоженной)*. Но почему же ты такой?

Фрейд.Не знаю. Может быть, из-за бедности. *(Он нежно гладит Марту по щеке. С иронией.)* Или из-за слишком затянувшейся помолвки. Когда я вернусь, мы обвенчаемся и все изменится. Я тебе клянусь, что все изменится.

Несколько минут спустя.

К перрону подали состав. Вместе с Мартой Фрейд поднимается в вагон третьего класса, таща свои тяжелые чемоданы; один забрасывает в сетку, другой кладет на свое место.

Фрейд. Ты сердишься, что я уезжаю.

Марта. Если ты меня любишь, то не сержусь.

Фрейд. Я люблю тебя больше жизни. *(Семь часов сорок пять минут. Она берет его за руку и заставляет сойти на перрон.)* Зачем? У нас еще двадцать минут. *(Она вглядывается в пассажиров, которые появляются на перроне и начинают рассаживаться по вагонам. Оборачивается на входной турникет.)* Я говорю тебе о любви, а ты разглядываешь прохожих. *(Она не сводит глаз с турникета. Он прижимает Марту к себе, но она поворачивает голову и кого-то ищет в толпе.)*

Марта. У меня свидание.

Фрейд. Марта!

Марта. А почему бы и нет. Ты же бросаешь меня совсем одну.

Фрейд. Прошу тебя, не шути так…

Она освобождается из объятий Фрейда и машет рукой высокому шатену с бородкой, неброско, но элегантно одетому мужчине лет сорока, с тонким, ироничным, а главное, очень добрым лицом. Он ищет кого-то, идя вдоль состава.

Фрейд. Брейер! *(Он с явной радостью бросается к Брейеру. Но, как всегда, подбежав к нему, цепенеет от смущения.)* Вы пришли со мной попрощаться?!

Брейер*(увидев Фрейда, расплывается в улыбке; пожимает ему руку с искренним волнением. Потом говорит шутливо, но очень авторитетно)*. Это во-первых… *(В руках у него пакет, который он протягивает Фрейду.)* А это во-вторых…

Фрейд отпрянул и помрачнел.

Фрейд *(с каким-то страхом)*. Нет, не надо!

Брейер. Послушайте, Фрейд. Я знаю, что вы едете без гроша. Вы молоды и легко найдете место, но, если вам придется работать по десять часов в день, чтобы заработать на хлеб, никакой пользы от стипендии и лекций Шарко вы не получите.

Фрейд. Я и без того слишком много вам должен.

Брейер *(с улыбкой)*. Фрейд, вы отправляетесь в Париж с официальным поручением. Ваш долг – принять эти деньги. Возьмите их так, словно бы вам давал их старший брат или отец. Вы отдадите их мне, когда сможете.

Лицо Фрейда, когда он слышит слова «или отец», светлеет. Он успокаивается.

Фрейд. Беру. *(Он маяча, но с глубокой любовью смотрит на Брейера. И вдруг смеется.)* А вы знаете, что я увожу с собой проклятие Мейнерта? Я – блудный сын! Он меня проклял! Ну что же *(пожимает руку Брейеру)*, сын выбирает другого отца *(Со сдержанным волнением.)* Благодарю вас.

Брейер*(смутившись, скороговоркой)*. Я вас оставляю.

Фрейд провожает глазами уходящего Брейера Смотрит ему вслед с какой-то спокойной и почтительной нежностью. Потом отворачивается и подходит к Марте.

Фрейд. Откуда он узнал… *(Марта улыбается.)* Это ты ему сказала?

Она хохочет. На мгновение кажется, что он готов рассердиться, но потом улыбается.

Фрейд. Все к лучшему. Эта поездка тебе вовсе не нравится, и все-таки именно ты даешь мне возможность ее совершить Я люблю тебя. *(Последний раз он бросает взгляд в сторону Брейера, и лицо его слегка мрачнеет.)* Мне все же было бы гораздо приятнее, если бы он просто пришел пожать мне руку.

Свисток.

Голос за кадром. Пассажиры на Мюнхен, Базель, Париж,

пожалуйте в вагоны.

Фрейд *(поворачивается к Марте).* Ты будешь думать обо мне?

Марта. Каждую минуту. А ты?

Фрейд. Каждую минуту.

Марта. Даже на лекциях Шарко? Лгун!

Фрейд. Даже на лекциях Шарко. А ты не будешь ходить на каток?

Марта (с *легким раздражением).* Да нет же.

Фрейд. Поклянись мне.

Марта. Как ты мне надоел!

Снова свисток.

Голос за кадром. Пожалуйте в вагоны. Пожалуйте в вагоны.

Поезд медленно трогается.

Фрейд. Если не дашь клятву, поезд уйдет без меня.

Марта *(видя, что поезд набирает ход).* Беги же! Беги! Ну да, клянусь! Беги же, а то не догонишь.

Фрейд бежит вдоль поезда, который увеличивает скорость, и вскакивает на площадку последнего вагона.

(10)

Париж. Январь 1886 года.

В глубине улицы – больница. Издалека видны большие позолоченные буквы «Hopital de la Salpetriere».

Идет снег, торопятся в больницу молодые люди – студенты и врачи. Двор больницы. Печальная и темная прихожая. У Фрейда насмешливый и довольный, почти веселый вид. Он привычно идет по коридору и, явно задумавшись о чем-то, достает из портсигара сигару и задумчиво ее раскуривает. Сразу же закашливается. Чем чаще он затягивается, тем больше кашляет, краснеет. Лысый и полный мужчина небольшого роста выходит из комнаты в коридор (на двери табличка: «Кабинет доктора Шарко»), насмешливо разглядывает Фрейда и легонько хлопает его по руке.

Шарко. Мсье, здесь не курят.

Фрейд вздрагивает, узнав Шарко.

Фрейд *(кашляя).* О, простите.

Шарко *(с улыбкой смотрит на него).* Вы кашляете как проклятый! Сколько сигар в день?

Фрейд *(доверчиво, откровенно).* Я… *(Смущаясь.)* Двадцать пять.

Он не знает, куда девать сигару.

Шарко. Несчастный. *(Пауза.)* А почему?

Фрейд. Не знаю. Меня охватывает желание…

Шарко. Которое хватает вас за горло. Это вы обращались с просьбой побеседовать со мной?

Фрейд. Я. *(Вытягивается в струнку, щелкая каблуками.)* Доктор Зигмунд Фрейд.

Шарко *(указывая на кабинет, откуда он только что вышел)*. Зайдите ко мне после лекции.

(11)

Аудитория в конце коридора.

Много студентов.

Все стоят. Шарко тоже стоит. Перед ним стол, на котором две бутылки. У больших окон в глубине – два стула и складная брезентовая кровать.

Фрейд расположился в первом ряду. Шарко читает лекцию, прохаживаясь взад-вперед по аудитории. Он крайне самоуверен, держится очень непринужденно и артистично.

Шарко. Прошлый вторник я рассказывал вам о классических симптомах истерии: параличах, или, пользуясь термином, который я предпочитаю, контрактурах, гемианестезиях, слабых или сильных припадках и т.д. и т.п. Мы не сможем глубже проникнуть в эту область, не прибегая к методу исследования очень древнему, но который лишь совсем недавно стали использовать в позитивных науках. Я имею в виду гипнотизм. Опыт действительно показывает, что больные истерией особенно подвержены внушению и можно легко погрузить их в гипнотический сон.

Практиканты и санитары вводят двух больных. Одна из них – молодая женщина с контрактурой правой руки (рука согнута и прижата к груди); другая – старуха, похожая на ту слепую старуху в Вене, передвигается с трудом, опираясь на костыли (истерический паралич левой ноги).

Обе кажутся запуганными и жалкими. Шарко размашистым жестом указывает на них (во всей этой сцене он похож на иллюзиониста).

Шарко. Вот два великолепных случая: Жанна и Полетта. *(Он улыбается обеим женщинам, улыбкой людоеда.)* Ложитесь, Жанна. *(Двое помощников укладывают старуху на раскладную кровать.) А* вы, Полетта, садитесь.

Молодая женщина опускается на один из стульев, который помощник поставил в середине аудитории. Шарко сначала направляется к Полетте.

Шарко *(наигранно отеческим тоном).* Ну, моя Полетта, что у вас болит?

Полетта *(показывает на руку).* Рука.

Шарко. Закройте глаза. *(Она закрывает. Он заговорщически подмигивает собравшимся и сильно щиплет больную руку.)* Что я сделал?

Полетта *(с закрытыми глазами).* Ничего.

Шарко *(снова подмигивая аудитории).* Контрактура правой руки с гемианестезией. Классический случай. Классический. *(Подходит к Жанне.)* А у вас что, матушка моя? *(Склоняется над раскладной койкой.)*

Жанна *(слегка хнычущим голосом).* Нога отнялась.

Шарко. Давно?

Жанна. В восьмидесятом.

Шарко *(с наигранным безразличием).* Шесть лет назад. Отлично! Отлично! Ну-с, давайте посмотрим, что там у вас. *(Он высоко задирает халат больной. Ноги у Жанны голые. Левая нога похожа на левую ногу старухи-истерички в Вене. Шарко ощупывает ногу.)* Сильная контрактура мышцы бедра. Ригидность суставов. Нога напоминает несгибаемый стержень. *(Взявшись за ступню, он поднимает левую ногу. Таз подчиняется этому движению и приподнимается.)* Видите. *(Он опускает ногу.)* Это симптом истерии, который исключительно редко встречается при органических параличах. *(Он снова резким движением поднимает левую ногу больной. Вся нога начинает дрожать. Он отпускает ногу Жанны. Дрожь продолжается еще долго, после чего конечность больной принимает исходное положение.)* Классический случай! Классический! *(Он, смеясь, смотрит на аудиторию. Фрейд словно заворожен. Слушатели, все по-разному, но живо реагируют на лекцию Шарко.)* Сейчас мои помощники приведут этих женщин в состояние гипноза.

Двое врачей подходят к Жанне, еще двое – к Полетте. В каждой из этих групп один из помощников держит за спиной зажженную керосиновую лампу, напоминающую по форме фонарь. Передние стенки фонарей света не пропускают, в них проделаны крохотные круглые дырочки, сквозь которые пробивается луч света.

Врач *(Жанне).* Смотрите на светящуюся точку. Смотрите хорошенько. *(Наклоняется к Жанне.)*

Второй врач *(поднося фонарь к лицу Полетты).* Полетта, смотрите, не отводя глаз, на светящуюся точку. *(Полетта вздрагивает.)* Смотрите! *(Она покорно смотрит. Шарко, заложив руки за спину, прохаживается взад-вперед.)* Вы засыпаете! Спите, спите! *(Полетта с широко раскрытыми глазами послушно засыпает, словно слегка оцепенев.)*

Голос за кадром *(врача, который обращается к Жанне).* Вы уснули, Жанна. Уснули.

Фрейд увлеченно следит за каждой больной. Его взгляд перебегает от одной больной к другой, словно он наблюдает теннисный матч. Шарко подходит к Полетте и пристально смотрит ей прямо в глаза.

Шарко. Эта спит. *(Обращаясь к помощникам, которые хлопочут вокруг Жанны.)* А другая?

Пауза. Помощники, склонившиеся над Жанной, распрямляются.

Помощник. Готово, она уснула.

Шарко продолжает расхаживать.

Шарко *(профессорским, словно он говорит с кафедры, тоном).* Состояние, в котором находятся обе наши больные, можно было бы определить как спровоцированный сомнамбулизм. Они подвержены любому внушению. Внимание! *(Улыбаясь, он подходит к Полетте с видом настоящего иллюзиониста. Встав за ее спиной, окликает женщину.)* Полетта! Полетта! *(Она вздрагивает.)*

Полетта. Что?

Шарко. Она выздоровела. Полетта выздоровела. *(Словно превосходный актер, он разыгрывает изумление.)* Смотрите! Ваша правая рука… шевелится! Попробуйте-ка шевельнуть ею. *(Полетта шевелит левой рукой.)* Нет, не этой. Правой! *(Полетта смотрит, как двигается ее левая рука. Постепенно начинает разжиматься и ее правая рука: Полетта наблюдает за движениями левой руки и имитирует их правой рукой.)*

Во время этой сцены за кадром раздаются голоса помощников, которые занимаются Жанной.

Голоса. Жанна! Жанна! Вы здоровы. Вы здоровы. Здоровы!

Постепенно движения правой руки делаются все более гибкими. В конце концов движения обеих рук синхронизируются. Шарко отходит от Полетты и идет к Жанне, которая по-прежнему лежит на койке.

Шарко *(властным тоном, он почти смешон в своем актерстве).* Встань и иди!

Жанна с трудом садится на койку, потом с помощью ассистентов встает и стоит прямо, не опираясь на костыли.

Шарко. Иди! Иди же. *(Жанна, пошатываясь, направляется к свободному стулу, стоящему возле Полетты, и не садится, а, скорее, падает на него. Полетта обеими руками продолжает делать* какие-то *странные движения, которые напоминают магические жесты заклятья.)* Первое следствие внушения – это снятие симптомов истерии. Само собой разумеется, гипнотизм неэффективен, когда мы

имеем дело с органическими параличами. *(Указывает на больных.)* Второе следствие состоит в том, что путем внушения мы вынуждаем больных воспроизводить их сильные истерические кризисы. *(Он подходит к Жанне, которая, кажется, его не слышит.)* Жанна! Жанна!

Голос ассистента за кадром. Полетта! Полетта!

Шарко *(склонившись к Жанне, шепчет ей на ухо).* Бедняжка Жанна. Сейчас у тебя будет очередной приступ.

Голос за кадром. Кризис, Полетта, кризис!

Шарко. Жанна! Внимание! Веди себя осторожно, наступает кризис. Веди себя осторожно! *(Жанна встает со стула и пытается идти. Грубо и неловко она мимикой выражает испуг, нежелание, гнев.)*

Шарко *(не без цинизма).* Одна готова.

Шепот за кадром. Полетта! Бедняжка Полетта!

Шарко *(он следует за старухой Жанной, которая ходит по кругу, и, как актер, передразнивает ее самые выразительные позы, шаржируя их). Эта.* не скажет ни слова.

В это мгновение раздается истерический женский смех.

Сперва отрывистый и резкий, он делается непрерывным, становится раздражающим, почти болезненным.

Шарко *(он весь сияет).* А вот готова и вторая!

Он пересекает зал, оставив Жанну и возвращаясь к Полетте, которая начинает топать ногами и вскидывать в воздух руки.

Полетта *(смеется, как будто ее щекочут).* Нет, оставьте меня, мсье Поль. Нет, не надо. Не делайте так. Ха-ха-ха! О, как я боюсь щекотки. *(Она корчится, словно ее щекочут.)* Нет, Робер! Не оставляй меня больше одну с твоим другом.

Шарко *(он одновременно равнодушный и раздраженный).* Содержание бреда не имеет никакого значения.

Фрейд – он слушает со страстной увлеченностью – при этих словах вздрагивает и хмурит брови.

Шарко, внимательно следящий за аудиторией, не преминул отметить эту недоверчивость Фрейда.

Шарко *(обращаясь к Фрейду).* Доказательство этого заключается в том, что можно как угодно менять ход ее мыслей.

Он подходит к столу, берет флакон одеколона, открывает, с наслаждением вдыхает его запах.

Шарко *(радостно).* Одеколон!

Сделав пируэт, он подходит к Полетте, корчащейся от смеха,

едва не натолкнувшись на старуху, которая вертится в кругу слушателей и вскидывает вверх руки, словно имитируя какой-то танец. Он подносит открытый флакон к носу больной.

Полетта *(прекращает смеяться, говорит жеманным голосом).* Ах, как благоухает ваш сад. Да, по утрам мы ездим верхом в парке. Отец на своей кобыле, я – на своем пони. Там росли восхитительные глицинии.

Пока она говорит, Шарко делает знак рукой. Ассистент приносит другую бутылку и открывает ее.

Шарко *(понюхав).* Сероуглерод.

Весело подмигивает собравшимся.

Он резко подносит к носу Полетты бутылку с сероуглеродом, отдавая флакон с одеколоном ассистенту, который его уносит.

Полетта *(с омерзением).* Какая пакость! Я же говорю вам, что они сгнили. Как и все, к чему прикасается мадам. Эти дохлые крысы. Я обещала отцу не убивать себя.

Шарко снова делает знак. Ассистент вынимает из чехла красные очки, которые показывает аудитории, и надевает их на нос Полетты.

Полетта *(вопит).* Мой отец не в крови! Ребенок не смог бы выжить. Он истек кровью, он истекает кровью, истекает. Мои руки сгноили его.

Ассистент быстро снимает очки, а Шарко убирает бутылку с сероуглеродом, которую ставит на стол.

Но Полетта опять корчится на стуле, делая руками спазматические движения, словно отгоняя какое-то видение. Шарко, опершись на стол, наблюдает за ней. Перед ним проходит Жанна, кружась, но не говоря ни слова. Шарко не обращает на нее никакого внимания: он смотрит на Полетту, смотрит холодно и пристально, как ученый в лаборатории.

Шарко. Сегодня утром Жанна реагирует плохо. Но посмотрите на Полетту, господа. Мы получим сильный приступ.

Полетта падает на пол.

Она начинает вопить и дрыгать ногами и руками. Она опрокидывает оба стула. Двое ассистентов хотят броситься к ней на помощь, чтобы она не поранила себя. Шарко жестом останавливает их.

Шарко. Оставьте ее. *(Слушателям.)* Она не поранит себя. Истерички во время приступов очень редко себя ранят. Именно это дает возможность с первого взгляда отличить приступ истерии от

эпилептического припадка. *(Он подходит к Полетте и кладет ей руки на. лоб. Вкрадчивым голосом.)* Кризис прошел, Полетта. Прошел. Все хорошо. *(Полетта понемногу успокаивается.)* Встаньте! Поднимите стулья! *(Полетта исполняет приказание.)* Сядьте. *(Она садится.)*

Шарко *(подхватывает проходящую мимо Жанну и подводит ее к пустому стулу)*. Садитесь, Жанна. Хватит! Садитесь.

Жанна садится.

Обе больные сидят рядом, как в начале сцены. Глаза у них открыты и смотрят в одну точку. Вид – совершенно обессиленный.

Шарко *(обращаясь к аудитории)*. Мсье Дожэн! В первой фазе гипнотическое внушение привело к исчезновению истерических контрактур. Что болело у Полетты?

Дожэн. Правая рука. *(Дожэн складывает руку, имитируя контрактуру.)*

Шарко. А у Жанны?

Дожэн. Левая нога. *(Показывает на свою левую ногу указательным пальцем левой руки.)*

Шарко. Смотрите внимательно. *(Он слегка ударяет Жанну по правому плечу. Та вздрагивает, ее правая рука сгибается и застывает в контрактуре.)* Для нервного больного, особенно предрасположенного, достаточно малейшей травмы, чтобы вызвать во всей конечности чувство онемения и как бы зачаток паралича. *(Он подходит к Полетте, слегка бьет ее по бедру и икре.)* Благодаря механизму самовнушения этот задаточный паралич становится настоящим параличом. Этот феномен происходит в очаге психических процессов, в коре головного мозга. Мысль о движении – это уже начатое движение, мысль, если она сильна, об отсутствии движения – это уже реализованный двигательный паралич. Этот паралич, назовите его идеальным, психическим, представляет собой все что хотите, но только не мнимый паралич. Полетта и Жанна поменялись своими контрактурами.

Дожэн, который несколько минут следил за опытом, разинув рот, с увлеченностью зрителя в мюзик-холле, невольно захлопал. Спохватившись, он покраснел, пряча руки в карманы. Но Шарко уже успел бросить на него испепеляющий взгляд.

Шарко *(гордый и убежденный в своей правоте)*. Вы не ошиблись адресом, мсье? Здесь занимаются Наукой. *(Ассистентам.)* Уведите больных.

Жанна без труда встает, Полетте приносят костыли. Ее поднимают, и она уходит, опираясь на них.

Шарко *(в тот момент, когда больные пересекают зал).* Создание психических параличей путем гипноза есть результат вызванного нами состояния. Но то, что сделал гипнотизер, он же может и уничтожить. Сейчас мои ассистенты разбудят наших приятельниц. Они их также освободят от болезней, которые я им навязал. К сожалению, они снова обретут те болезни, какими они сами себя наградили. Полетта перестанет двигать правой рукой в тот самый момент, когда у нее восстановится левая нога. У Жанны все произойдет наоборот. Гипнотизм способен воспроизводить симптомы болезни, но не способен их излечивать. *(Обращаясь к аудитории.)* Лекция закончена. У кого есть вопросы? *(Обводит взглядом присутствующих.)*

(12)

В кабинете Шарко.

Шарко сидит в удобном кресле.

Он слушает Фрейда, восторженного, но по-прежнему сдержанного, даже слегка скованного в проявлении своих чувств, который, не сняв пальто, прямо сидит на стуле.

Фрейд. Я ожидал от вас всего, мсье, и я не ошибся. Вы открыли мне целый мир. Я… я теперь смогу работать.

Фрейд выглядит значительно моложе, чем в предыдущих сценах. Шарко, польщенный, но настроенный скептически, с улыбкой слушает.

Шарко. Целый мир? Какой же?

Фрейд. Но, господин профессор, это же очевидно. У вас возникла гениальная – позвольте мне так ее определить – мысль воспроизвести посредством внушения симптомы истерии. Это доказывает, что больные вырабатывают эти симптомы путем самовнушения под властью воспоминаний, мыслей и чувств, о которых они забыли или даже не подозревали.

Шарко. Но я ничего не знаю об этом. Никакой опыт не позволяет этого утверждать.

На сей раз Фрейд не может справиться со своим возбуждением, он встает и начинает расхаживать по кабинету.

Шарко следит за ним с удивлением и не без раздражения.

Фрейд. Нет, мсье, позволяет. Например, ваш опыт сегодня утром. Сознательные мотивы наших поступков не истинны. Я приезжаю на вокзал за два часа до отхода поезда. Я полагаю, что боюсь опоздать на поезд. Но это не так. За этим скрыто другое. Более глубокий страх,

нечто такое, чего я не знаю. Или не хочу знать…

Внезапно Фрейд замечает свое волнение, нерешительно смотрит на Шарко. Фрейду страшно. Лицо его становится непроницаемым, он снова делается мрачным и жестким. Пауза.

Фрейд. Извините меня.

Усаживается на стул напротив ошеломленного Шарко.

Фрейд *(полностью ушедший в себя, потерявший всякий контакт с Шарко).* Я пришел просить у вас разрешения перевести ваши произведения на немецкий язык.

(13)

Вена. Октябрь 1886 года.

Квартира Фрейдов. Несколько дней спустя после свадьбы. Еще не стемнело, но уже смеркается.

Довольно большая столовая в два окна. Несколько скромных предметов мебели кажутся какими-то потерянными в этой просторной комнате.

На столе столовое серебро и посуда. Марта пересчитывает ножи, вилки, тарелки, рюмки, в основном это свадебные подарки, и раскладывает их затем по ящикам буфета или шкафам.

Фрейд*(властным тоном)*. Марта!

Она поднимает глаза, и перед ней возникает стоящий на лестнице у стены Фрейд, у которого в одной руке картина, а в другой – молоток и гвозди. Он собирается повесить на стену застекленную гравюру «Клятва Ганнибала». Выглядит он молодо и весело, полон сил и жизни. Марта подшучивает над ним, но видно, что она счастлива; супружеское счастье очень ее красит.

Фрейд *(с насмешливым упреком).* Скажи, ты сняла квартиру для того, чтобы поместить в нее своего мужа, или взяла себе мужа, чтобы поместить его в свою квартиру? Послушай же!

Он роняет на пол молоток.

Марта *(вздрогнув).* Слушаю!

Фрейд медленно спускается с лестницы, чтобы подобрать молоток. Потом становится перед Мартой и мешает ей пройти к шкафу.

Фрейд *(в шутку напуская на себя страшный вид).* Мы можем лечить гипнозом.

Марта *(смеясь).* Приказывая больным снова стать здоровыми?

Фрейд. Вот именно.

Марта. И об этом ты скажешь им сегодня вечером на своей лекции?

Фрейд. Скажу.

Марта хочет пройти, но Фрейд в шутку ей мешает.

Марта *(очень недоверчиво и насмешливо).* И поэтому к тебе повалят пациенты?

Фрейд. Повалят огромными толпами.

Марта. Пропусти меня! Ты мне мешаешь.

Фрейд. Предлагаю тебе пари. Известен ли тебе доктор Зигмунд Фрейд, специалист по нервным и психическим болезням?

Марта *(приняв игру).* Я знаю его прекрасно: это мой муж.

Фрейд. Сегодня 15 октября 1886 года. Сколько больных у доктора Фрейда?

Марта. Ни одного.

Фрейд. Через год, 15 октября 1887 года, у него будет пятьдесят пациентов.

Марта. В день?

Фрейд *(подумав).* Это слишком много. Положим, в неделю. Принимаешь пари? Если я проиграю, подарю тебе золотое колье.

Марта. Если ты проиграешь, у тебя не будет ни гроша, чтобы его купить.

Фрейд. Я выиграю. Послушай хорошенько.

Марта. Пусти меня. *(Марта начинает проявлять признаки усталости. Ей тяжело держать стопу посуды.)* Пусти, или я уроню тарелки.

Фрейд *(невозмутимо забирает у нее тарелки и ставит их на стол).* Марта, доктор Зигмунд Фрейд *(вынув из карманчика часы, сверяет время)*... ровно через час выступит с сообщением в Медицинском обществе, где соберутся самые знаменитые врачи. Он будет говорить о мужчинах-истериках и предложит новую терапию. Ровно через два часа он будет раскланиваться под гром оваций, слышишь? Оваций. Завтра слух о его триумфе разнесется по всему городу. Послезавтра больные бросятся к нему в кабинет.

Марта *(с иронией).* А на третий день все газеты на первой странице сообщат, что доктор Фрейд, прибегая к гипнозу, вылечил дюжину сломанных ног и три перелома таза.

Она подшучивает над ним, но очевидно, что ей хорошо известно, о чем он хочет сказать.

Фрейд *(по-прежнему в шутку).* Ты ничего не поняла.

Он притворяется, будто прекращает спор, снова забирается на

лестницу и забивает гвоздь.

Фрейд. Гипнозом лечат только неврозы. Есть больные, которых без всякой видимой причины охватывают приступы тревога. Это происходит потому, что их терзают психические силы, которых они не осознают. Нужно путем внушения разбудить в них противоположные, но столь же бессознательные силы, чтобы нейтрализовать исходные психические силы.

Марта с раздражением топает ногой. Фрейд умолкает, поворачивается и смотрит на нее с высоты лестницы.

Марта *(с неподдельным раздражением).* Я ждала, что ты скажешь о бессознательном! От тебя, кроме этого слова, больше ничего не услышишь!

Фрейд. Какого слова?

Марта *(наполовину с иронией, наполовину с раздражением).* Во всяком случае, предупреждаю тебя, что, если я когда-нибудь заболею, даже не пытайся лечить меня внушением. Я – женщина порядочная. И никакого бессознательного у меня нет.

Фрейд сошел с лестницы, гравюру он повесил. Он делает вид, будто с огромным спокойствием разглядывает, ровно ли она висит. Он что-то насвистывает с безразличным и лукавым видом.

Марта *(рассержена, но очень весела).* Ты понял меня?

Фрейд *(с ироничным спокойствием, небрежно, не отрывая глаз от гравюры).* Если бы у тебя было бессознательное, у тебя не осталось бы никакого сознания.

Он по привычке достает из кармана портсигар. Марта бьет его по пальцам.

Марта. Опять за свое! Если хочешь курить, отправляйся в кабинет! *(Фрейд с недоумением замечает, что держит в руках портсигар. Он быстро прячет его в карман.)* Вот видишь. Ты сам в бессознательном. Ты даже не знал, что хочешь закурить. Что за удовольствие ты в этом находишь? Это же противно, дурно пахнет, всюду пепел. *(Шутливо, прокурорским тоном.)* Важно знать, что кроется за этим желанием?

Фрейд. Не знаю.

Марта *(лукаво).* Вот видишь. А я всегда знаю, что делаю.

Фрейд *(шутливо).* Всегда?

Марта *(лукаво).* Всегда!

Фрейд *(шутливо).* А почему ты не выносишь табак? Я задаю себе вопрос, уж не невроз ли это.

Марта. Неужели? А как же я выношу тебя?

Фрейд говорит шутливо, но за этой комедией чувствуется его

глубокая убежденность в своей правоте.

Фрейд *(шутя).* Ну это уже самый серьезный невроз. Ты, должно быть, сумасшедшая, раз любишь меня!

Сцена продолжается в игривом тоне.

Марта. Ну так лечи меня! Лечи же! Попробуй слегка меня загипнотизировать.

Они смотрят друг другу в глаза. Фрейд отворачивается первым, он действительно смущен.

Фрейд *(с какой-то сухостью, которая должна казаться необъяснимой).* Нельзя гипнотизировать собственную жену. Гипноз – это способ лечения, а не светская забава.

Марта *(с вызовом).* Значит, жену гипнотизировать нельзя? В самом деле? Ну а что тогда с ней можно сделать?

Фрейд смущен: Марта выжидающе прижалась к нему.

Фрейд. Ты хочешь узнать? Правда?

Он обнимает Марту. Впервые зритель чувствует, что она ему желанна. Его страсть к Марте (до поездки в Париж) казалась более порывистой и сильной, но не эротичной. Звонок в дверь. Фрейд отстраняется от Марты и идет открывать.

Фрейд. Это Брейер заехал за мной. *(Выходя, он говорит весело.)* Ты узнаешь сегодня вечером, что я намерен с тобой сделать.

(14)

В двухместной карете Брейера.

Изящная карета, кучер в ливрее и цилиндре. Фрейд и Брейер беседуют.

Брейер с дружеской симпатией смотрит на Фрейда. Фрейд возбужден, весел, но чуть-чуть встревожен. Они курят. Брейер – восточную сигарету. Фрейд пускает колечки сигарного дыма.

Брейер *(отеческим тоном, с легкой обеспокоенностью).* Вы столкнетесь с трудной публикой. Не набрасывайтесь на них сразу. Медицинское общество весьма консервативно, к тому же на заседании будут присутствовать ваши бывшие учителя. Если они вообразят, что вы поучаете их…

Фрейд. Я не задену ничье самолюбие.

Брейер смотрит на него с насмешливым недоверием и какой-то тревогой.

Фрейд *(дружески).* Даю вам слово. *(Убежденно.)* Но ни на какие уступки я не пойду.

Брейер *(кивает головой).* Именно это меня и беспокоит.

Фрейд. Высказывая истину, надо идти до конца.

Брейер *(недоверчиво качает головой).* Истину?

Фрейд *(пылко, с тревогой).* Брейер, неужели я вас не убедил? *(Настойчиво.)* Ведь я считаюсь только с вашим мнением.

Брейер *(избегая ответа на этот вопрос).* Во всяком случае, против лечения гипнозом у меня нет принципиальных возражений. Только вот Истина, видите ли… *(Он улыбается с ласковым, но не внушающим иллюзий видом.)* Существует множество истин… Они разбегаются во все стороны, как ящерицы, и я уверен, что эти истины не согласуются друг с другом. И чтобы поймать одну, хотя бы крохотную, истину не хватит целой жизни.

Фрейд улыбается в ответ. Но очевидно, что эти соображения его нисколько не убедили.

Брейер *(вздохнув).* Ну хорошо! Постарайтесь быть сдержаннее.

(15)

Вена. Октябрь 1886 года.

Медицинское общество. Амфитеатр. На возвышении – председатель, секретарь и читающий свой доклад Зигмунд Фрейд. Среди публики – зал почти полон – ни одной женщины. Во втором ряду сидит Мейнерт. Чуть повыше – Брейер. Публика серьезная (средний возраст присутствующих около пятидесяти), культурные и мрачные, бородатые лица. Многие в пенсне. Фрейд стоит у стола, покрытого зеленым сукном, на столе графин с водой и бокалы. Он заканчивает своё чтение, невольно прибегая к вызывающему тону, который удивляет собравшихся.

Уверенность столь молодого человека, должно быть, вызывает неприязнь множества пожилых, во всяком случае, вполне зрелых людей. Симпатии не возникло между оратором и публикой, хотя последняя держит себя серьезно и слушает с пристальным вниманием.

Фрейд. Клинические наблюдения, проведенные лично доктором Шарко над сотней больных мужчин, позволяют окончательно отбросить тезис, который – я слишком часто об этом слышу – отстаивают в медицинских кругах Вены и согласно которому истерия всегда проявляется только у женщин, оказываясь результатом половых расстройств.

Мейнерт слушает Фрейда невозмутимо, лишь левой рукой

беспрестанно теребит бороду.

Брейер иногда украдкой озирается, следя за реакцией аудитории. Остальное время он внимательно слушает, слегка улыбаясь, чтобы подбодрить Фрейда, который явно в этом не нуждается.

Фрейд. Совершенно очевидно, что после этих превосходных опытов нельзя больше сохранять даже малейших сомнений насчет невротической природы истерического поведения. Истерия имеет право гражданства среди психических заболеваний, и, каковы бы ни были заслуги отдельных выдающихся умов, надо предложить им благоговейно склониться перед Опытом: истерия также не является симуляцией болезни, как не является она и симуляционной болезнью. В соматических своих симптомах истерия характеризуется неким потворством тела, которое дает психическим конфликтам физический выход. Та внушаемость, которая отличает истерию от всех других психоневрозов, позволила мне показать вам, до какой степени неэффективны существующие методы терапии. Истерия не лечится массажами, душем и электротерапией. В заключение да будет мне позволено пожелать, чтобы мы наконец-то стали прибегать к гипнозу и использовать чрезмерную внушаемость больных для того, чтобы путем внушения же избавить их от болезней, которые они сами себе выдумали.

Фрейд закончил чтение и поклонился. Раздались жидкие хлопки, которые тут же смолкли. Долго аплодирует один Брейер. Мейнерт сидит неподвижно. Он вызывающе оперся руками на спинку свободного кресла перед собой.

Похоже, Фрейд растерялся, не знает, куда ему деваться. Он не понимает, сесть ли ему на свое место или оставаться у стола. Пытаясь выиграть время, Фрейд складывает в папку бумаги. Вся эта процедура происходит в гробовой тишине. Собрав бумаги, он собирается уходить, но председатель его останавливает.

Председатель (*ледяным тоном).* Благодарю вас, доктор Фрейд, за ваше сообщение. Однако я убежден, что у коллег есть замечания к вам и они пожелают высказать возражения. Кто просит слова?

Три врача поднимают руки.

Председатель. Доктор Розенталь. Доктор Бомберг. Доктор Штайн.

Не поднимая руки, Мейнерт с места просит слова. В этом собрании он явно пользуется непререкаемым авторитетом.

Мейнерт. Я добавлю всего несколько слов.

Председатель. Слово доктору Розенталю.

Доктор Розенталь *(указывая на Мейнерта).* В обсуждаемых

вопросах я разделяю мнение моего выдающегося собрата. И убежден, что он лучше меня выразит то, что я намереваюсь сказать. Я отказываюсь говорить.

Доктор Штайн и доктор Бомберг *(вместе).* Мы согласны с доктором Розенталем.

Председатель. Вы отказываетесь от выступления в пользу доктора Мейнерта?

Три врача.Да.

Мейнерт *(сидит, вцепившись руками в спинку свободного кресла, говорит властно, с жесткой иронией).* Я благодарю моих коллег за доверие и постараюсь его оправдать. В чести, оказанной мне, я усматриваю лишь одно преимущество – оно позволит нам скорее закончить этот спор. Я действительно не считаю, хотя и сожалею об этом, что сообщение доктора Фрейда должно слишком долго задерживать наше внимание.

Все головы поворачиваются к Мейнерту. Когда он шутит, его котлета охотно, с какой-то угодливостью посмеиваются. Только на лице Брейера написаны отчаяние и возмущение.

Мейнерт. В сообщении доктора Фрейда я нахожу много идей новых и много идей верных. К сожалению, верные идеи стары, а новые идеи ложны.

Фрейд, спокойный и мрачный, стоит, невозмутимо выслушивая эту «обвинительную» речь.

Мейнерт. Верно, например, что отдельные больные обнаруживают нервные расстройства, схожие с теми, которые описал наш коллега. Но я обращаюсь здесь к тем из собратьев, кто достиг моего возраста или немного постарше: разве эти симптомы не были известны давным-давно, во времена, когда мы впервые переступили порог медицинского факультета? Напротив, ново лишь то, что доктор Фрейд произвольно объединил все эти симптомы, чтобы наполнить содержанием ту мифическую болезнь, которую он именует истерией. Нам всем, дорогие коллеги, известно, что после внезапной травмы, например аварии на железной дороге, больной может какое-то время обнаруживать тот или иной из этих симптомов. Эмоциональный шок, страх вызывают в нервах тончайшие повреждения, которых пока не разглядишь в наши микроскопы. Однако эти крайне быстро проходящие расстройства, как то: гемианопсия, психическая глухота, похожие на эпилепсию припадки, галлюцинаторный бред и даже параличи, принадлежат ведению неврологии и всегда оказываются последствиями психического хаоса, вызванного несчастным случаем.

Я не считаю необходимым продолжать спор. Мне, господа, никогда не попадались мужчины-истерики, но я вынужден признать, что если истерия – болезнь, то мне не выпало удачи нашего молодого оратора, и я также не встречал женщин-истеричек, если не называть этим именем тех несчастных, которые пытаются вызвать к себе внимание врачей ложью и нелепыми кривляньями. Истерии не су-ще-ству-ет!

Аплодисменты. Один Брейер не хлопает.

Мейнерт. Одно слово в заключение. Я не отвергаю существования гипнотизма, напротив. Но я рассматриваю гипнотизера и гипнотизируемого как пару больных, из которой серьезнее болен отнюдь не гипнотизируемый. И мне жаль коллег, которые, пусть из чувства альтруизма, опускаются до того, чтобы играть при больных роль нянек при младенцах. Господа и дорогие коллеги, вернемся к нашей профессии врача, самой прекрасной из профессий. Пока исследования в физиологии не откроют нам новых свойств нервной системы, давайте придерживаться испытанных методов лечения. Массаж, душ, электротерапия – эти методы могут вызывать улыбку у нашего молодого собрата, но все-таки опыт доказывает, что без них излечение невозможно. Будем терпеливы и, главное, будем скромны! В чем и состоит первейший долг врачей и ученых.

Взрыв аплодисментов.

Председатель *(обращаясь к Фрейду).* Доктор Фрейд, не желаете ли вы ответить доктору Мейнерту?

Фрейд *(твердым, уверенным голосом).* Доктор Мейнерт вынес мне приговор, не подлежащий обжалованию. При этом он не соизволил выдвинуть возражений научного характера. В данных обстоятельствах я не вижу что ему можно возразить. И поскольку я считаю своим долгом уважать его возраст и большие заслуги, то предпочитаю промолчать.

Фрейд резко подхватывает свою папку и, не поклонившись, уходит. После этого бегства многие расслабились, легкий смешок пробегает по залу, пока слушатели поднимаются со своих мест. Некоторые с выражением восторженного ободрения пожимают Мейнерту руку. Вокруг него слышится:

– Вы отлично осадили его…

– Этот мужлан хочет поучать своего кюре.

– Молокосос…

Позади Мейнерта оживленно спорят два врача.

Первый врач. А вы чего хотели? Он же еврей!

Второй врач *(приятно удивлен).* Вот в чем дело.

Первый врач. Именно, хотя я не антисемит. Я лишь говорю, что нужно быть евреем, чтобы ездить в Париж за теориями, которые известны в Вене всем и уже давно отвергнуты.

Второй врач *(грустно качая головой).* Ясное дело! У этих людей нет родины.

(16)

Ночь. Пустынная улица.

Фрейд, с пылающими глазами, в глубоком раздражении идет в одиночестве. У тротуара, рядом с Фрейдом, останавливается карета. Фрейд вздрагивает, услышав голос Брейера.

Брейер *(высовываясь из кареты).* Садитесь! Садитесь скорее! Я вас разыскиваю целый час. Почему вы пошли этой дорогой?

Фрейд, помешкав, садится в карету. Он явно испытывает облегчение; чувствуется, что он признателен и благодарен Брейеру. Но он снова обрел свой мрачный вид и все свои тормозящие инстинкты: общение с людьми дается ему с трудом.

Изредка лицо его светлеет, но стоит ему заговорить о пережитом провале, как оно снова мрачнеет.

Брейер*(улыбается. Дым от сигары Фрейда уже заполнил карету. Какое-то мгновение они молчат. Потом Брейер отечески склоняется к Фрейду)*. Я нахожу, что Мейнерт был очень неприятен. *(Фрейд молча курит. Брейер продолжает, пытаясь успокоить его.)* В вашем сообщении содержались превосходные вещи.

Фрейд*(наигранно твердым, нежели спокойным голосом)*. Тот, кто не желает слышать, хуже любого глухого.

Брейер*(ласково)*. Боюсь, что вы настроили их против себя с самого начала. *(Фрейд пожимает плечами.)* Я же советовал вам держать себя осторожнее.

Фрейд смотрит на него, улыбаясь.

Фрейд. Я последовал вашему совету: был кротким как агнец. *(Смеется.)* Неприязнь объясняется другим. *(Пауза.)* Я – еврей, вот в чем дело.

Брейер *(негодующе).* Как вы можете говорить такое? Я тоже еврей, но никогда не чувствовал враждебности ни у моих коллег, ни у моих больных. Антисемитизм годится для людей необразованных, для низших классов… *(Фрейд слушает его в смущении. Брейер продолжает нежным голосом.)* Не сердитесь на меня: я же с вами.

Фрейд *(с какой-то злопамятностью).* Вы не поверили мне.

Поверили не больше других.

Брейер. Я пока не верю в вашу теорию. Но я верю в вас. *(При этих словах Фрейд немного расслабляется. Он смотритна Брейера с глубокой, почти женственной нежностью, которая странным образом контрастирует с его недавней жесткостью.)* Необходимо дать вам возможность доказать ваши идеи на практике. У меня есть больные, которых я не могу вылечить: здесь психиатрия и неврология бессильны. Вы осмотрите их, они станут вашими первыми пациентами. Может быть, вам удастся их вылечить. Во всяком случае, их состояние таково, что вы не рискуете им навредить. *(Он достает записную книжку с карандашом. Пишет адрес больного, вырывает листок и протягивает Фрейду.)* Несколько дней назад я отказался лечить этого больного. Вот его адрес. Отправляйтесь к нему завтра утром, я предупрежу его отца.

Фрейд берет адрес с явной признательностью. Внимательно прочитывает его и прячет в карман. Лицо его внезапно принимает суровое выражение, он смотрит прямо перед собой. Кажется, что его снова охватил гнев.

Брейер *(с тревогой смотрит на него).* Что с вами?

Фрейд *(ровным голосом).* Ничего. Но если вы позволите, я пойду к нему днем. Завтра утром мне необходимо объясниться с Мейнертом. *(Пауза. Выражение лица Фрейда снова меняется, и он поворачивается к Брейеру. У него детский, доверчивый и несколько смущенный вид.)* Не могли бы вы одолжить мне пятьсот гульденов? Устройство квартиры обошлось нам очень дорого, а у меня ни одного пациента.

(17)

Кабинет в квартире Мейнерта.

Светлая, просторная комната, обставленная с большим вкусом. Видно, что Мейнерт – очень состоятельный человек. Позади большого, прекрасной работы письменного стола, за которым сидит Мейнерт, в стене ниша, где стоит уменьшенная гипсовая копия «Моисея» Микеланджело.

Сидящий за столом Мейнерт раздраженно, рюмка за рюмкой, пьет шнапс. Напротив него стоит Фрейд. Он говорит ровным, рассерженным голосом, но голову повернул к окну, чтобы не смотреть на собеседника.

Фрейд *(продолжая разговор, который, похоже, идет уже довольно долго).* Я всегда относился к вам с величайшим уважением,

господин профессор, и не заслуживаю, чтобы вы публично меня оскорбляли.

Мейнерт *(грубо).* Я не сказал даже четверти того, что о вас думаю.

Фрейд, которого больно уязвили эти слова, делает тягостное усилие, чтобы сохранить собственное достоинство, в коем ему отказывают.

Фрейд. Я – ученый, господин профессор. Я не посмел бы так себя называть, если бы вы сами в прошлые времена так меня не называли. Десять лет я работал с Брюкке и с вами. И вы уважали меня до такой степени, что в прошлом году предложили занять вашу кафедру.

У Мейнерта разыгрались его нервные тики, но он уже не пытается их скрывать.

Фрейд. Если даже вы полагаете, что я на ложном пути, то, по-моему, я имею право на ошибки.

Мейнерт *(резко).* Не имеете!

Он встает и становится за спинкой кресла, перед статуей Моисея. Фрейд впервые с начала разговора, опьянев от гнева, осмеливается взглянуть в лицо Мейнерту. Красиво очерченный рот Мейнерта кривит сардоническая улыбка.

Мейнерт. Вы отвергли мое предложение! Мне вы предпочли Шарко. Вас пугает бедность ученых: ей вы предпочитаете шарлатанство и деньги.

Фрейд *(потрясенно).* Деньги? *(С гневом.)* Взгляните на меня, господин профессор. И посмотрите на себя.

Мейнерт. И что это доказывает? Я богат, потому что мой отец имея состояние. Как ученый, я бедняк. А вы, Фрейд, умрете миллионером. За скандал хорошо платят.

Фрейд *(уязвлен до глубины души).* Я не позволю вам разговаривать со мной в таком тоне, господин профессор. Не позволю. Я – честный врач.

Мейнерт. Честный врач стремится лечить своих пациентов.

Фрейд. Только к этому я и стремлюсь.

Мейнерт. Это вы-то хотите их лечить? И как же, гипнозом?

Он, сильно хромая, обходит стол. Подходит к Фрейду, который инстинктивно отступает назад.

Мейнерт стоит перед Фрейдом, сжимая в левой руке рюмку шнапса.

Мейнерт *(изображая офицера, подающего команды).* Слушай мою команду! Всем – спать! Слепые, смирно! Приказываю – сбросить пелену с глаз! Паралитики, пол-оборота – направо, вперед, шагом

марш! Ать-два, ать-два! *(Хохочет.)* Вы станете диктатором! Монархом невротиков. *(Он перестает хохотать, выпивает рюмку, потом, подойдя к Фрейду, тычет указательным пальцем ему в грудь. Грубым тоном.)* А если они любят свой недуг? Вам известно, что такое невроз? Это способ существования. Вы убьете невротика.

Фрейд горько улыбается.

Фрейд *(жестким тоном).* Если я всего лишь шарлатан, то я не смогу нанести им большого вреда.

Мейнерт. Сейчас вы только шарлатан, но станете преступником. Гипноз – это насилие. Вы будете тиранизировать ваших больных. Если бы мне предложили выбирать, я бы сто, тысячу раз предпочел безумие рабству. *(Передергивается. Моргает. Фрейд смотрит на него с удивлением и недоверием, почти с ужасом. Пауза.)* Как бы вам хотелось, чтобы я был болен! Столь милой вам истерией a la Шарко! А вы бы меня лечили, своего старого учителя! *(Почти с болью.)* Вам не повезло! Я чист как стеклышко. *(Хромая, идет по комнате.)* Бедные невротики! Кто знает, что вы вложите им в голову?

Фрейд. Я ничего не буду вкладывать. Я устраню те психозы, которые они сами себе навязывают.

Мейнерт *(резко останавливается и пристально смотрит на Фрейда).* Каким образом?

Фрейд. В состоянии гипноза люди проговариваются: я узнаю причины их тревог и всех психических нарушений…

Фрейд смолкает, прерванный раскатом хохота.

Мейнерт *(хохоча).* Лечение светом! Вы внесете свет в наши бедные темные души, и с пением петуха разлетятся терзающие нас упыри!

Он подходит к книжному шкафу. На одной из средних полок расставлены коробки из-под шоколада. Мейнерт снимает одну коробку (он тщательно ее выбрал).

Мейнерт. Взгляните! *(Открывает коробку. Фрейд с изумлением наблюдает кишение мерзких насекомых – многоножек, паукообразных – среди которых даже скорпионы.)* Очаровательные зверушки! Бедные крошки, придется вам помучиться на солнце. *(Пауза.)* Ну как, Фрейд, убивает свет вампиров?

Голос Мейнерта за кадром. Я, скорее, думаю, что свет их возрождает.

На экране – насекомые, сперва неподвижные на свету, потом они начинают двигаться и вскоре становятся каким-то невыносимо мерзким клубком.

Мейнерт. Эти насекомые необходимы для моих опытов.

(Наигранно отеческим тоном.) Вот так, Фрейд. Оставьте ночи то, что ей принадлежит. Чтобы погружаться во тьму душ, не губя собственную душу, надо быть чистым, как ангел. *(Глаза Мейнерта сверкают. Вид у него злой: он знает, что задевает самое чувствительное место Фрейда.)* Вы совершенно уверены, что вы святой?

Фрейд *(смотрит на Мейнерта с глубокой печалью, к которой примешивается гнев, но отвечает искренне).* Нет.

Мейнерт *(торжествующе).* Вот видите! Вы устроите охоту на чудовищ, которые прячутся в душах других людей, а найдете своих собственных вампиров.

Он возвращается к письменному столу и наливает две рюмки шнапса. Фрейд смотрит на него осуждающе. Ярость наконец придает ему мужество заговорить. Но голос у него какой-то сдавленный: он пугается того, что сейчас скажет.

Фрейд. Я не пью.

Мейнерт *(с удивлением оборачивается к Фрейду).* Я это знаю. И что дальше?

Мейнерт собирается выпить рюмку.

Фрейд *(тем же голосом).* Если я поймаю в западню вампиров какого-нибудь алкоголика, то я уверен, что они будут не похожи на моих вампиров.

Мейнерт слушает его и, поняв намек, яростным жестом швыряет рюмку в стену. Потом, величественный и страшный, подходит к Фрейду.

Мейнерт *(зловеще).* Фрейд, вы хотели меня оскорбить. *(Они стоят друг против друга. Пауза.)* Но я вас прощаю. И знаете почему? Потому что я уже давно наблюдаю за вами. *(Фрейд порывается что-то сказать, но Мейнерт его прерывает.)* Очень давно! И я абсолютно убежден, что вас подстерегает невроз. Вы не пьете, о нет! Вы слишком боитесь расслабиться. Интересно, что бы вы наболтали, опьянев? Что бы такое вырвалось из вашей души? Я знаю вас десять лет, но вы не меняетесь: вы все такой же мрачный, натянутый, аскетичный и скрытный. Я понимаю, что вас притягивает безумие других; вы думаете, что забудете о собственном безумии и обретете его у других. Остановитесь, пока не поздно, вы можете на этом пути потерять свой разум. *(Расхаживает по кабинету, почти не хромая.)* Вам нужно совсем другое: ясная и четкая, строгая, положительная работа. Я предоставляю вам шанс. Отрекитесь публично от ваших дурацких теорий и возвращайтесь работать ко мне: анатомия, гистология, физио-

логия ваше спасение. Вы согласны?

Фрейд снова взял себя в руки. Он говорит уважительным, но ледяным тоном.

Фрейд. Доктор Брейер любезно доверил мне одного из своих больных, уже сегодня я иду его осматривать и буду лечить гипнозом.

Мейнерт *(он снова занял место за письменным столом, перед статуей Моисея).* Превосходно. *(Пауза. Говорит отрывисто, холодным тоном, подчеркивая обращение «господин», как бы давая понять, что Фрейд перестал быть врачом.)* Господин Фрейд, вы больше не принадлежите к нашему кругу. В этих обстоятельствах я запрещаю вам доступ в мою лабораторию и в больницу, где я преподаю.

Фрейд смотрит на него затравленными глазами. Но берет себя в руки.

Фрейд *(спокойным голосом).* Понимаю. До свидания, господин профессор.

Мейнерт. Прощайте.

Фрейд кланяется и уходит.

(18)

Салон, строгая, почтя пустая большая комната.

В кресле сидит сурового вида старец, одетый в черное. Он не носит бороды, у него седые усы, черты лица измождены. Колени укутаны пледом. Он бледный и нервный.

Слышится звонок. Нервозность старика усиливается, но лицо остается неподвижным и холодным как лед. Слуга открывает дверь.

Слуга. Доктор Фрейд.

Входит Фрейд. Старик приветствует его кивком головы.

Старик. Здравствуйте, доктор. Извините меня, что я не встаю. Я прикован к этому креслу приступом суставного ревматизма. Садитесь.

Фрейд кланяется и садится напротив.

Старик. Вы так молоды.

Фрейд делает жест недовольства.

Старик. Не сердитесь. Я просто хочу сказать, что мой сын старше вас. Но это неважно. *(Пристально смотрит на Фрейда.)* В вас есть солидность. *(Он показывает Фрейду распечатанное письмо, которое лежит рядом на столике.)* Мой друг Брейер пишет, что вы применяете новый метод.

Фрейд. Нет, не новый. Я хотел бы попытаться…

Старик. Неважно. *(Грустно качает головой.)* Мой сын тяжело болен. Речь вдет о неврозе навязчивости. Попробуйте применить ваш метод. Лично я не думаю, что вы его вылечите, но вы не сможете причинить ему большого вреда: он неизлечим.

Фрейд *(улыбаясь с едва заметной горечью).* Сколько ему лет?

Старик. Около сорока.

Фрейд. Когда появились первые признаки болезни?

Старик. Видите ли… Моя жена умерла в 1880 году. Болезнь обнаружилась полгода спустя, в феврале 1881 года Уже шесть лет он не выходит из комнаты.

Фрейд. Он сам заперся?

Старик (*берет со столика ключ и показывает его Фрейду).* Он требует, чтобы мы его запирали.

Фрейд *(встает).* Я хотел бы его видеть.

Старик звонит в колокольчик. Появляется слуга. Старик. Проводите доктора к господину Шарлю.

Старик протягивает слуге ключ. Слуга молча берет ключ и идет к другой двери, расположенной в глубине комнаты. Фрейд следует за ним.

Старик. Доктор Фрейд, перед вашим уходом я хотел бы переговорить с вами.

(19)

Большая комната, служащяя кабинетом и спальней.

Она резко отличается от той, которую только что покинул Фрейд, неброским и изысканным вкусом в меблировке (немецкое рококо). Огромный застекленный книжный шкаф полон книг. В глубине комнаты, совсем далеко от окна, сидит, прижавшись к стене, мужчина лет сорока, одетый очень элегантно, в черное. Сидит он на маленькой кухонной скамеечке, непритязательность которой странным образом контрастирует с роскошью меблировки. У него приятная внешность. Его лицо было бы почти красивым, если бы у больного не был затравленный вид. Он нервно перебирает руками. Тонкий красный шнурок опутывает его ноги, как бы связывая их. Поворачивается ключ. За кадром – шум открывающейся двери.

Голос слуги за кадром. Доктор Фрейд.

Больной даже не реагирует. Фрейд подходит к нему, берет стул и садится рядом.

Слуга. Когда господин доктор пожелает выйти, господин доктор должен будет позвонить.

Фрейд молча рассматривает больного.

За кадром – звук закрывающейся двери и поворачиваемого ключа.

У Фрейда спокойный и добрый, открытый, внимательный взгляд. Его нервозность прошла. Его властность (очень ярко выраженная в предыдущей сцене) компенсируется подлинной нежностью к больному. Фрейд – врач на работе, профессионал, полностью владеющий собой.

Этот человек – ему с трудом дается общение с «нормальными» людьми – сразу же проявляет сочувствие к больным. Шарль мучительно пытается преодолеть себя. Он кивает Фрейду. Загнанный вид уступает место истинной вежливости, которая плохо скрывает его глубокую печаль.

Шарль *(обращаясь к Фрейду).* Шарль фон Шроэ.

Фрейд. Доктор Зигмунд Фрейд.

Шарль. Вы должны извинить моего отца, доктор. Он зря побеспокоил вас. *(Не отвечая, Фрейд смотрит на красный шнурок.)* Видите ли, отец меня обожает. Он предпочитает считать меня сумасшедшим. Но я не безумен, я – дурной человек. Прогнивший до

глубины души. *(Фрейд молчит: не говоря ни слова, он слушает Шарля с внимательным и сочувствующим видом.)* Вы верите в Зло?

Фрейд. Верю.

Шарль. А в дьявола?

Фрейд. Нет.

Шарль. Я тоже не верю. В принципе.

На его лице появляется удрученное выражение. Он снова выглядит затравленным.

Фрейд встает, смотрит на ноги Шарля и трогает шнурок, который их опутывает.

Фрейд. Что это такое?

Шарль *(бормочет с угрюмым видом, не глядя на Фрейда).* Это шнурок безопасности. *(Пауза. Он немного* расслабляется.) Он меня защищает.

Фрейд. От кого?

Шарль *(избегая прямого ответа).* Я не должен выходить из комнаты.

Фрейд. Вы не можете этого сделать, вас запирают.

Шарль *(бормочет).* Есть же окно.

Фрейд, кажется, не реагирует на эта слова. Он смотрит на шнурок.

Фрейд *(после паузы).* Где же узелки?

Шарль *(скороговоркой).* За спиной

Он слегка отстраняется от стены. Фрейд, наклонившись над ним, смотрит на узелки: их очень просто развязать).

Фрейд. Почему?

Шарль. Так их труднее развязать.

Фрейд. Кто их завязал?

Шарль. Я.

Фрейд. Когда?

Шарль. Вечером. Когда улицы опустели.

Фрейд распутывает узелки. Больной, похоже, не замечает этого.

Фрейд. Если бы вы не были связаны, что бы вы сделали?

Шарль. Вышел бы на улицу.

Фрейд. Зачем?

Он осторожно снимает шнурок с ног Шарля.

Шарль *(то же механическое бормотание).* Я бы убил.

Фрейд. Кого?

Шарль. Первого встречного.

Фрейд. Когда слуга приносит вам еду, появляется у вас желание

его убить?

Шарль. Нет.

Фрейд. Почему?

Шарль. Потому что я его знаю.

Фрейд. Вы должны убить незнакомца?

Шарль *(механическим голосом).* Прохожего. Вне дома, на улице.

Шнурок падает к ногам Шарля. Фрейд показывает на него.

Фрейд. Смотрите. Вы свободны, господин фон Шроэ.

Шарль *(смотрит на шнурок и начинает дрожать).* Что вы намерены делать?

Пауза. Шарль встает. Делает несколько шагов к окну. Фрейд даже не оборачивается. Он ждет.

Лицо Шарля искажается: на нем внезапно появляется выражение ненависти. Фрейд ждет.

Кажется, что Шарль борется с самим собой. Вдруг он поворачивается, подходит к Фрейду, который стоит к нему спиной, и снова усаживается на скамеечку. Вид у него слегка удивленный и тревожный, но он чуть-чуть расслабился.

Фрейд поднимает красный шнурок, скручивает его в клубок и прячет в карман.

Фрейд. Отдайте мне этот шнурок, господин фон Шроэ, вы видите, что он вам больше не нужен. Вы никогда никого не убьете.

Шарль *(вежливо, но недоверчиво слушает Фрейда).* Мне так хотелось бы вам верить, доктор. К несчастью, я себя знаю. *(Пауза. Он кладет левую руку на затылок, словно хочет склонить свою голову.)* Боль охватывает меня внезапно. С затылка. И в глазах – кровавые круга. *(Еле слышно лепечет.)* Я – воплощение Зла.

Короткая пауза.

Фрейд. Вы слышали о лечении гипнозом?

Шарль *(с безразличием).* Да. От доктора Брейера.

Он перестает смотреть на собеседника и сжимает ноги так, словно они еще связаны.

Фрейд. Согласитесь ли вы подвергнуться этому лечению? Главное, не ждите чудодейственного излечения. Лечение может длиться месяцами.

Шарль. Вы меня усыпите? И пока я, сплю, будете молотком вгонять мне в голову Добро? Я не верю в это. Зло пожрет Добро. *(Пауза.)* Но все-таки попробуйте. Мне так хотелось бы уснуть. *(Фрейд берет его за руку и отводит к дивану.)* Если бы я смог совсем не просыпаться.

Фрейд подносит указательный палец правой руки к переносице Шарля.

Фрейд. Смотрите на мой палец. *(Шарль смотрит. У него косоглазие. Фрейд говорит с заразительной убежденностью.)* Вы будете спать. Сейчас вы заснете. *(Шарль доверчиво поддается гипнозу.)* Спите! *(Лицо Шарля быстро выражает полную отрешенность.)* Спите. *(Вкрадчивым, ласковым тоном.)* Вы спите. Уже уснули.

Глаза у Шарля закатываются. Закатив глаза, он откидывается назад. Фрейд поддерживает его и помогает улечься на диване. Шарль лежит, закрыв глаза и вытянув руки вдоль тела, дышит спокойно.

Фрейд берет стул, подносит его к кровати и усаживается с торжествующей улыбкой.

Фрейд *(после паузы).* Вы слышите меня?

Шарль *(отвечает, не открывая глаз).* Да.

Фрейд. Вы вышли на улицу. *(Шарль напрягается.)* Вы меня слышите? Вы идете по улице в толпе прохожих.

Шарль приходит в сильное возбуждение, не открывая глаз, он поднимает обе руки, делая какие-то умоляющие жесты.

Шарль. Отведите меня домой. Умоляю вас.

Фрейд. Почему?

Шарль. Я хочу убить.

Фрейд. Кого?

Шарль. Не знаю. Людей, что идут мимо. Умоляю вас! Умоляю! Я хочу вернуться домой. Я же говорю вам, что сейчас убью.

Фрейд. Каким образом?

Шарль *(растерявшись и вдруг успокоившись, повторяет вопрос).* Каким образом?

Фрейд. Каким оружием?

Шарль. У меня нет оружия!

Фрейд. Вы хотите убивать голыми руками?

Шарль. Какой кошмар! *(Нервный смешок.)* Я не смогу, у меня женственные руки.

Фрейд. Вы никогда не видели своих будущих жертв. Вы не знаете, сколько им лет, мужчины это или женщины. В этот момент вы прогуливаетесь среди них и даже не замечаете. Уже шесть лет вы считаете, что хотите совершить преступление, и вам в голову не приходило подумать, как вы намерены это сделать. Вы находитесь в своей комнате, господин фон Шроэ. Лежите на своей постели. У вас нет желания убить, господин фон Шроэ. *(Мгновенная пауза.)* Вам

страшно, что у вас есть такое желание. Вы испытываете желание бояться этого *(Властным тоном.)* Вам больше не будет страшно. Я запрещаю вам бояться. Вы слышите?

Шарль.Да!

Фрейд. Вы будете меня слушаться?

Шарль. Да!

Фрейд. Встаньте! *(Шарль встает. Фрейд слегка погладил ему веки.)* Ступайте к окну. *(Шарль сжимается. Он не хочет идти. Фрейд слегка подталкивает его в спину.)* Идите! *(Шарль подходит к окну.)* Посмотрите на прохожих! *(Шарль смотрит на них, как завороженный.)* Они из плоти и крови, у них есть лица. Вы больше никогда не будете думать о том, чтобы их убивать. Я вам запрещаю.

Шарль продолжает смотреть на прохожих, лицо его светлеет, на губах появляется улыбка.

И вдруг его черты искажает судорога, он трогательно взмахивает руками и упал бы, если бы его не поддержал Фрейд. Фрейд крепко его держит и снова отводит на диван. Едва опустившись на диван, Шарль начинает корчиться в резких судорогах. Он громко кричит.

Фрейд пытается его успокоить, положив ему руки на лоб. В какой-то мере это ему удается: конвульсии становятся реже, но ясно, что Шарль страдает.

Фрейд с удивлением опускается на стул, стоящий у изголовья больного.

Фрейд *(сквозь зубы, тоном тягостного изумления).* Ничего не понимаю. *(Пауза.)* Что с вами? Отвечайте!

Неожиданно Шарль начинает говорить. Иногда его голос переходит в какое-то бормотание, но все остальное время он сохраняет свою резкость и силу. Глаза у него открыты и смотрят в одну точку.

Шарль. Это было меньшее зло.

Фрейд. Что было меньшим злом?

Шарль. Люди на улице. Каждый раз, как у меня возникает желание его задушить, я начинаю неотступно думать, что я хочу убивать прохожих. Я больше никогда не буду о них думать, я поклялся в этом. Я буду думать только о нем.

Фрейд *(волнуясь, склоняется к нему. Бормотание Шарля нельзя расслышать).* Кто он? Отвечайте! Приказываю вам.

Шарль *(смеясь).* Кто-то из этого дома.

Кажется, что Шарль находится в состоянии галлюцинации. Он

поднимает руки, сжимает и разжимает пальцы, сцепляет их.

Шарль. Мной правят мои руки, они тянут меня, я иду за ними… Он сидит в своем кресле, я подкрадываюсь сзади, руки сжимаются на его горле и он – готов. Но нет. У меня есть моя красная веревочка, я протягиваю ее под его бородой. Он спит. Это проволока, которой можно перерезать шею.

Фрейд понял.

У него взволнованный вид. Он хочет положить руку на лоб Шарля.

Тот вздрагивает и отталкивает ее.

Фрейд. На сегодня хватит.

Шарль. Дайте мне сказать. Я говорю вам, что я воплощаю Зло. *(Властным тоном человека, который читает приговор.)* Отцеубийцам будут отрезать кисти рук и рубить головы.

Фрейд резко подается назад. Он даже больше не пытается разбудить Шарля или заставить его молчать, он слушает его с каким-то ужасом.

Шарль. Мое существование на земле считают незаконным. Я – чудовище. Бог запрещает сыну презирать своего отца. Посмотрите на его рот под седыми усами. Какой он бесхарактерный.

Голос Шарля за кадром. Опять! Я вижу тебя! *(Собеседнику, которым может быть и Фрейд.)* Он плачет, как ребенок!

Фрейд побледнел. Он больше не пытается разбудить Шарля, а сидит прямо, напряженно.

Шарль *(обращаясь к отцу, которого он видит в видении).* Ты не имеешь права! Почитай отца и мать. *(Фрейд покрылся потом. Капли пота выступают у него на лбу.)* Я всегда чтил свою мать, а ты заставил ее умереть от горя. Не плачь! Если Бог хочет, чтобы я тебя уважал, дай мне средства уважать тебя. *(Невидимому собеседнику.)* Он – старая сволочь, мсье. Я задушу его, потому что терпеть его не могу. Лучше убить, чем презреть.

Шарль до судорог сцепляет пальцы.

Фрейд, мертвенно-бледный и очень мрачный, опомнился. Он опускает правую руку на лоб Шарля со смешанным чувством решительности и отвращения.

Фрейд *(властным тоном).* Сейчас же замолчите! *(Шарль пытается* что-то *сказать.)* Вы говорите глупости. Вы слышите, глупости! Успокойтесь, успокойтесь! Забудьте обо всем. Я призываю вас больше не думать об этом. Совсем не думать! Никогда! Вы слышите?!

Шарль постепенно успокаивается, бормочет что-то непонятное.

Неизвестно, убежден ли сам Фрейд в том, что он говорит, или он хочет убедить в этом больного.

Фрейд *(решительно).* Вы никогда не презирали вашего отца! Вы никогда не думали о том, чтобы его убить! На всей земле не найдется ни одного ребенка, который был бы настолько испорчен, чтобы не уважать своих родителей.

Шарль расслабился. Закрыв глаза, он лежит, вытянув руки по швам. Дыхание его становится размереннее, оставаясь немножко прерывистым. Фрейд массирует ему лоб и затылок.

Фрейд. Просыпайтесь. Просыпайтесь. *(Мгновения ожидания. Шарль открывает глаза.)* Вы проснулись.

Фрейд резко отходит от Шарля (словно до этого он сдерживал свое отвращение к нему и, выполнив свою задачу, перестал себя сдерживать).

Отступая назад, он роняет стул, на котором только что сидел. Шарль садится на диване и с удивлением смотрит на него. Фрейд снова напускает на себя мрачный и суровый вид, он неприязненно смотрит на больного. Шарль оглядывает комнату и узнает ее.

Шарль *(полуутвердительно, полувопросительно).* Это вы, доктор Фрейд? Что же вы со мной сделали? *(Фрейд не отвечает. Шарль осознает, что сидит на своем диване.)* Вы хотели меня усыпить? И вам это удалось? *(Фрейд утвердительно кивает.)* И что же я сказал?

Фрейд. Ничего.

Шарль *(говорит ласково. Ему хочется одного – выразить свою благодарность).* Я чувствую себя лучше, вы знаете. *(Пауза. Он встает, идет к окну. Наблюдает прохожих. Идет назад с удивленной улыбкой. Фрейд, неподвижный и мрачный, даже не смотрит на него.)* Неужели я вылечился?

Фрейд (грубо). Нет.

Шарль *(с какой-то доверчивостью).* Я знаю. Вы же сказали мне, что лечение будет долгим. Когда вы снова придете, доктор?

Фрейд нажимает кнопку звонка, которая находится справа от дивана Пауза.

Через несколько мгновений слышатся торопливые шаги.

Фрейд (*очень сухо, высокомерно).* Не знаю.

Слуга поворачивает ключ. Дверь открывается. Шарль весело смотрит на слугу.

Шарль *(радостно).* Мне лучше, Максим. До свидания, доктор.

Фрейд *(чопорно, почти невежливо).* До свидания, господин фон Шроэ.

Они уходят.

Шарль *(после их ухода).* Мне лучше. Меня не надо закрывать.

В коридоре слуга в нерешительности стоит перед дверью.

Фрейд *(с почти несдерживаемой резкостью, словно он хочет, чтобы Шарль исчез навсегда).* Запереть на два замка! На два замка!

Растерянный слуга вставляет ключ в замочную скважину. Еле слышится звук поворачиваемого ключа, когда мы снова видим отца Шарля, который сидит неподвижно, с угрюмым видом. Он, кажется, даже не шелохнулся с тех пор, как мы его оставили.

Голос Максима за кадром. Доктор Фрейд!

(20)

Старик смотрит на Фрейда со смешанным чувством недоверия и надежды.

Старик. Садитесь, доктор.

Фрейд *(нервный, натянутый).* Спасибо, господин фон Шроэ. В этом нет нужды. К сожалению, я очень спешу.

Старик. Ну, что вы скажете?

Фрейд. Господин фон Шроэ, ваш сын любит вас?

Старик *(удивленно).* Естественно.

Фрейд. Почтительно ли он относится к вам?

Старик *(убежденно).* Он самый почтительный из всех моих детей.

Фрейд. Часто ли вы видитесь с ним после того, как он заболел?

Старик. Когда меня отпускает ревматизм, я провожу с ним обеденное время.

По мере того как господин фон Шроэ отвечает на его вопросы, напряженность Фрейда спадает.

В конце этого допроса его нервозность прошла, но он остается мрачен.

Фрейд. Доверяет ли он вам? Рассказывает ли о своих навязчивых идеях?

Старик. Он говорит мне обо всем.

Старик растерянно проводит рукой по лбу.

Фрейд. Господин фон Шроэ, ваш сын не поддается гипнозу.

Старик. Вы не смогли его усыпить?

Фрейд. Не смог, но мне удалось погрузить его в абсурдный бред, не имеющий никакой связи с его истинными болезнями.

Старик смотрит с изумлением. Пауза.

Фрейд, взгляд у него потерянный, выглядит так, будто сам

загипнотизирован.

Фрейд *(говорит отчужденным голосом, словно про себя).* А что, если личность гипнотизера внезапно завладеет гипнотизируемыми больными? Мы наделим их своими чудовищами. *(Он резко приходит в себя. Но по-прежнему мрачный, потрясенный. Обыкновенным голосом.)* Честно говоря, господин фон Шроэ, я ничем не могу помочь вашему сыну.

(21)

В тот же день, на квартире Фрейдов.

Спустились сумерки. Стоящая на столе керосиновая лампа освещает столовую.

Сидящая ближе к свету Марта вяжет. Она поднимает голову.

Входит Фрейд. Отложив рукоделие, Марта радостно бросается ему на шею.

Он машинально целует ее. Она, удивившись, откидывается назад, внимательно смотрит на него и замечает, какой у мужа потерянный вид.

Марта. Что с тобой? *(Он улыбается вымученной улыбкой, плохо скрывающей его глубокую растерянность.)* Расстроился из-за Мейнерта? *(Он быстро кивает головой в ответ.)* Сколько раз я тебя просила держать себя в руках. *(Фрейд молчит. Он отвел глаза в сторону и уставился на гравюру «Клятва Ганнибала», которую сам повесил на стену.)* Вы поссорились? *(С уверенностью.)* Все уладится! Не может быть, чтобы не уладилось. *(Фрейд по-прежнему молчит. Нежно отстранив Марту, он идет в глубь комнаты.)* Ты меня пугаешь! Что ты ищешь?

Фрейд. Скамеечку.

Марта Зачем?

Фрейд. Чтобы сделать тебе приятный сюрприз.

Марта *(испуг ее не проходит).* Хорошо, хорошо. Я сама поищу.

Она быстро уходит в другую комнату. Оставшись один, Фрейд опускает руку в карман пиджака. Достает портсигар. К портсигару прицепился красный шнурок, который опутывал ноги Шарля; Фрейд вытягивает шнурок из кармана, с изумлением его разглядывает, потом, охваченный каким-то ужасом, подбегает к окну, распахивает его и вышвыривает на улицу шнурок вместе с портсигаром. Он быстро захлопывает окно, услышав шаги Марты, оборачивается и с наигранно равнодушным видом стоит, прислонясь спиной к стеклу. С

улицы доносится сердитый голос. Слышно его плохо.

Голос за кадром. Кто там швыряется портсигарами? Эй вы, наверху, нельзя ли поосторожней?

Входит Марта, неся скамеечку.

Марта *(потрясена и возмущена).* Это ты выбросил что-то на улицу. Ты с ума сошел? Что ты выбросил?

Фрейд *(в тоне черного юмора).* Орудие преступления.

Марта. Что?

Фрейд *(берет у нее из рук скамеечку и ставит под гравюрой).* Шнурок. А вот и сюрприз, Марта! Смотри! *(Он становится на скамеечку, снимает гравюру и швыряет ее на пол. Звон разбивающегося стекла.)*

Марта *(почти в ужасе).* Прекрати! Как ты меня испугал!

Фрейд, стоя на скамеечке, говорит с нарочито комическим пафосом, пытаясь скрыть свое отчаяние.

Фрейд. Марта, карфагеняне сдались без боя. Слава – римлянам! *(Он спрыгивает со скамеечки и обнимает Марту.)* Представь себе, я так и не стал Ганнибалом!

Пауза. Марта, смотря на него, робко гладит по щеке.

Марта *(очень нежно).* Тебе плохо?

Фрейд *(с улыбкой, но неискренне).* Плохо будет моей матери. Когда я лежал в колыбели, она уже верила, что я буду премьер-министром. Я хочу доставить тебе удовольствие, Марта: я бросаю гипнотизм. *(С фальшивой веселостью.)* Мы будем прописывать ванны, массажи, а главное, э-лек-тро-те-ра-пию.

Марта. Почему же бросаешь?

Фрейд. Лечение гипнозом несовершенно. Я заставил своего больного наговорить грандиозных глупостей. *(С отвращением.)* Он был омерзителен. *(С той же фальшивой, вымученной веселостью.)* Я все бросаю. Позволяю себе роскошь гоя и хочу быть как все. Ты будешь женой обыкновенного врача.

Марта говорит с ним с величайшей нежностью. Но, обманутая его бодрым тоном, она и не предполагает, что он переживает настоящий ужас, отрекаясь от своих честолюбивых замыслов.

Марта. Я всегда буду твоей женой, что бы ни случилось. Но я предпочитаю обыкновенных врачей, не специалистов. Зигмунд, как, наверное, одинок великий человек. А кем бы я стала? Супругой знаменитого доктора Фрейда. *(Притворно вздрагивает.)* Брр… Слава, как же она холодна! Слава убивает любовь.

Фрейд сжимает ее в объятиях. Марта, опустив голову ему на

плечо, не видит, какое у него скорбное, измученное, почти пророческое лицо.

Фрейд. Слава – мертвое дитя. У меня больше не осталось ничего.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ

(1)

1892 год. Шесть лет спустя.

Кабинет доктора Фрейда. Зритель видит обстановку кабинета: письменный стол, заваленный бумагами и книгами, несколько разностильных стульев и канапе, стоящее у стены против письменного стола. Раздвинутая ширма скрывает часть стены слева, напротив окна —странный, опутанный проводами стул с контактами, больше напоминающий средневековое орудие пыток, нежели лечебное приспособление, он несколько похож на «электрический стул», используемый в США для смертной казни.

Фрейд склонился над диваном, и зритель догадывается: он производит какие-то манипуляции руками. Кисти, выступающие из манжет, массируют прикрытые махровым полотенцем поясницу, ягодицы и ляжки больной, лежащей на канапе вниз лицом.

Это хорошенькая девушка с приятным, но несколько смешным личиком.

Ее тело, кроме ног – больная чулок не сняла, – обнажено под простынями.

Голые руки лежат вдоль тела.

Ее спокойное, умиротворенное лицо явно показывает, что девушке сеансы массажа нравятся.

Фрейд. На сегодня хватит. Одевайтесь!

Дора *(с невинным видом).* Массажи все короче и короче.

Фрейд *(раздраженно).* Отнюдь нет.

Он поворачивается к ней спиной и идет к окну.

Голос за кадром. Мне только массаж и помогает.

Фрейд *(мрачно, ворчливо).* Делайте, что вам говорят.

Зритель слышит, как Дора встает и идет за ширму. Фрейд подходит к «электрическому стулу» и рассматривает его. К нему Дора приставила свой зонтик, а на сиденье положила сумочку и книгу.

Фрейд читает название и хмурит брови.

Поворачивается в сторону ширмы.

Фрейд. Что это за книга?

Голос Доры за кадром. «Госпожа Бовари».

Фрейд. Я и сам вижу. Что вы с ней делаете?

Голос Доры закадром. А что можно делать с книгой? Читаю.

Фрейд. Больше читать не будете.

Дора. Почему же?

С книгой в руке Фрейд подходит к письменному столу. Дора высовывает из-за ширмы голову и половину туловища, она – в комбинации.

Фрейд не замечает ее. Кладет книгу в ящик и запирает на ключ.

Фрейд. Это отвратительно.

Дора*(в комбинации выходит из своего укрытия и топает ногой).* Вы мне надоели!

Фрейд машинально оборачивается, смотрит на нее, нахмурив брови. Он возмущен этой выходкой, но нисколько не смущен.

Фрейд *(властным тоном).* Есть у вас стыд? Вы читаете французские романы и смеете появляться передо мной в подобном виде! Поберегитесь, дитя мое, если вы будете продолжать в том же духе, то никогда не излечитесь.

Она, испугавшись, прячется за ширму.

Фрейд подходит к «электрическому стулу» и включает контакты.

Ножки стула из стекла.

Он берет некое подобие круглой щетки, к которой подведен провод, и включает ток. Щетка потрескивает, искрит. Услышав потрескивание, Дора резким шагом выходит из-за ширмы, на сей раз уже одетая.

Дора. Нет. Только не это. Фрейд оборачивается к ней с наигранным возмущением.

Фрейд. Почему же?

Дора *(заранее сдавшись).* Ненавижу вашу машину. Я устала твердить вам об этом.

Фрейд подходит к ней и нежно, но властно ведет к «электрическому стулу».

Фрейд *(по-прежнему мрачным, хотя чуть более ласковым тоном).* Вы же знаете, что вам больно не будет.

Дора. Я знаю, что мне страшно.

Фрейд. Страх лечит.

Он усаживает Дору на стул, ремнем привязывает ноги так, что они оказываются на изолированной подножке, кладет ее руки на подлокотники.

Фрейд. Ну вот. *(Взяв электрощетку, которая начинает потрескивать, проводит ею по лицу, по затылку Доры. Она в испуге.*

Разговаривает с ней властно и ласково, как с ребенком.) Электротерапия вам гораздо полезнее массажей.

Она не осмеливается ответить, но легким кивком отвергает это заключение.

Фрейд *(настойчиво).* Ваши навязчивые идеи все меньше и меньше преследуют вас. Кое-какие совсем исчезли.

Дора *(упрямо насупившись, осмеливается скороговоркой возразить).* Зато другие вернулись.

Фрейд. Дора, вы лжете! Вы прекрасно знаете, что вам лучше. *(Он тщательно водит щеткой вдоль тела больной.)* И потом этот ваш тик… *(Фрейд имитирует его: это гримаса, при которой приподнимается левый угол губ, вытягивается к уху и прикрывается глаз.)* Вот уже три недели, как он не возобновлялся. *(Дора сидит с недовольным видом.)* Вы не можете этого отрицать.

Дора *(нелюбезно).* Нет, могу.

Пауза Она стала чувствовать себя чуть увереннее с той минуты, как щетка отодвинулась от лица.

Дора *(неожиданно).* Я хочу, чтобы вы лечили меня гипнозом.

Лицо Фрейда в одно мгновение цепенеет. Он выпрямляется, держа щетку в руке и не поднося ее к Доре.

Фрейд. Что вы сказали?

Дора *(ворчливым тоном).* Говорят, что гипнозом лечат.

Фрейд. Кто наговорил вам этих глупостей?

Дора. Все говорят об этом.

Фрейд. А если все будут говорить, что земля – страусиное яйцо, тоже поверите? *(Он выключает ток, отводит провода и наклоняется, чтобы высвободить из ремней ноги пленницы.)* Гипнотизеры – это шарлатаны, все без исключения.

Дора. А доктор Брейер говорит иначе.

Она встает со стула.

Фрейд. Брейер?

Дора. Он каждый день гипнотизирует подругу моей кузины.

Фрейд *(хохочет во все горло).* Брейер! Вы попали пальцем в небо, Дора. Доктор Брейер – мой лучший друг. Я знаю всех его пациентов и могу заверить вас, что он не тратит своего времени на то, чтобы их гипнотизировать. *(В дверь, расположенную в глубине комнаты, стучат. Фрейд, не поворачивая головы.)* Войдите! *(Обращаясь к Доре.)* Это Марта пришла поздороваться с вами. Я сказал ей, что вы здоровы, но верит она лишь своим глазам.

(2)

Марта подходит к Доре.

Они целуются.

Марта. Дора, как твое здоровье? *(Указывая на Фрейда, с ласковой иронией.)* Неужели правда, что этот человек тебя вылечил?

Дора *(бросает неискренний взгляд на Фрейда).* Полностью вылечил, Марта. *(Внезапно она строит гримасу, которую только что изображал Фрейд. Тоном расшалившейся школьницы.)* Вернее, почти вылечил.

Фрейд *(в ярости хватая Дору за руку).* Вы нарочно сделали это?

Дора *(ее лицо снова передергивает тик, в отчаянии).* О нет, доктор, совсем не нарочно.

Фрейд порывисто подталкивает Дору к двери.

Фрейд *(торопливо).* Мы проверим это в будущий вторник. Приходите в пять часов.

Дора *(слегка сопротивляясь, кричит Марте от двери).* До свидания, Марта. Зайди завтра ко мне… Я тебя так редко вижу…

Марта *(с любовью).* До свидания, дорогая моя. Постараюсь избавиться от домашних дел.

Фрейд распахнул дверь. Отходит в сторону, пропуская Дору.

Дора. До вторника… *(Она снова строит гримасу, которая на мгновение мешает ей говорить, потом заканчивает.)* Доктор!

Фрейд и Марта остаются вдвоем. Фрейд мрачен и раздражен. Он подходит к Марте, стоящей рядом с «электрическим стулом», и, проходя мимо него. с размаху бьет ногой по аппарату.

Марта *(с удивлением).* Что с тобой?

Фрейд *(бормочет, не глядя на нее).* Ни за какие деньги нельзя лечить подруг своей жены. Классический случай – невроз навязчивости. Навязчивые идеи. Фобии. Импульсы. Она выздоравливает. *(Смотрит на часы.)* Нам пора одеваться. Иначе мы опять опоздаем. *(Идет к двери, Марта – за ним.)*

Спальня Фрейдов.

Марта причесывается перед зеркалом.

Фрейд без сюртука, в рубашке – манишка накрахмалена, – пытается застегнуть жесткие манжеты золотыми запонками.

Правый манжет ему застегнуть удалось. Но с левым он никак не может совладать.

В тот момент, когда он начинает раздражаться, Марта ласково берет его за запястье и сама застегивает запонку.

Фрейд *(глядя на нее).* Вот в чем дело! У тебя волшебные руки. Именно такие руки необходимы, чтобы ставить опыты. *(Марта смотрит на него, ничего не понимая.)* Да. Опыты в лаборатории. А у меня руки из ваты. *(Раздраженно смеется.)* Я – хороший теоретик. И плохой экспериментатор. Во всяком случае, мои руки мне больше не требуются. Шесть лет назад мне их отрубил Мейнерт. Кстати, он смертельно болен.

Марта вздрагивает и поднимает голову.

Марта. Мейнерт? Что с ним…

Фрейд. Грудная жаба.

Марта. Поэтому тебе тяжело?

Фрейд отстраняется от нее и идет за сюртуком.

Фрейд. Меня это не волнует! Он ненавидит меня, он причинил мне все зло, какое только мог. *(Он смотрит в пустоту, положив руку на ворот сюртука, который он раньше повесил на спинку стула. Резким тоном.)* Он умрет, и я даже не приду с ним проститься. *(Она смотрит на него, но из осторожности молчит.)* Ты знаешь, он был великий человек. Действительно великий. *(Смеется горьким смехом.)* Он, должно быть, очень удивился, что умирает. Он же принимал себя за Бога-Отца!

Марта ласково снимает руку Фрейда со спинки стула, берет сюртук и протягивает его мужу.

Фрейд. Что такое? *(Замечает, что жена подает ему сюртук.)* Не стоит труда. Я не пойду на ужин к Брейеру.

Марта. Но ты с ума сошел! Ты же их обожаешь! Только у них чувствуешь себя как дома.

Фрейд. Когда у них нет гостей, да. Но они пригласили какого-то болвана.

Марта. Кого?

Фрейд. Некоего доктора Флисса, с которым я незнаком.

Марта. Но если ты никогда с ним не встречался, откуда тебе известно, что он болван?

Фрейд. Потому что он приехал из Берлина, чтобы слушать мои лекции. Хоть это ты понимаешь? Берлинский врач, мужчина в моем возрасте, и, кажется, он там вполне преуспевает.

Марта. Ну и что?

Фрейд *(вспыльчиво).* Мне нечего ему сказать. Нечего! Нечего! Я – бесплодная смоковница, я никому не способен ничего сказать, и все, кто приезжает меня слушать, кретины.

Расхаживает по комнате.

Она следует за ним с сюртуком.

Марта. Если он приехал ради тебя, то это лишний повод пойти на ужин.

Фрейд (*вспыльчиво, но беззлобно).* Ах, ничего ты не понимаешь. *(Он поворачивается к ней и смотрит с каким-то растерянным, почти глупым видом.)* Нервы у меня расшалились. Массажи! Электротерапия! Электротерапия! Массажи! И ни гроша в кармане… Я брошу медицину. Лучше стану торговать сукном.

Марта *(ласково).* Ты же поклялся мне, что будешь счастлив…

Фрейд *(смеется сухим, почти оскорбительным смехом).* Счастлив?

Марта *(с печалью).* Да, счастлив, как только мы будем вместе.

Фрейд растрогался. Он положил Марте руки на плечи и смотрит на нее с глубокой нежностью.

Фрейд. Бедная моя любовь, я гублю твою жизнь. Нет, я не должен был на тебе жениться! *(Марта, оскорбленная до глубины души, делает шаг назад. Фрейд идет к ней, объясняя.)* Неудачник не имеет права жениться. *(Берет у нее из рук сюртук и надевает его.)* Прости меня. Это из-за Мейнерта. Когда я узнал, что он заболел, воскресли все воспоминания. *(Она улыбается ему несколько печально и поворачивается к зеркалу. Внезапно Фрейд начинает ее торопить.)* Ну что? Ты готова? *(Марта взяла свою шляпу и укрепляет ее на голове булавками.)* Поторопись. Я терпеть не могу приходить последним.

В комнате ребенка.

Матильда стоит, она слышит, что открывается дверь, и бегом бросается в прихожую.

Фрейд и Марта собираются уходить. Фрейд в черной визитке и брюках в полоску; на голове у него цилиндр. Он подхватывает Матильду на руки и изо всех сил прижимает к груди.

Фрейд *(указывая на Матильду).* Вот все, что я сделал лучшего в моей жизни.

Марта *(с раздраженной улыбкой).* Еще бы! Я ведь тебе сильно помогла.

Она берет дочку из рук Фрейда и целует ее. Она опускает ее на пол в тот момент, когда Фрейд открывает дверь. Они выходят.

(3)

Квартира Брейеров.

Большой, богатый и комфортабельный, но довольно безвкусный

салон. Окно открыто.

Матильда Брейер, весьма красивая женщина лет тридцати, высунулась в окно. Горничная ждет, стоя возле стеклянной двери, выходящей в коридор.

Матильда поворачивается и идет к ней, явно раздосадованная. Матильда, маленькая, пухленькая и подвижная, в ней чувствуются очарование и веселость. Но в это мгновение лицо ее озабочено и голос малоприятен.

Матильда Брейер. Они приехали. Вы уверены, что господина Брейера нет в кабинете?

Горничная. Я только что оттуда, мадам.

Матильда Брейер. А в курительной? Вы там были? *(Матильда берет со столика веер, раскрывает его и нервно обмахивается.)* Как это неприятно. Он мог бы… *(Звонок в дверь.)* Ступайте откройте.

Горничная выходит. Матильда, обмахиваясь веером, подходит к зеркалу, поправляет волосы и делает приятное лицо.

Входят Марта и Фрейд, она улыбается и целует Марту в обе щеки.

Матильда. Здравствуйте, дорогая моя! Здравствуйте, Зигмунд. *(Скороговоркой.)* Йозеф неисправим, я же просила его быть вовремя. Но он, естественно, не пришел.

Лицо Фрейда светлеет, едва он входит в салон. Заметно, что ему нравится квартира Брейеров и он чувствует себя в ней совсем легко.

Фрейд *(ласково).* Полно, Матильда, с врачами все бывает!

Матильда очень словоохотлива по привычке, а особенно, когда раздражена. Она говорит, сопровождая свою речь маленькими, очаровательными и жеманными жестами, непрерывно помахивая веером.

Матильда Если бы дело шло только о вас, я бы примирилась: мы одна семья. Но приглашен еще этот господин Флисс, с которым я незнакома. Эти берлинцы такие обидчивые… *(Очень раздраженно.)* Он обещал мне быть вовремя. В конце концов, это его гость.*(Тем же тоном.)* Марта, дорогая моя, возьмите веер, здесь так душно, мы все нервничаем, будет гроза.*(За кадром шум кареты на улице.)* Вот и он!

Ее нервозность вряд ли можно объяснить простым опозданием Брейера.

Шум кареты стихает.

Матильда. Нет, это невыносимо.

Фрейд *(с раздражением).* Потерпите же, Матильда, он задержался у больного, это каждый день бывает.

Матильда. Именно каждый, вы правы. Но задерживается он у больной. Всегда только у нее. Вы знаете, у Кёртнер.

Фрейд *(с удивлением).* Кёртнер? Нет, не знаю.

Матильда. Ну вот, видите! Вы знаете всех его пациентов. Ее зовут Сесили. Он ходит к ней теперь по два раза в день. Кажется *(смеется нервным смехом),* она какой-то великолепный случай.

Фрейд побледнел. Лицо его насупилось.

Фрейд *(очень сухо).* Два раза в день? К Сесили Кёртнер? Нет, не знаю.

Всеми тремя овладевают смущение и тревога.

Матильда *(с изумлением).* Ведь он же от вас ничего не скрывает.

Фрейд *(тем же тоном).* Надо полагать, что нет.

Матильда *(после паузы).* Значит, он вам о ней не говорил?! *(Похоже, что она больше удручена, чем поражена. Нервным жестом она складывает веер и бросает его на столик.)* Тем хуже для нас обоих!

Фрейд молчит. Он сидит в кресле, нахмурив брови, и даже не скрывает своего смущения.

Звонок.

Матильда. И естественно, это пришел наш гость!

Слуга *(открывает дверь).* Доктор Флисс.

Он отходит в сторону, пропуская Флисса, который входит и кланяется.

Матильда встает, протягивая ему руку.

Матильда. Здравствуйте, доктор.

Флисс, щелкнув каблуками, кланяется и целует руку.

Флисс. Мое почтение, мадам.

Матильда. Мой муж задержался у одной из своих пациенток…

(4)

Обширное помещение, которое служит Сесили жилой комнатой.

Спускаются сумерки, в комнате почти полутьма. Брейер сидит у постели Сесили.

Брейер *(встает).* Ну хорошо! Сесили, мы отлично поработали.

Мы едва различаем голову и золотистые волосы Сесили. Руки ее лежат на одеяле. Она слегка косит.

Сесили*(слабым голосом).* Вы уходите?

Ее руки лихорадочно начинают шарить по одеялу, кажется, что

они бегают по постели.

Брейер. Сесили! Успокойтесь! Я буду у вас завтра утром.

Сесили *(проявляя признаки растущего беспокойства).* А до утра не будет ничего. Ничего! *(Закашливается сухим, надрывным кашлем. Сквозь приступы кашля.)* И надо пережить эту ночь! В страхе открыть глаза… Если я открываю глаза, я вижу смерть. *(Она неуклюже шарит рукой, чтобы найти руку Брейера и положить на свою руку. Брейер угадывает ее желание и протягивает руку. Взяв ее, она подносит ее к глазам. Говорит с какой-то страстью.)* Закройте мне глаза. Прикажите мне не открывать их до утра.

Брейер колеблется, потом склоняется к этому прекрасному лицу, изуродованному косоглазием.

Брейер *(говорит с большой нежностью и властностью).* Закройте глаза, Сесили.

Он закрывает ей глаза большими пальцами, другими охватывает виски Сесили.

Брейер. Не открывайте глаза до утра.

Сесили. Вы сами раскроете мне их. *(Кашляет. Он не отвечает, она волнуется. Настойчивым тоном.)* Скажите, что вы придете открыть мне глаза. Завтра утром, своими руками. Без этого я не усну. *(Приступ кашля.)*

Брейер. Я открою вам глаза. Спите, Сесили. *(Приступ кашля сразу прекращается.)*

Кажется, что Брейер имеет над ней большую власть и в то же время он уступает Сесили с какой-то нежной слабостью.

Однако желание Сесили («Закройте мне глаза») – это не простой каприз влюбленной, и оно не должно казаться только таким: оно также не должно казаться неожиданной выдумкой больной, которая боится бессонной ночи и. находит средство, чтобы успокоиться.

Сесили успокоенно откидывается на подушку, глаза у нее закрыты и на губах блуждает смутная улыбка.

Брейер на цыпочках уходит, взяв со стула свой цилиндр, открывает стеклянную дверь. Он оказывается в парке, у двери его ждет собственный двухместный экипаж, он торопливо садится в него.

Брейер *(кучеру).* Домой, Карл. И поживее! Я опаздываю почти на час.

(5)

В салоне Брейеров.

Женщины беседуют, сидя в креслах.

Голоса женщин за кадром. Нет, нет, это совсем недорого. Кретоном можно обить стены в спальне…

Фрейд с Флиссом молчат, когда слышатся обрывки разговора женщин.

Беседуя, Матильда и Марта обмахиваются веерами.

Стоя у открытой на балкон двери, разговаривают Фрейд и Флисс.

Флисс редко поворачивает голову в сторону Фрейда, можно подумать, что он разглядывает дом напротив. Но когда он хочет что-то подтвердить или доказать, он смотрит на собеседника, но не для того, чтобы видеть его, а чтобы подчинить своему влиянию. В эти мгновения сияние его огромных глаз кажется почти невыносимым.

Фрейд нервный, возбужденный, по-прежнему мрачный, время от времени он выглядывает на балкон в надежде увидеть подъезжающую карету Брейера (он делает это всякий раз, когда проезжает карета, что бывает довольно редко в этом «богатом квартале»). Но в то же время чувствуется, что Флисс подавляет и страшит Фрейда.

Фрейд говорит с ним ласково и любезно, так он разговаривал до этой сцены только с Брейером и Шарко. Флисса он слушает увлеченно.

Фрейд *(говорит с почти услужливой любезностью, но строгость, с которой он к себе относится, совершенно искренна, она глубоко укоренилась в его характере).* Я не могу понять, зачем человек ваших способностей, берлинский специалист, приехал слушать мои лекции. Вам известно, что я даже не профессор. Простой преподаватель, и все.

Флисс *(любезно, но высокомерно).* Я пришел к вам благодаря вашей репутации.

Фрейд. Я преподаю анатомию мозга, любой ученый может делать это лучше меня.

Флисс. Вы прекрасно знаете, что не может. Допотопные ископаемые профессора, которые занимают все места, разделяют мозг на многие тысячи мелких клеток. Каждая из них соответствует одному из

наших жестов, одному из наших ощущений, одному из наших слов. Вы один из немногих в Европе, кто учит, что этих мелких клеток не существует, что все дело – в их связях и динамике.

Фрейд опустил голову, чтобы скрыть почти детскую улыбку удовлетворения.

Флисс. Я раскрою вам одну тайну. *(Он резко оборачивается к Фрейду и пристально на него смотрит.)* Брейер сказал вам, что я – отоларинголог. Мне удалось выделить невроз. Если хотите, назальный невроз. Нос связан нервной связью со всеми другими органами. Делая нечувствительной носовую полость, я устраняю нарушения в кишечнике. Естественно, они появляются снова, как только нос обретает свою нормальную чувствительность.

По улице проезжает карета. Фрейд, несмотря на страстный интерес, проявляемый к словам Флисса, не может удержаться, чтобы не бросить взгляд на улицу. Двуконный экипаж проехал мимо и исчез. Флисс, раздраженный этой мгновенной рассеянностью, кладет руку на плечо Фрейда.

Флисс *(очень властно).* Слушайте меня, дорогой друг. *(Фрейд послушно оборачивается.)* Я мог бы пойти дальше, если бы более основательно знал неврологию. Вы можете мне в этом помочь.

Фрейд. Я не способен… Не способен.

Флисс *(не слушая его).* Все взаимосвязанно, Фрейд. Нос и носовые нервы – это лишь ретранслятор. *(Смотрит своим пугающим взглядом в глаза Фрейду.)* Все находится под владычеством пола.

Фрейд. Пола?

Он сделал какую-то удивленную гримасу.

Пока Флисс говорит, под окнами останавливается карета, но Фрейд на сей раз слишком увлечен, чтобы обратить на это внимание.

Флисс Биологическое развитие индивида контролируется и направляется его половыми органами. *(Убежденно.)* Я знаю это, но доказать не могу. Вы должны мне в этом помочь.

Похоже, что Фрейд в полном смятении. Его лицо, обычно столь суровое, кажется, смягчила какая-то тревога.

Фрейд. Я хотел бы вам помочь… *(Пауза.)* Надо столько мужества, чтобы осмелиться пересмотреть проблему… *(Пауза.Мрачным тоном.)* А у меня его нет…

Дверь в салон неожиданно распахивается. Входит Брейер, пряча свое смущение под вымученной веселостью.

Брейер *(стоя в дверях).* Дорогие друзья, на коленях молю прощения, но знаю, что прощения мне нет.

Матильда *(сухо).* В самом деле, нет.

Брейер кланяется и целует Марте руку.

Брейер *(Марте).* Значит, прощения нет?

Марта *(ласково).* Конечно, нет, но мы вас прощаем.

Флисс и Фрейд подходят к Брейеру. Флисс спокойный и сердечный, Фрейд раздражен и мрачен.

Брейер. Флисс и Фрейд знают, что такое профессиональный долг. Меня задержала больная.

Флисс. Таковы неудобства нашего ремесла.

Фрейд молчит: это молчание и каменное лицо, которое он противопоставляет улыбкам Брейера, показывают его решительное намерение выказать свое недовольство.

Матильда. Прошу поскорее к столу. Все подгорит.

Женщины встают; Матильда оказывается между Фрейдом и Брейером.

Матильда *(Брейеру).* Как же так случилось, что ты ни разу не сказал Фрейду о твоей Сесили?

Лицо Брейера становится несколько растерянным. С робким видом он смотрит на по-прежнему раздраженного Фрейда.

Матильда отходит от них, чтобы взять под руку Флисса, пока горничная настежь распахивает двери в столовую.

В столовой, спустя некоторое время.

Гости располагаются вокруг круглого стола в следующем порядке: Матильда, справа от нее – Флисс, справа от Флисса – Марта, справа от нее – Брейер, который таким образом оказался рядом с Фрейдом. Фрейд замыкает круг. он – слева от Матильды. Слуга подает рыбное блюдо. Брейер, сильно смущаясь, несмотря на непринужденность своих манер, обращается к невозмутимому Флиссу, но на самом деле адресуется он к Фрейду.

Брейер *(с улыбкой).* У меня никогда и мысли не было, чтобы прятать хоть одну из моих больных от Фрейда. У нас нет секретов друг от друга.

Он поворачивается к Фрейду, ища у него одобрения. Фрейд поворачивается к слуге, который протягивает ему блюдо, и берет себе еще порцию, чтобы избежать ответа.

Марта смотрит на Фрейда с раздражением и неловкостью. Она ждет ответа, которого не последовало. Слегка покраснев, она вполоборота поворачивается к Флиссу и говорит с улыбкой.

Марта. Нет никаких секретов! И быть не может.

Матильда слушает с раздражением: она тоже поворачивается к

Флиссу и весело говорит.

Матильда. Да, секретов нет. Кроме одного – таинственной Сесили. Йозеф лечит ее уже полтора года.

Молчание. Фрейд ест, не поднимая глаз от тарелки.

Брейер *(неизменно веселый, подхватывает разговор с наигранной наивностью).* В Сесили нет ничего таинственного. Это просто необычный случай, и все. *(Оборачивается к. Фрейду.)* Настолько необычный, что я не хотел говорить о нем до излечения больной. Я боялся ошибиться. *(Фрейд, столь же мрачный, молчит. Брейер обращается к Флиссу.)* Что вы скажете о больной, которая сама придумывает себе подходящее лечение?

Флисс. Необходимо, чтобы она обладала весьма незаурядным умом.

Брейер *(с каким-то самодовольством).* Весьма незаурядным? Вот именно, он у нее весьма незауряден! *(Он заявляет о своей уверенности с какой-то смесью наивного удовлетворения и восхищения.)* Я был всего лишь ее орудием. Даже сегодня мне тяжело об этом думать. К счастью, результаты лечения налицо. *(Пауза. Брейер украдкой взглянул на Фрейда, который, перестав есть, смотрит прямо перед собой.)* Это великолепный случай истерии. Просто образцовый, как из учебников. Контрактуры нижних конечностей, параличи, парезы, нарушения зрения и слуха, невралгии, кашли, затрудненность речи — словом, полный набор.

Флисс *(с иронией).* Сумасшедшая из больницы Сальпетриер!

Брейер *(с досадой).* Пациентки Сальпетриер едва умеют читать. Эта девушка принадлежит к лучшему обществу, превосходно образованна и одаренна.

Флисс Какое же лечение она придумала?

Брейер увлекся, рассказывая о Сесили, и забыл о Фрейде, хотя чувствуется, что эта тема страстно Фрейда увлекает.

Брейер. Просто-напросто снова открыла гипнотизм, приспособив его к своей болезни.

Фрейд вздрагивает. Кончиками пальцев он задевает свою вилку, которая со звоном стукается о тарелку. В первый раз он оборачивается к Брейеру. Глаза его пылают от гнева.

Фрейд. Гипнотизм? Неужели это правда? *(Брейер с изумлением смотрит на него.)* Я не желаю в это верить. *(Увидев изумление Брейера, он прибавляет с глубоким недовольством.)* Маленькая Дора Вассерман сказала мне, что вы гипнотизируете одну из ваших больных. Я посмеялся над ней. *(Руки у него начали дрожать.)* Когда

шесть лет назад я вернулся из Парижа с головой, набитой всеми этими химерами, вы не защитили меня, Брейер, вы позволили Мейнерту раздавить меня, как земляного червя, и были правы.

Обе женщины, ошеломленные, слушают Фрейда. Брейер побледнел. Только Флисс, ироничный, но в меру, не потерял ни хладнокровия, ни аппетита: слуга ходит вокруг стола, по второму разу обнося гостей блюдом из рыбы, все отказываются коротким, машинальным жестом, кроме Флисса, который аккуратно взял себе обильную порцию. Он спокойно слушает и пьет белое вино. Все это не свидетельствует о плохом воспитании, но просто подчеркивает его стойкое равнодушие.

Фрейд. Я ошибался! Ошибался! А сегодня вы, кого я уважаю, как отца, вы впадаете в это шарлатанство.

Брейер *(тихо).* Выслушайте меня, Фрейд.

Фрейд не смотрит на Брейера. Гнев не мешает Фрейду казаться робким. Брейер, наоборот, перед резкостью Фрейда вновь обрел спокойствие и все свое хладнокровие. Он глядит на Фрейда ласково без малейшего раздражения.

Фрейд. Гипнотизм не излечивает! Это — не метод лечения, а номер в кафешантане! Шарко удавалось под наркозом снимать контрактуры. И что же? При пробуждении они появлялись снова.

Брейер. Вы бесспорно правы, Фрейд. И потом, в 1886 году я не верил в гипнотизм. Вам прекрасно известно, что я верю только в опыт.

Фрейд. И опыт вынудил вас прибегнуть к внушению?

Брейер. Да. Но речь идет не о том, чтобы прямо воздействовать на симптомы. Шарлатаны – это те, кто говорит парализованной истеричке: «Встань и иди».

Фрейд *(ничуть не теряя своей агрессивности). А* что вы предлагаете?

Брейер. Когда Сесили под гипнозом, она рассказывает о своих болезнях, вспоминает, каким образом появились их симптомы. И каждый раз, когда она может найти в своей памяти обстоятельства их возникновения…

Флисс *(очень заинтересованно).* Они исчезают?

Брейер.Да. Сегодня они исчезли почти полностью.

Фрейд *(с каким-то испуганным отвращением).* Вы заставляете ее рассказывать о себе? *(Фрейд побледнел, руки у него дрожат, он говорит без всякой резкости, но с невероятным усилием над собой.)* Значит, вы превращаете ее невроз в психоз: она умрет в палате для буйнопомешанных. *(Обращаясь к Флиссу, он говорит взволнованным*

голосом.) Семь лет назад я отказался от метода провоцируемого сна. И знаете почему? Потому что один маньяк в состоянии гипноза начал меня уверять, будто он жаждет убить своего отца. Отца, которого, разумеется, он обожал. Они несут любые глупости, эти несчастные! А если эти глупости засядут у них в голове? Если этот несчастный болван, который бредил, лежа на своем диване… Если он будет убежден, что у него призвание к отцеубийству? Мы ворошим грязь из-за пустяков! Входит слуга и идет к Брейеру.

Слуга. В прихожей человек, который спрашивает доктора Фрейда. Он говорит, что нигде не может его найти.

Фрейд *(с неприязнью глядя на слугу).* Оставьте меня в покое! *(Пауза.)* От кого он?

Слуга. Что вы сказали?

Фрейд. Кто его прислал?

Слуга. Профессор Мейнерт.

Фрейд резко встает.

Фрейд *(говорит с трудом).* Чего он хочет?

Слуга. Профессор Мейнерт хочет видеть вас. Похоже, по срочному делу.

Все смотрят на Фрейда: он мертвенно бледен, черты лица искажены, глаза расширились. Потрясенный, он какое-то мгновение молчит, потом берет себя в руки, кланяется Матильде, принуждая себя улыбнуться

Фрейд. Ну вот, Матильда, теперь мой черед. *(Пауза.)* Прошу вас, заканчивайте ужин, не ждите меня.

Он уходит. Взволнованные гости переглядываются.

Марта почти в ужасе. Она скатывает хлебный шарик. Брейер смотрит на нее и тихо говорит.

Брейер. Если Мейнерт при смерти, им лучше увидеться.

Марта. Лучше ли, хуже, не знаю. Но что-то должно произойти, я уверена.

Матильда. Что произойти, дорогая?

Марта *(смотрит перед собой, в пустоту).* Я задаю себе вопрос… Может быть, мы больше никогда не будем счастливы.

(6)

Комната Мейнерта.

Роскошная, хотя и несколько дурного немецкого вкуса той эпохи, обстановка.

Керосиновая лампа на круглом столике освещает только расстеленную постель, готовую принять больного, рядом с кроватью большое удобное кресло, в котором и сидит больной.

Мейнерт сильно постарел: лицо его изборождено морщинами, борода и волосы совсем побелели. Но сильнее, чем старость, поражает восковая бледность Мейнерта. Даже руки, вплоть до ногтей, у него бледные. Он в халате, надетом поверх ночной рубашки. Под головой подушка, колени укрыты одеялом. Закутанные в одеяло ноги покоятся на скамеечке.

Только взгляд Мейнерта нисколько не утратил своей суровости и властности. Веки у больного прикрыты, но, когда он внезапно открывает глаза, полумрак пронзает его взгляд, полный ума, хотя и несколько растерянный.

Мейнерт *(тихим голосом).* Это вы, Фрейд? *(Не дожидаясь ответа.)* Проходите…

Фрейд подходит ближе. Он почти такой же бледный, как и Мейнерт, глаза у него столь же суровы.

Мейнерт *(слабым жестом руки указывая на стул).* Садитесь поближе, мне запрещают громко разговаривать.

Фрейд пододвигает стул к креслу.

Мейнерт. Вы по-прежнему заняты поиском мужчин-истериков?

При этом упоминании о лекции 1886 года и их ссоре Фрейд нахмурил брови, едва заметно покачав головой в знак отрицания.

Мейнерт *(он понял этот жест).* Жаль. Я бы мог предоставить вам один превосходный экземпляр.

Фрейд *(с удивлением и недоверием он заранее угадывает ответ на свой вопрос).* Кто же это?

Мейнерт *(у него вновь появилась горькая, ироническая улыбка, он спокойно, почти с гордостью говорит). Я.*

Фрейд молчит. Он не сводит глаз с Мейнерта, на лице Фрейда – выражение удивления, смешанное с неожиданным, глубоким пониманием и каким-то, едва заметным, удовлетворением.

Мейнерт *(с мрачной гордостью).* Симптомы истерии мне были известны до Шарко. Я поплатился за свое знание: я страдал всеми ими. *(Еще более гордо.)* Всеми. Но никто об этом ничего не знал.

Фрейд*(говорит жестко, его обида на Мейнерта еще не прошла).* Когда вы прогнали меня из вашей психиатрической клиники, вы знали о своей истерии?

Мейнерт. Об этом я знал двадцать лет.

Фрейд. Вы третировали меня, как фигляра и шарлатана.

Мейнерт. Вам же известна притча о Ное. Сын не должен видеть своего отца обнаженным. *(Смотрит на Фрейда без нежности и без сожаления.)* Вы ведь были моим духовным сыном.

Фрейд *(с оттенком грусти в голосе).* Да. И вы прокляли меня. Изуродовали мне жизнь. Я был ученым, а не врачом. Мне отвратительна медицина, мне не нравится мучить людей под тем предлогом, что они больны. Шесть лет я больше не веду научных исследований. Я терзаю невротиков, которых не могу излечить.

Мейнерт *(с усмешкой).* Электротерапией, душем и массажем?

Фрейд *(с горечью).* Именно массажем, душем, электротерапией!

Мейнерт *(громко смеется).* Все эти методы, что мертвому припарки. Они ничего не дают.

Фрейд. Я знаю. И тем не менее ничего другого не предписываю.

Мейнерт *(сардонически улыбаясь).* Эти методы хотя бы безвредны.

Фрейд. Слабое утешение. *(Пауза.)* Кого бы вы теперь назвали шарлатаном? Тогдашнего молодого человека, который искренне верил в целебные свойства гипнотизма, или сегодняшнего мужа, который предписывает лечение, в которое сам не верит?

Мейнерт, закрыв глаза, молчит.

Фрейд смотрит на него с растущей тревогой. Спустя несколько минут он тихо встает и хочет склониться к больному.

Мейнерт *(говорит, не открывая глаз).* Сядьте. Я не сплю, собираюсь с мыслями. Совсем я плох. Мне необходимо сказать вам все. Не перебивайте меня. Невротики образуют братство посвященных. Они редко знакомы друг с другом, но узнают они друг друга сразу. С первого взгляда. Их единственное правило – молчание. Нормальные люди, Фрейд, вот кто наши враги. Я хранил эту тайну… Всю жизнь, хранил даже от самого себя, я отказался от самопознания. *(Раскрыв глаза, он в упор смотрит на Фрейда.)* Вы из братства невротиков, Фрейд. Или совсем скоро вступите в него. Вас я ненавидел потому, что вы хотели нас предать… Я ошибся. *(Пауза.)* Моя жизнь была сплошным притворством. Время жизни я потратил на то, чтобы скрывать правду. Держал себя в узде. И вот итог… Я умираю в гордыне и неведенье. *(Горько усмехнувшись.)* Ученый ведь обязан знать правду, не так ли? А я не знаю, кто я такой. Свою собственную жизнь прожил не я: ее прожил Другой.

Мейнерт снова закрывает глаза, Фрейд потрясен. Он наклоняется и робко кладет руку на бледную руку больного, которая покоится на подлокотнике кресла. Мейнерт открывает глаза; он совершенно обессилел, но впервые смотрит на Фрейда с любовью.

Мейнерт *(слабым, задыхающимся голосом).* Нарушьте молчание, Фрейд. Предайте нас. Раскройте нашу тайну. Вытащите ее на свет Божий, пусть вам при этом придется выдать свою собственную тайну. Искать эту тайну надо будет далеко и глубоко. Искать в грязи.

При этих словах Фрейд отдергивает руку и делает чуть заметное движение, словно хочет отпрянуть назад.

Мейнерт. Вы разве этого не знали?

Фрейд. Искать в грязи? Да, это я знаю.

Мейнерт. И вас это пугает?

Фрейд. Да. Я… ведь я не ангел.

Мейнерт. Тем лучше. Ангелы не понимают людей.

Фрейд изменился в лице; он совсем помрачнел, но глаза у него сверкают.

Фрейд. Если я окажусь неспособен…

Мейнерт. Если вы окажетесь неспособным, этого не сделает никто. *(Слегка повысив голос.)* Уже шесть лет вы грызете удила, Фрейд… Рванитесь вперед, это в вашем характере. Не отступайте ни перед чем. Если вам не хватит сил, заключите договор с Дьяволом. *(Совсем тихо, но с пылкой убежденностью.)* Как это прекрасно, Фрейд, рискнуть попасть в ад ради того, чтобы люди могли жить при свете небес! *(Мейнерт подался вперед, подушка соскользнула. Фрейд встал и поправил ее.)* А я, Фрейд, я проиграл, по недостатку мужества. Теперь ваш ход. Прощайте! *(Мейнерт дышит ртом, слегка хрипя. У него разбитый, страдальческий вид. Глаза раскрыты и уставились в одну точку. Еле слышно, словно про себя, он повторяет.)* Проиграл…

Несколько мгновений Фрейд оцепенело смотрит на Мейнерта. Похоже, тот уже не сознает, что Фрейд еще находится в комнате. Робко протянув руку, Фрейд кончиками пальцев гладит умирающего по руке, встает и на цыпочках выходит.

(7)

Столовая в квартире Брейеров.

Гости ждут возвращения Фрейда, сидя перед пустыми приборами. Тишина. Пробило десять. Марта вздрагивает.

Марта. Матильда, уже десять! Прошу вас, прикажите подавать на стол! *(Принуждая себя улыбнуться.)* А то мы создадим у доктора Флисса совсем дурное мнение о венском гостеприимстве.

Флисс. Помилуйте, мадам…

Слышится настойчивый звонок в дверь.

Брейер. Вот и он!

Матильда. Он так не звонит.

Марта резко встает, не сходя с места, она бросает взгляд сквозь стеклянную дверь.

Марта*(с облегчением, почти радостно)*. Это он, Зигмунд!

Все поворачиваются к входной двери.

Брейер *(встревожен, говорит вполголоса, словно про себя).* Интересно, о чем они говорили друг с другом.

Дверь открывается. Входит Фрейд.

Вид у него взволнованный, он сильно устал. И одновременно возникает впечатление, что в нем свершились какие-то значительные перемены, что-то расцвело в нем, он весел.

Марта и Брейер *(почти в один голос).* Как он себя чувствует?

Фрейд садится на свое место, берет салфетку.

Фрейд *(говорит с какой-то обезоруживающей простотой, словно он выше пережитого им горя).* Надежды больше нет. По-моему, это дело нескольких часов. *(Смотрит на гостей, не видя их. Машинально спрашивает.)* Вы меня ждали? *(Уставившись на Флисса, вдруг говорит с пылким, но сдержанным восторгом.)* Мейнерт – все-таки необыкновенный человек!

Матильда подает знак слуге, который уходит, потом приносит жаркое из телятины и обносит гостей.

Теперь Фрейд смотрит прямо перед собой, в пустоту, едва заметно улыбаясь.

Марта *(больше с тревогой, чем с любопытством).* Что он тебе сказал?

Фрейд машет рукой, словно отстраняя вопрос. Он не отвечает. Слуга обносит телятиной женщин и Флисса, потом склоняется к Фрейду, который его не замечает.

Слуга стоит в поклоне, стремясь привлечь внимание Фрейда.

Марта *(показывая Фрейду на поднос).* Зигмунд!

Фрейд *(опомнившись, с удивлением смотрит на поднос и в знак отказа машет рукой).* Простите! Нет, благодарю.

Слуга отходит к Брейеру.

Фрейд *(после небольшой паузы резко поворачивается к Брейеру. У него дружелюбный и уважительный вид).* Брейер, я хотел бы увидеть вашу Сесили. *(Брейер смущен и недоволен. Фрейд, похоже, не замечает этого.)* Возьмите меня с собой на первый же осмотр.

Матильда *(насмешливо).* Первый осмотр состоится завтра утром, можете быть уверены!

Фрейд *(страстно).* Возьмите меня.

Брейер. Но вы же говорили…

Фрейд. Глупости! Приношу вам мои извинения.

Брейер. Не знаю, могу ли я… не подготовив ее…

Матильда *(смеясь).* Она будет в восторге. *(Обращаясь к Марте.)* Эта девица на все смотрит глазами Брейера.

Брейер. Это очень сложный случай…

Матильда *(по-прежнему со смехом).* У них дуэт, понимаете? На трио больная не идет.

Брейер. Ну что ж! *(Он бросает на жену враждебный, раздраженный взгляд. Быстро принимает решение. Весьма сухим тоном говорит Фрейду.)* Заходите ко мне завтра пораньше. По-моему, я смогу показать вам исчезновение дополняющих друг друга симптомов: психической глухоты и косоглазия. Обещаю, что этот опыт вам запомнится. *(Натянуто смеясь, обращается к Флиссу.)* Раз уж мы заговорили о болезнях, не могу ли я просить вас присоединиться к нам? Я не совсем уверен, что кашель Сесили истерического свойства, и хотел бы, чтобы вы посмотрели ее горло.

Флисс. Непременно буду.

Матильда. Итак, трио стало квартетом. Чем безумнее, тем и смешнее. *(К Марте.)* Но бойтесь, Марта, эта женщина опасна! Она – настоящая обольстительница.

Марта *(спокойно).* Я не боюсь ничего.

Фрейд смеется.

Матильда. Слишком вы доверчивы. Я восхищаюсь вами.

Фрейд *(все еще сохраняя тот растерянный вид, с которым он вошел в комнату).* В этом никакой ее заслуги нет, Матильда. Кто мог бы быть столь безумным, чтобы подумать, будто я способен привлечь внимание женщин. *(Показывая на Марту.)* Я сам до сих пор удивляюсь, почему она вышла за меня. *(Повернувшись к Брейеру, Фрейд смотрит на него с нежным, глубоким восхищением.)* А вот Брейер – муж, за которым надо присматривать. Будь я на вашем месте, Матильда, я бы посадил его под замок. Он слишком импозантен и красив, чтобы не похищать сердца всех своих пациенток.

Все смеются, Матильда – громче всех. Марта вскрикивает.

Марта. Что с вами?

Она указывает на левую руку Матильды, из которой струится кровь: глубокие порезы на трех пальцах.

Матильда *(смеясь, смотрит на Фрейда и Брейера).* Со мной? Ничего. *(Переводит глаза на скатерть и испускает слабый крик,*

похожий на вздох. Говорит с трудом, совсем изменившимся голосом.) Какая глупость! Взяла за лезвие нож.

Марта быстро встает, обнимая ее за плечи.

Марта *(нежно).* Пойдемте, Матильда, скорее. *(Увлекает ее за собой. Трое мужчин встают. Марта делает знак рукой, отказываясь от их услуг.)* Нет, нам не нужны мужчины, тем более врачи. Мы скоро вернемся.

Женщины уходят. Матильда на грани обморока. Марта поддерживает ее. Когда дверь закрылась, Брейер как-то фальшиво ухмыльнулся.

Брейер. Что поделаешь! Ужин с осложнениями.

Фрейд и Флисс стоят молча, повернувшись к стеклянной двери.

Брейер *(видя серьезность и насупленные брови Фрейда, меняет тон; показывая на дверь, грустно замечает).* Маленький приступ неврастении, ничего серьезного. Плохо, если после десяти лет супружества нет детей.

(8)

На следующий день, девять часов утра.

В карете Брейера.

Дивное июньское утро. Карета проезжает через какой-то необычный квартал: бедные дома чередуются с виллами и садами.

Брейер говорит бесстрастным и спокойным тоном. Он явно окончательно примирился с этим визитом втроем.

Фрейд слушает с величайшим вниманием.

Флисс более равнодушен.

Изредка Флисс бросает взгляд на Брейера, но нельзя сказать, слушает ли он его; кажется, что его грозные пылающие глаза ничего не видят.

Брейер *(продолжая давно начатый разговор).* Первые нарушения начались после смерти отца. Он страдал сердцем и умер прямо на улице. Она обожала отца, вы можете представить, как подействовало на нее это потрясение. Психическая травма в буквальном смысле слова.

Фрейд. Что у нее было?

Брейер. Все, о чем я вам говорил, включая чудовищные галлюцинации. Но мы постепенно сняли симптомы.

Фрейд вынимает портсигар и машинально достает сигару.

Фрейд. Каким образом?

Едва Брейер собирается ответить, Флисс замечает, что Фрейд намерен закурить.

Флисс бросает на него угрожающий взгляд. Кажется, он впервые чем-то заинтересовался.

Флисс *(повелительным тоном).* Вы слишком много курите.

Фрейд *(вздрагивает, мгновение колеблется и, наконец, любезно отвечает).* Вы совершенно правы.

Флисс *(тем же тоном).* Вам следует отказаться от сигар хотя бы по утрам. Они… самые вредные.

Фрейд в нерешительности, хмурит брови и в конце концов кладет сигару в портсигар, который прячет в карман.

Он делает это скорее из вежливости, чем из покорности воле Флисса. Брейер наблюдает эту сценку с веселым удивлением.

Брейер *(Флиссу).* Браво! Я пытаюсь убедить его бросить курить уже шесть лет, вы же преуспели с первого раза.

Флисс самодовольно улыбается. Слегка раздраженный Фрейд обращается к Брейеру.

Фрейд. Что же дальше? Каков ваш метод?

Брейер. С первых месяцев лечения я убедился, что она приводит себя в состояние, близкое к тому, которое вызывается внушением. В этом… самогипнозе к ней возвращаются воспоминания, она рассказывает обо всем, что может облегчить ее болезнь. Например, о событиях, которыми сопровождалось или вызывалось появление какого-либо симптома истерии. При пробуждении я напоминаю ей обо всем, что она говорила, и симптом исчезает.

Фрейд. И больше не повторяется?

Брейер. Есть повторяющиеся симптомы, но лишь в том случае, если она что-то от меня скрывает. По вечерам она рассеянна и утомлена. Нужно большое терпение.

Через открытые ворота карета въезжает в парк: лужайка, рощицы, водоем; в глубине – кокетливая двухэтажная вилла. Парадная лестница в три марша ведет к входной двери.

Брейер. Приехали.

(9)

Спустя некоторое время.

На лестнице их ожидает женщина лет сорока, которая одета в темный костюм и держится строго. Должно быть, она была ослепительно красива и оставалась бы таковой, если бы не суровость

и жесткость ее лица.

Брейер поднимается по ступенькам и целует ей руку.

Брейер *(представляя своих спутников).* Доктор Флисс, выдающийся ларинголог, который любезно согласился осмотреть нашу Сесили. *(Флисс целует руку госпоже Кёртнер.)* Доктор Фрейд, мой лучший друг.

Фрейд отдает легкий поклон и пожимает руку, которую ему протягивают.

Госпожа Кёртнер. Прошу вас, господа.

Они входят в просторную светлую комнату, где почта нет мебели.

Хороший, но какой-то пуританский стиль. Большой камин, голые стены, круглый стол, вокруг которого прекрасные, старинные венские стулья.

Госпожа Кёртнер *(повернувшись к Брейеру, идущему за ней).* Меня беспокоит Сесили. Она проснулась, но уверяет, будто не может открыть глаза.

Брейер *(улыбаясь).* Я обещал ей, что сделаю это сам. *(Показывает на Флисса.)* Доктор Флисс будет столь добр, что подождет здесь. Втроем нас будет слишком много возле больной. Он осмотрит Сесили после меня. Пойдемте, Фрейд.

Они проходят в соседнюю комнату.

Комната Сесили.

Та же самая, что мы видели накануне вечером. Ставни раскрыты. Это комната кокетливой и чувственной девушки, она гораздо меньше холла и обставлена с очаровательным вкусом (в стиле XVIII века). Зеркала, туалетные столики, глубокие, мягкие кресла. По стенам полки, сплошь забитые книгами. Кровать застелена и покрыта белыми меховыми шкурами.

Сесили изысканно одета. Она в светлом платье, тщательно причесана (золотистые локоны). Сесили сидит на диване, подложив под голову две подушки и укрыв ноги одеялом. Она вяжет, но глаза упрямо не открывает.

Входя, Брейер тихо говорит Фрейду с восторгом, который ему едва удается приглушить.

Брейер *(медленно и тихо).* Как она прекрасна!

Фрейд суровыми, пронизывающими насквозь глазами глядит на больную. Он молчит: ясно, что красота Сесили его не волнует.

На губах Сесили блуждает едва уловимая улыбка, словно она услышала слова Брейера, произнесенные, однако, совсем тихо и очень

далеко от нее.

Брейер делает знак Фрейду остановиться и подходит к Сесили. Улыбка девушки становится все заметнее.

Сесили *(весело).* Здравствуйте, доктор.

Брейер. Вы услышали мой голос?

Сесили. Я узнала звук ваших шагов.

Брейер стоит рядом с больной. На протяжении всей сцены он будет говорить с ней нежным, полным страсти, но сдержанным голосом.

Будет проявлять такую поразительную нежность, словно он глубоко чувствует всю хрупкость девушки.

Сесили *(показывая кончиком указательного пальца на глаза).* Моя несчастная мама пожелала одеть меня, но видите: я сдержала слово. Теперь ваш черед. *(С несколько насмешливым пафосом.)* Доктор Йозеф Брейер, верните меня к свету.

Брейер склоняется к ней. Он прикасается большими пальцами рук к глазам Сесили. Та открыла веки. Ее глаза – это мы видели накануне – поражены косоглазием.

Она немножко приподнимается, берет руку Брейера и, держа ее двумя руками, подносит к глазам.

Брейер. Что с вами?

Сесили. Я хочу видеть вашу руку. Теперь я могу видеть только совсем вблизи. Какая огромная рука, огромная. *(С приглушенным стоном.)* Чудовищная!

Она отводит руку, словно отбрасывая ее прочь от себя. Закашливается. Брейер кладет ей руку на лоб, и кашель прекращается.

Сесили *(голосом, который еще прерывается кашлем).* Нужно вылечить мои глаза.

Брейер. Не бойтесь, Сесили. Мы попробуем. Прямо сегодня.

Сесили. Мне будут «прочищать мозги»?

Брейер. Конечно.

Сесили. На «прочистку» согласна.

Брейер делает Фрейду знак подойти ближе. Тот ступает тяжелыми шагами; мы чувствуем, что он намеренно производит шум. Несмотря на звук шагов, Сесили, похоже, не замечает его присутствия. Фрейд кланяется. Брейер делает ему знак, что можно говорить.

Фрейд. Мое почтение, мадемуазель. *(Сесили не отвечает.)* Я тоже врач. Мой большой друг, доктор Брейер, любезно разрешил мне

навестить вас.

Она откладывает вязанье на столик, стоящий рядом с канапе, но с большим трудом: косоглазие мешает ей точно локализовывать предметы. Рука шарит в пустоте, касается столика и выпускает вязанье, которое падает на пол.

Брейер быстро наклоняется, поднимает вязанье и кладет его на столик. Он берет руку Сесили, опуская ее на диван.

Сесили *(восхищенно).* Вы подняли мое вязанье! *(Сесили, по-прежнему не обращая внимания на Фрейда, улыбается Брейеру.)* Как вы любезны! Благодарю вас!

Фрейд настороженно и внимательно наблюдает и за Брейером, и за Сесили. Его взгляд скользит от одной к другому, словно улавливая какую-то глубокую и странную связь между ними.

Брейер. Сесили, вы не поздоровались с доктором Фрейдом.

Сесили. Разве здесь кто-то есть?

Брейер. Да. Один из моих друзей, которого я хочу вам представить.

Сесили (с *раздражением).* А… *(Пауза).* Как вы сказали?

Фрейд *(громким и четким голосом).* Зигмунд Фрейд.

Лицо Сесили ничего не выражает.

Брейер *(почти шепотом).* Доктор Зигмунд Фрейд.

Сесили *(послушно повторяя).* Доктор Зигмунд Фрейд. *(Совсем нелюбезно.)* Извините меня, доктор Фрейд, я плохо слышу и почти не вижу. *(Быстро, сухим тоном.)* Не понимаю, чем я могу вас заинтересовать.

Брейер *(с теплотой).* Сесили! Вы – не глухая, раз вы слышите меня.

Сесили *(пожимая плечами).* Конечно, я вас слышу. И слышу еще мою бедную маму. *(Пауза. С улыбкой, обращаясь к самой себе.)* Это разные вещи.

Брейер тоже улыбается с плохо скрываемым удовлетворением. Он склоняется к ней, поднося свой указательный палец к переносице.

Брейер. Смотрите на мой палец.

Сесили. Я лишь его и вижу.

Брейер. Сейчас вы будете спать.

Фрейд берет два стула и ставит их рядом с канапе. Садится на один из них и смотрит на Брейера снизу вверх. Брейер говорит, скорее, как влюбленный, чем врач. Он смягчает свою властность нежностью. Сесили несколько беспокойна.

Брейер. Спите, прошу вас. Ей не удается заснуть.

Сесили. Вы не один. Мне это мешает.

Брейер. Не беспокойтесь, Сесили. Спите. *(Она снова пошевелилась. Брейер настаивает. Он упрям, как мужчина, который знает, что любим.)* Сделайте это ради меня.

Сесили. Ради вас?

Она закрывает глаза и улыбается.

Фрейд нахмурил брови. Слишком интимный контакт врача с пациенткой ему явно не по душе, но нисколько не уменьшает того страстного интереса, который он проявляет к опыту.

Сесили уже спит, закрыв глаза. Она ровно дышит.

В соседней просторной комнате.

Флисс сидит за столом на венском стуле. Напротив госпожа Кёртнер.

Оба натянуто молчат, словно враги. У обоих красивые, суровые лица и грозные глаза.

Кажется, ожидание раздражает Флисса. Пальцами левой руки он барабанит по столу. Бьют часы. Они вздрагивают и оборачиваются: десять утра.

В комнате Сесили.

Брейер вытащил часы и проверяет время.

Брейер *(сквозь зубы)*. Пора. *(Склоняется к Сесили.)* Сесили! Откройте глаза. *(Она открывает. Пауза. Потом он спрашивает.)* Когда у вас появились нарушения зрения?

Сесили. Не помню. *(Теперь она говорит более хриплым голосом. Без жестов и мимики.)* Очень давно. Это возникает и исчезает.

Брейер. А глухота?

Сесили. Точно так же. Когда я плохо вижу, то и слышу плохо.

Брейер. Когда-то же это началось?

Сесили. Конечно.

Брейер. Когда?

Он склоняется к ней и ждет.

Сесили. Дайте мне руку. Помогите мне. *(Брейер берет ее за руку,)* Однажды я проснулась глухой и наполовину слепой.

Брейер. Что же случилось?

Сесили. Когда?

Брейер. Перед вашей болезнью.

Сесили. Ничего. Я спала. *(Она делает над собой усилие, пытается что-то вспомнить.)* Ах, да! Я приняла снотворное.

Брейер. Почему?

Сесили *(ее удивляет вопрос)*. Почему? Потому что не могла

уснуть.

Брейер. Что же вам мешало?

Сесили. А вы бы могли уснуть накануне похорон вашего отца?

Брейер. Значит, нарушения проявились в день похорон?

Короткая пауза. Сесили явно потрясена.

Сесили. Ну да!

Брейер. Вы были в церкви?

Сесили. Нет.

Брейер. А на кладбище?

Сесили. Я не могла.

Брейер. Но вам хотелось туда пойти?

Сесили *(с раздражением).* Я же вам сказала, что хоронили моего отца!

Брейер. Но на похороны вы не пошли.

Сесили. Потому что мне помешало…

Брейер. Что?

Сесили. Что… что… *(Тоном отчаяния.)* Я больше ничего не вижу.

Брейер. Что же произошло накануне?

Сесили. Ничего. Был вторник. Я стояла у гроба.

Брейер. А в понедельник?

Сесили. В этот день принесли тело.

Брейер *(удивленно).* Понедельник? Наверное, вы ошибаетесь, Сесили: так быстро людей не хоронят.

Сесили *(упрямо).* В понедельник к нам принесли тело.

Брейер. Дитя мое, прошу вас, соберите ваши воспоминания. В понедельник вашего отца на улице сразил сердечный приступ и привезли его тело. Во вторник его положили в гроб, а в среду похоронили. *(Сесили беззвучно плачет. Слезы текут у нее по щекам. Брейер глубоко растроган.)* Отвечайте, Сесили. Не плачьте! *(Явно нервничая.)* Не плачьте! Довольно!

Слезинка осталась на щеке Сесили. Брейер протягивает руку и кончиком указательного пальца смахивает ее.

Фрейд, смущаясь, смотрит на Брейера, потом сразу же отводит глаза и глядит на Сесили.

Та слегка расслабилась, почувствовав легкое прикосновение пальца Брейера к своей щеке.

Сесили *(неожиданно бесстрастным голосом).* Он умер не в понедельник. Приступ случился в ночь с субботы на воскресенье.

Брейер *(потрясен).* Как так? (*Бросает многозначительный взгляд на Фрейда.)* Вы мне никогда об этом не говорили. Что произошло с

субботы до понедельника? Где находилось тело?

Сесили. Оно было..

Брейер. Где?

Сесили. В… в… больнице.

Брейер. В больнице? Почему?

Она не отвечает. Фрейд подался вперед, жадно вглядываясь в ее лицо.

Сесили. Потому что матери в Вене не было.

Брейер. Где же она была?

Сесили. В Граце. У своего брата.

Брейер. А вы?

Сесили. В доме, совсем одна. *(В кадре – только подушка и лицо Сесили.)* Совсем одна.

Она открывает глаза, встает. Перед нами – та же комната, но ставни закрыты. Горит ночник.

(10)

Фрейд и Брейер исчезли; стулья, на которых они сидели, стоят на привычных местах. У Сесили – зритель видит ее лицо – теперь зрение нормальное; косоглазие совсем исчезло. Она в ночной рубашке. Торопливо хватает халат, набрасывает его, завязывает пояс, сует ноги в домашние туфли и берет ночник.

Голос Сесили за кадром. Было за полночь. Я думала, они дверь разнесут.

Сцена должна быть снята с абсолютной достоверностью, точно так же, как все предыдущие. За кадром слышатся лишь голоса Сесили и Брейера. Ни одного постороннего звука.

Она подходит к двери своей комнаты, открывает ее, выходит в прихожую и приближается к входной двери. Прислушивается.

Брейер *(за кадром)*. Кто они?

На парадной лестнице. Все залито лунным светом. Двое полицейских стучат в дверь.

Сесили. Как кто?

Брейер. Кто стучался?

Сесили *(за кадром)*. Врачи.

Створки двери раскрываются, и мы видим двух мужчин – они в меховых шубах, с длинными бородами, – которые кланяются с изысканной вежливостью, держа в руках цилиндры.

Сесили *(голос за кадром)*. Они пришли мне сообщить.

Сесили слушает их (губы мужчин шевелятся, но не слышно ни единого слова); глаза ее в ужасе расширяются, она закрывает рот рукой и падает.

Они бросаются к ней, подхватывают и ласково ведут к запряженному парой лошадей экипажу с открытым верхом. Вся эта сцена должна быть сыграна актерами без малейшей утрировки, но оставлять впечатление некоей искусственности.

Ее усаживают на заднее сиденье: на переднем сидят, поставив цилиндры на колени, два врача. Кучер стегает лошадей, которые берут с места в карьер.

Откинувшаяся на заднее сиденье, не говорящая ни слова, Сесили прекрасна, бледна, трагична.

Фрейд *(голос за кадром).* Какие врачи?

Образ Сесили буквально «взрывается», и мы возвращаемся в комнату.

Фрейд. Обычно посылают курьеров или санитаров.

Сесили с широко раскрытыми глазами, похоже, не слышит его. Брейер отпускает руку Сесили и резким, даже грубым жестом, который контрастирует с его изысканными манерами, велит Фрейду замолчать. Тот, оробев, не возражает.

Брейер снова берет Сесили за руку.

Брейер *(с нежностью).* Продолжайте, дитя мое, продолжайте.

Сесили. Мы приехали в больницу после полуночи.

Коридор. На стенах фрески, изображающие мифологические сцены:

Венера, выходящая из пены морской (подражание Боттичелли), Да-ная и золотой дождь (подражание Тициану), Весна (подражание Боттичелли). Слева и справа полуголые статуи-кариатиды, подпирающие потолок.

Двери (маленькие, но роскошные: из мореного дуба, с медными ручками). Над ними таблички: «Отделение офтальмологии», «Отделение неврологии» и т.д.

Все тихо, только слышатся звуки оркестра, исполняющего венский вальс.

Сесили. Для больных играли музыку.

Сесили вместе с двумя докторами, которые вновь надели цилиндры, торопливо идет по коридору.

Сесили. Я вспомнила! Ковер был протертый, я чуть не упала.

Мы видим, что пол покрыт красным ковром. Ковер грязный и местами порван. Правой домашней туфлей Сесили зацепилась за край

дырки.

Она оступается, но удерживает равновесие. Врач опускается на колено и протягивает ей туфлю. Музыка звучит громче, становясь игриво-веселой.

Сесили. Я не могла ее вынести!

Брейер *(голос за кадром).* Что?

Сесили. Музыку. *(Сухим тоном.)* Вальсы не играют, когда покойник в доме.

Внезапно с правой стороны распахивается дверь. Врачи становятся по обе стороны двери и, склонившись в поклоне, показывают, куда ей следует идти. Она входит в небольшую комнату, стены которой обиты шелком.

Фреска на низком потолке изображает пифий Микеланджело. Их фигуры скомпонованы вокруг стеклянной люстры (освещение газовое). Громко звучит музыка. Во всех углах какие-то безглавые греко-римские статуи.

Сесили. Мы вошли. Это была какая-то странная комната. Всюду статуи. Санитарки дрожали от холода, у них мурашки бегали по коже.

Мы видим, что вокруг кровати, заслоняя лежащего на ней человека, толпятся женщины в коротких рубашечках, на которые они наспех набросили больничные халаты, даже не позаботившись их застегнуть. Все ярко накрашены, но лица у них суровые и строгие, волосы стянуты в пучок.

Брейер *(с удивлением).* Мурашки? Почему?

Сесили. Было поздно, наверное, их подняли с постелей, как и меня. Под халатами у них были одни рубашки. *(Одна из санитарок поворачивается и идет к Сесили.)* Так глупо.

Санитарка в одной рубашке подходит к Сесили и показывает на кровать.

Сесили. Так нелепо. Я видела одну, которая была совсем без халата. *(Крупный план: Сесили в ужасе смотрит на санитарку, ту не видно.)* Должно быть, я вспомнила что-то не то.

Снова появляется санитарка в застегнутом на все пуговицы халате.

У нее строгое, без косметики, лицо, строгая прическа.

Она берет Сесили за руку и подводит к кровати.

Голос Сесили за кадром *(совсем изменившийся, несколько пошловатый).* Живо, девочки, катитесь отсюда!

Брейер *(потрясен).* Что вы сказали?

Сесили. Это не мои слова.

Женщины отходят от кровати. Кровать железная. Похожа на ту койку, что мы видели в первой части, в больнице.

Сперва в кадре ступни и отвороты брюк какого-то мужчины. Камера скользит снизу вверх. Мужчина в сюртуке, с орденами. Головы его мы не видим.

Сесили. На больничной койке я увидела моего отца. Брошенного всеми, как собака. *(Спокойным тоном.)* У него была голова мертвеца.

Брейер. Голова мертвеца?

Сесили. Да, как у скелета. Должно быть, маска. Разве в больницах мертвым не надевают таких масок?

Брейер. Вам, наверное, было тяжело видеть это.

Сесили *(по-прежнему спокойно).* Очень тяжело.

Сесили в слезах бросается к изголовью трупа. Она хватает руку мертвеца, прижимаясь к ней лицом.

Сесили *(безмятежно).* Чтобы не видеть эту голову, я схватила его руку. *(С неожиданной страстностью.)* Перед глазами у меня были только пальцы, эта тонкие пальцы, которые я обожала.

Она осыпает руку поцелуями. Влюбленно разглядывает большой палец, поднеся его совсем близко к глазам.

В кадре – лицо Сесили анфас, крупным планом. Она глядит на этот палец, и ее глаза, уставившиеся на палец, который она прижимает к губам, к носу, снова начинают косить.

(11)

В комнате.

Сесили лежит на постели (она косит). Фрейд и Брейер. Брейер бросает на Фрейда красноречивый взгляд, который означает: «Теперь все ясно».

Брейер. В последующие дни вам виделась голова мертвеца.

Сесили.Да. Когда я была у гроба. И утром, в день похорон, когда проснулась.

Брейер. И всякий раз, как вы видели покойника, вы снова думали о руке вашего отца, воображая, будто подносите ее к глазам.

Сесили *(закрыв глаза).* Да. Помню… В день похорон меня разбудил кошмар. Я увидела голову мертвеца, прямо над собой. И тут же у меня появилось косоглазие. С тех пор я могу разглядеть что-то, лишь поднеся близко к глазам.

Брейер *(ласково).* Ну вот и все, Сесили, довольно. «Прочистка мозга» закончилась. Раз вы видели голову мертвеца с определенного расстояния, вы стали косить обоими глазами, как если бы смотрели на нее совсем вблизи.

Сесили. Да. Чтобы защитить себя.

Брейер *(нежно).* С этим покончено, Сесили. Покончено. Сейчас вы откроете глаза и вновь обретете ваш прежний, прекрасный взгляд. *(Она пошевелилась.)* Откройте глаза: у вас больше никогда не будет косоглазия. *(Сесили открывает глаза. Косоглазие не исчезло. Брейер с раздражением говорит почти шепотом.)* В чем же дело?

Он делает нервный жест и поворачивается к Фрейду, одновременно и смущенный, и несколько агрессивный.

Он похож на человека, которому не удался фокус.

Брейер *(шепотом).* Необходимо большое терпение. Удача сама собой не приходит.

Фрейд молчит. Он растерян, погружен в свои раздумья.

Брейер. Сейчас я разбужу ее.

Фрейд *(вздрагивает).* Позвольте мне задать несколько вопросов.

Брейер *(раздраженно).* Вы от нее больше ничего не добьетесь. К тому же эти сеансы утомительны. Не следует ими злоупотреблять.

Он поворачивается к Фрейду, который действительно увлечен опытом. Несколько мгновений Брейер смотрит на него, понимая,

кажется, то значение, какое Фрейд придает этому «допросу».

Брейер*(угрюмо и покорно махнув рукой)*. Ладно! Только будьте кратки.

Фрейд*(не вставая со стула, склоняется к больной, говорит голосом, который душит робость)*. Сесили! *(Кажется, что больная его не слышит. Говорит громче.)* Сесили!

Пауза. Фрейд с нескрываемой досадой откидывается назад.

Брейер *(улыбается со скрытым удовлетворением).* Я же сказал вам, что она слышит одного меня.

Фрейд *(у него вновь появляется надежда, он горящими глазами смотрит на Брейера).* Прикажите ей выслушать меня. И отвечать.

Брейер *(к нему вернулась властность).* Фрейд, вы никогда этим методом не пользовались и не знаете больную… Мы сильно рискуем.

Пауза.

Фрейд *(раздраженно).* Я буду осторожен.

Брейер. Скажите ваши вопросы, я сам задам их.

Фрейд. Прошу вас, дайте попробовать мне. Я хочу прямого контакта.

Брейер*(склоняется к Сесили, говоря вкрадчивым, но властным голосом).* Сесили, мой друг доктор Фрейд хочет задать вам несколько вопросов.

Сесили. Вы же знаете, что я его не услышу.

Брейер *(настойчиво).* Вы будете его слышать, Сесили. Я прошу вас слышать его. И вы должны отвечать ему.

Сесили. Хорошо.

Брейер откидывается на спинку стула и жестом приглашает Фрейда начинать.

Фрейд склоняется вперед.

Брейер смотрит на все это недоброжелательно. Чувствуется, что он следит за Фрейдом, готовый вмешаться при малейшем промахе.

Фрейд. Сесили, расскажите мне еще раз о той ночи с субботы на воскресенье. Соберитесь с воспоминаниями. В дверь постучали, вы пошли открывать…

Мы снова видим Сесили в халате перед запертой на засов входной дверью.

Сесили отодвигает засов и хочет раскрыть створки двери; это мы наблюдали в предыдущей сцене.

Фрейд *(голос за кадром).* Вы открыли и кого же увидели?

Но в тот момент, когда она намеревается распахнуть створки и

увидеть визитеров, ее заставляет застыть на месте голос Фрейда.

Фрейд. Это были не врачи, Сесили! Наверняка были не врачи. Дежурные врачи ни на секунду не покидают больницу. Тогда кто же приходил? *(Резко.)* Может быть, полицейские?

Резким движением Сесили распахивает створки двери: на пороге двое полицейских.

Оба смущены, хотя кажутся грубыми, совсем мужланами.

Фрейд. Отвечайте, Сесили! Отвечайте!

Полицейские говорят грубым тоном, пытаясь придать ему налет вежливости. Сесили слушает их, побледнев от страха и горя. Она поворачивается и уходит, оставив дверь открытой.

Голос Сесили за кадром. Я не знаю. Не помню ничего.

Полицейские продолжают стоять на крыльце.

Фрейд *(за кадром).* Врачи дали бы вам время одеться.

Сесили возвращается, одетая в строгий костюм, но без шляпы. Она смотрит на полицейских с гневным возмущением и выходит из дому; они идут следом.

Голос Сесили за кадром. Я… я оделась.

Фрейд. Вас ждала карета?

Сесили. Да. Запряженная парой лошадей.

Фрейд. В Вене нет врача, который имел бы парный выезд.

В саду ждет полицейская повозка, «жалкая корзина», запряженная парой лошадей.

Увидев ее, Сесили отшатывается, но потом гордо поднимается в повозку вместе с полицейскими.

Голос Сесили за кадром. Боже мой (*вздыхает она горестно).*

Камера возвращается в комнату. Брейер опускает руку на плечо Фрейду и тянет его назад.

Брейер. Вы ее утомляете. Не будете же вы из-за мелких противоречий в деталях…

Фрейд (*с возмущением).* Хороши детали!

Брейер *(напыщенно).* Бывает, что она противоречит себе. Это значения не имеет. Я знаю ее лучше вас.

Он смотрит на Фрейда с ревнивым гневом влюбленного.

Фрейд, оробев, неохотно замолкает. Брейер склоняется к Сесили, чтобы ее разбудить.

Брейер. Сесили!

Вдруг Сесили начинает метаться на постели, руки ее дрожат, лицо искажает гримаса.

Сесили *(в бешенстве).* Оставьте меня! Оставьте! Вы оскорбили

меня!

Брейер бросает яростный взгляд на Фрейда («Смотрите, что вы с ней сделали!»)

Фрейд, забыв об осторожности, тоже склоняется к больной. Но Сесили продолжает бредить, а потрясенный Брейер отказывается ее разбудить.

Сесили. Мой отец умер, а вы сажаете меня, как воровку, в полицейскую повозку. Вы лжете! Мой отец – опора Империи, человек высочайшей нравственности! Его поздравлял Император!

Темная улица.

Дом с плотно запертыми ставнями. Над дверью – красный фонарь. Дверь открыта. На тротуаре дежурят двое полицейских.

Перед дверью останавливается повозка, из нее выходит Сесили, стройная и надменная, с пылающими глазами.

Сесили. Удар сразил его прямо на службе, его убила чрезмерная работа! Убила усталость. Я иду в больницу опознать тело моего отца. Это больница, я говорю вам, это – больница!

Она входит в дом. Это бордель. Большая дверь справа ведет в просторную и пустынную комнату: салон борделя. Посредине круглый диван. По стенам зеркала, на эстраде, в глубине зала, скрипач и пианист тихонько наигрывают венский вальс. Слушая их, за столом сидят полицейские и пьют коньяк, выставленный хозяйкой.

Полицейские указывают ей, куда идти: Сесили поднимается по лестнице и идет по коридору.

Лестница и коридор оклеены теми же обоями, что и коридор больницы в первом рассказе Сесили.

Фрейд *(голос за кадром).* Музыка в больнице? Музыка после полуночи?

Но ковер гораздо грязнее. Весь в дырах, пятнах, складках.

Сесили. Они играли музыку в салоне на первом этаже, чтобы оскорбить моего отца.

Стены увешаны грубо нарисованными картинами, которые изображают голых женщин.

По обе стороны коридора двери с табличками. Но на этих табличках написаны имена: Лили, Дэйзи, Конча, Франсетта. Тишина, слышится только венский вальс, который играют кое-как (вернее, плохо) на расстроенном пианино и плохонькой скрипке, вторящей ему.

Вдруг Сесили, которая идет прямо и, кажется, ничего не замечает, проходит мимо открытой двери.

На пороге застыла похожая на нее блондинка. Она в тех же

рубашке и халате, что в первом рассказе были на Сесили.

Когда Сесили проходит мимо, женщина корчит гримасу, обнажающую ее беззубый рот.

Голос Фрейда за кадром. Расскажите мне о санитарках.

Сесили спотыкается, но (как и в первом рассказе) удерживается на ногах. Полицейские приводят ее в маленькую, с низким потолком, комнату (комната одной из проституток).

Голос Сесили за кадром *(грубо).* Это были шлюхи.

Голос Брейера за кадром. Сесили!

Кадр исчезает. Мы снова в комнате Сесили вместе с Фрейдом и Брейером.

Брейер *(он совершенно потрясен).* Сесили! Дитя мое, мое… Дитя! Вы больше не в силах…

На этот раз Фрейд берет его за плечо, чтобы заставить замолчать. У Фрейда робкий, умоляющий вид. Брейер, бледный и взволнованный, откидывается назад.

Сесили. Вместе с полицейскими их было шестеро у его кровати. *(Камера резко переносит нас в комнату проститутки.)* Как я их ненавижу!

Вокруг кровати женщины, те же, что в первом рассказе были санитарками.

Все они в халатах, похожих на халат Сесили, которые они набросили на рубашки, подобные той, что в первом рассказе была на Сесили. Кроме одной: эта женщина с голыми руками в прозрачной комбинации.

Женщины дерзко и злобно смотрят на Сесили, не говоря ни слова Сесили глядит на них с вызывающим презрением. Внезапно она замечает девку в прозрачной комбинации.

Сесили. Я видела ту, которая его убила.

Девка, крупная, полная брюнетка с огромной грудью, с крепкими, толстыми голыми руками, воплощает живое доказательство весьма пошлых вкусов господина Кёртнера. Она беззаботна и весела.

Но сейчас ей явно не до смеха Рядом с ней полицейский в форме и полицейский в штатском.

Голос Фрейда за кадром. Каким образом она его убила?

Девка избегает взгляда Сесили. Но та пожирает ее глазами с какой-то исполненной отчаяния завороженностъю.

Голос Сесили за кадром. Каким образом? Каким образом? Разве я знаю, как поступают эти женщины? (*Каким-то странным, почти ревнивым тоном.)* Он умер в ее объятиях.

Полицейский в штатском подходит к кровати. Женщины расступаются. На кровати – труп обнаженного по пояс мужчины. На живот ему набросили одеяло, которое едва прикрывает пах.

Полицейский говорит. Его голос звучит на фоне венского вальса.

Полицейский *(громким голосом).* Мадемуазель Кёртнер, вы узнаете своего отца?

Мертвенно побледнев, Сесили приближается к кровати. Она боится взглянуть на лицо отца. Пауза.

Потом она заставляет себя бросить взгляд на кровать, и вместе с ней мы видим лицо мужчины лет пятидесяти, которое, наверное, когда-то было красивым (золотистые, с проседью, усы и бородка), но теперь обезображено застывшей, почти непристойной, гримасой.

Рот приоткрыт, нижняя губа отвисла, видны два золотых зуба На щеках и лбу с залысинами резко заметны пятна губной помады, которые придают этому сведенному гримасой лицу какой-то нелепый и зловещий вид.

Сесили – на грани истерики.

Голос Сеснли за кадром. Я узнала его. Узнала! Эти пятна помады на щеках…

Вдруг она падает на колени, хватает руку отца. целует ее, подносит совсем близко к глазам большой палец и начинает косить, как в первой сцене.

Голос Сесили за кадром. Я взяла его руку, его большую руку, которую так любила, я видела лишь эту руку, я помню только ее одну. Он подхватывал меня своими сильными руками и поднимал в воздух… *(Она рыдает, уронив голову на руку отца.)* Его руки, руки… *(Она не отрывает лба* от *мертвой руки.)*

Голос Брейера за кадром. Все, хватит! Сесили! Проснитесь! Просыпайтесь! *(Громким голосом.)* Я приказываю вам проснуться!

Затемнение. Снова комната

Фрейд и Брейер сидят у изголовья измученной Сесили, которая, закрыв глаза, погрузилась в легкое забытье.

Сесили *(естественным голосом).* Я проснулась, доктор! Но как же я устала! Что я вам там наговорила?

Брейер *(слегка замешкавшись, потом почти пристыженно, избегая взгляда Фрейда).* Ничего.

Фрейд *(он взбешен от ярости).* Сесили!

Сесили. Слушаю вас.

Брейер, похоже, рассержен и испуган, но смирился с неизбежным.

Фрейд. Теперь вы меня слышите?

Сесили *(лукаво, но без удивления).* О да! Слышу.

Фрейд. Вы нам признались, что вашего отца нашли мертвым у публичных девок.

Сесили резко присаживается на постели. Открывает глаза: косоглазие исчезло.

Сесили *(грубо).* Ступайте вон!

Фрейд. Сесили, вы меня видите?

Сесили *(в упор смотрит на него; холодным, жесткимтоном).* Да. И слышу. Уходите.

Похоже, что Фрейд не слишком взволнован. Он встает и, собираясь выйти из комнаты, ласковым голосом обращается к Сесили.

Фрейд. Вы здоровы, Сесили.

Сесили *(с бешенством).* Я – здорова?! Ха-ха-ха! Здорова!

Внезапно ее сотрясает приступ кашля, она падает вперед на шезлонг. Брейер – он стоит, наблюдая за этой сценой и сжимая своими сильными ладонями спинку стула, на котором сидел, – поворачивается к Фрейду и со злобной резкостью говорит.

Брейер.Я полагаю, вам лучше уйти. Я попытаюсь исправить все это.

Кажется, он хочет обвинить Фрейда во вмешательстве в лечение и вместе с тем из вежливости скрыть это. За кадром – кашель Сесили.

Фрейд *(несколько сухим тоном).* Что именно исправить? Симптомы болезни исчезли.

Брейер *(с негодованием).* А вы слышите этот кашель? *(Пауза.)* Прошу, оставьте нас.

Фрейд, обидевшись, кланяется и идет к двери. В этот момент можно слышать нежный шепот Брейера.

Голос Брейера за кадром. Сесили! Умоляю вас, успокойтесь!

Закрывая за собой дверь, Фрейд издали видит Брейера, склонившегося к Сесили, которая продолжает кашлять. Брейер положил руку ей на лоб, чувствуется, что Сесили, благодаря этой нежной тяжести, несколько успокоилась.

Фрейд выходит в холл, мать Сесили и Флисс по-прежнему сидят друг против друга; Флисс барабанит пальцами по столу.

Фрейд садится рядом с Флиссом, который с облегчением смотрит на него. Они обмениваются понимающей улыбкой.

Фрейд. Сейчас наступит ваш черед?

Флисс наклоняется, берет с пола свой саквояж отоларинголога

(маленький чемоданчик из черной кожи) и хочет поставить его на стол. Мать Сесили решительным жестом останавливает его.

Госпожа Кёртнер. Извините!

На столе перед госпожой Кёртнер лежит круглая салфеточка. Она пододвигает ее Флиссу, который все понимает и ставит свой чемоданчик на нее.

Дверь в комнату с шумом распахивается, и появляется Брейер, раздраженный, взволнованный. Он поворачивается к госпоже Кёртнер и обращается к ней с большим уважением, хотя и тоном приказа.

Брейер. Сегодня Сесили сильно нервничает. Только вы можете ее успокоить. Вам нужно побыть с ней. Не оставляйте ее ни на секунду. К вечеру я приеду. *(Оборачивается к Флиссу.)* Извините меня, дорогой мой Флисс, но она в таком состоянии, что вам не придется ее осматривать. *(С наигранной веселостью.)* Как-нибудь в другой раз.

Флисс отвечает кивком головы, но не скрывает своего недовольства. Все встают. Брейер несколько замешкался, потом отводит мать в сторону.

Во время их короткой беседы – мы ее не слышим – Флисс с Фрейдом обмениваются репликами.

Флисс. Как симптомы?

Фрейд. Она видит и слышит.

Флисс. Значит, метод верен.

Фрейд. Да. Однако его необходимо развить.

(12)

Трое мужчин молча усаживаются в карету и отъезжают. Брейер с Фрейдом сидят рядом, Флисс напротив. Пауза.

Брейер обращается к Фрейду с раздражением. Чувствуется, что он недоволен, но профессиональный долг врача и ученого вынуждает его высказаться.

Брейер. Госпожа Кёртнер подтвердила вашу гипотезу, Фрейд. Отец Сесили умер в борделе. Полиция допустила непростительное хамство, приведя туда девушку для опознания трупа.

Глаза Фрейда сверкают, но он молчит.

Флисс *(с явной заинтересованностью).* И что дальше?

Брейер. Ничего. С этого момента тело Сесили отказывается видеть и слышать. Я очень волнуюсь. И задаю себе вопрос, правы ли мы, задев именно эту струну.

Флисс.Разве симптомы болезни не исчезли?

Брейер. Что из того, что исчезли? А если снова вернутся? Или возникнут новые? *(Говорит бесстрастным тоном, однако на самом деле он хочет вызвать тревогу и у Фрейда.)* Она не раз пыталась покончить с собой.

Фрейд. «Прочистка мозга» должна проводиться методично. Чем больше сажи, тем сильнее надо «чистить».

Брейер. Но не так грубо!

Фрейд. Она оказывала нам сопротивление. *(Обращаясь к Флиссу.)* Даже отказывалась вспомнить, что видела труп. Понадобилось дважды расспрашивать ее, чтобы воспоминание всплыло на поверхность.

Брейер. Девушка девятнадцати лет обнаруживает голый труп отца среди проституток! Если вы полагаете, что подобная ситуация не содержит всех обстоятельств для психической травмы…

Фрейд. Насчет травмы согласен. Но почему она забыла об этом?

Брейер. Множество людей, попавших в катастрофу, забывают об ее обстоятельствах!

Фрейд. Они забывают об обстоятельствах, но не искажают их. *(Обращаясь к Флиссу.)* Она скрывала от себя правду. Косоглазие возникло потому, что ей не хотелось больше видеть этот грязный труп, этих галантных дам. Психическая глухота потому, что она не желала больше слышать скрипки, наигрывающей вальсы.Она… вытеснила свое воспоминание, а ее тело стало соучастником в этом.

Брейер. Пусть так. Она его «вытеснила», как вы утверждаете. Значит, оно было для нее невыносимым.

Фрейд. Разумеется.

Брейер.Но нужно ли было заставлять ее вспоминать?

Фрейд. Это ваш метод.

Брейер. Нет. Я отказываюсь насиловать ее душу. И я считаю вполне обоснованным, что двадцатилетнее дитя хочет уважать отца и собирает все свои силы, чтобы забыть о его постыдной смерти. Хотите знать мою сокровенную мысль: я восхищаюсь ею.

Фрейд. Восхищайтесь сколько хотите, но давайте ее вылечим: вот наш первый долг.

Брейер. И вы думаете, что вылечите ее, навязывая это чудовищное унижение? Вы принесли ей одно зло.

Фрейд. Брейер! *(Едва сдерживается.)* Ваш метод гениален: он лечит правдой! Но, если это так, давайте внесем полную ясность и будем безжалостны.

Брейер. Я сожалею, что взял вас с собой. Вы искажаете все: и цель,

и средства, благодаря которым можно ее достигнуть. Я давал проявиться силам кротким, ненавязчивым, а вы ведете себя, как солдат.

Фрейд так погружен в раздумья, что даже забывает рассердиться: он смотрит прямо перед собой, в одну точку, чувствуется, что он с трудом распутывает клубок своих мыслей и даже провидит какую-то новую истину.

Фрейд. Кроткие силы… на что они способны? В Сесили нет ничего кроткого, ничего нежного…

Брейер. Вам об этом ничего не известно. *(Более интимным, чем ему хотелось бы, тоном.)* А я знаю ее нежность.

Тон Брейера удивляет Фрейда.

Фрейд *(сурово).* Вам известна ваша собственная нежность! Именно свою нежность вы находите в ней! *(Потом возвращается к. своим раздумьям.)* Сесили – это поле битвы. В ней борются свет и тьма… *(Говорит, не глядя ни на кого.)* У меня было такое чувство, когда я ее слушал… (*Внезапное озарение.)* Брейер, она ведь защищала не отца, а саму себя.

Брейер слушает его с изумлением и возмущением.

Брейер*(громким голосом)*. Что?

Фрейд. Эти раздетые женщины… этот голый мужчина… эти непристойные картины… Брейер, все это взволновало ее.

Пока Фрейд говорит, невидимый оркестр (музыкантов много, и играют они талантливо) исполняет вальс, который звучал в борделе.

Брейер. Взволновало? Взволновало ее плоть? В то мгновение, когда ей показали труп отца? Неужели ее взволновала эта грязная карикатура на любовь? (*Смеется.)* Фрейд, я больше не узнаю вас. В моих глазах вы были самым строгим человеком из всех, кого я знал. Большим пуританином, чем пастор. А сегодня утверждаете, что юную девственницу может волновать сексуальная привлекательность порока?

У Фрейда смущенный вид. Последние слова Брейера глубоко его задели. Он вертит головой направо и налево, словно хочет рассеять свои мысли. Затем, как бы прося у него помощи, смотрит на Флисса. Тот из простой вежливости не желает вмешиваться в спор. Но он не пропустил ни слова. Встретившись взглядом с Фрейдом, он не шелохнулся и ничего не сказал. Но он широко улыбается в знак одобрения. А Фрейд, неотрывно глядя на него, будто зачарованный его огромными пылающими глазами, тихим и мрачным голосом бормочет.

Фрейд. Влечение к ужасному… Привлекательность ужасного… Я

задаю себе вопрос… *(Внезапно пожирая Флисса глазами, так, как будто он черпает в нем свое мужество, прибавляет более громким и звонким голосом.)* Все неврозы имеют сексуальную природу.

Флисс расплывается в улыбке. Вид у него поистине дьявольский. Брейер вздрагивает.

Брейер *(с возросшей грубостью).* Вот оно – великое открытие!

Он заметил улыбку Флисса, и то взаимопонимание, которое связывает его с Фрейдом, ему не нравится.

Брейер. Я вижу, вы стали учеником нашего друга Флисса. Ему повсюду мерещится секс, даже в носу.

Фрейд молчит, нахмурив брови, расстроенный недовольством Брейера. Он ни на кого не смотрит, мрачный, подавшись вперед, он не говорит ни слова во время резкой речи Брейера.

Брейер. Вы попали пальцем в небо. За те полтора года, что я знаю Сесили и дважды в день навещаю ее, ни в одном ее жесте, ни в одном ее слове, даже под гипнозом, ничуть не проявилась тяга к плотскому. Она ничего не знает о любви, никогда не думает о ней. Мне известна лишь одна ее забота – помогать бедным. И я даже скажу вам: теперь, когда задумался над этим, ее сексуальное развитие мне кажется несколько замедленным. Несомненно, из-за невроза. *(Он смеется, потирая руки.)* У нее не было ни одного возлюбленного. Даже классического кузена. Никого! Ха-ха! Никого! Ее плоть спит. Вот, дорогие мои коллеги, какие опасности таятся в обобщениях. *(Кучеру.)* Франц, высадите меня здесь.

Кучер натягивает поводья, и карета останавливается у тротуара.

(13)

Карета какое-то время катит по дороге.

Уставившись в одну точку, Фрейд, терзаемый мыслями, которые возбудил в нем метод катарсиса, и досадой, которую породило в нем поведение Брейера по отношению к нему, сидит молча, подавшись вперед. Через несколько мгновений до него доносится язвительный и мрачный голос Флисса.

Флисс*(с какой-то пылкостью)*. Браво!

Фрейд, вздрогнув, поворачивается и видит лицо Флисса, по-прежнему пугающее, но старающееся быть приветливым.

Флисс *(громко повторяя фразу Фрейда).* «Все неврозы имеют сексуальную природу». Да, верно. Браво!

Фрейд, не ожидавший этих поздравлений, с изумлением смотрит на Флисса. Он отвечает с подлинной добротой, а главное, с большой скромностью (по причине значимости обсуждаемой мысли).

Фрейд. Я сам не могу понять, почему сказал это. Мысль мне пришла там, в комнате Сесили. Что-то носилось в воздухе. Нечто сексуальное. *(Резко.)* Меня ужаснул Брейер. Он выглядел слишком кротким… этаким папашей… *(Вспоминая эту сцену, он словно заворожен этим воспоминанием. Явно ревнует.)* Брейер и эта малышка… ведь это же влюбленная пара. *(Со скрытой иронией.)* Может быть, его метод и требует доходить до этого. *(С яростью.)* Неопытная! Невинная! Он позволяет себя дурачить. Вы знаете, что она сказала под гипнозом? «Это были шлюхи!» И с каким видом! *(Он успокаивается и принимает какой-то робкий, но лукавый вид. Глядит на Флисса уголком глаза.)* Это тяжелое впечатление, ничего больше. Брейер прав: мы допустили бы ошибку, излишне обобщая.

Флисс. Прежде всего необходимо обобщать. Я наблюдал за Брейером: он завидует вам. Он раздавит вас, если вы не будете сопротивляться.

Фрейда охватывает страх. Он меняется в лице: ясно, что Брейер внушает ему уважение.

Фрейд. Я ему обязан всем…

Флисс *(показывая на лоб).* Кроме этого. Он вам не отец, он не имеет права вас воспитывать. *(Фрейд едва заметно поморщился, услышав «Он вам не отец».)* «Все неврозы имеют сексуальную природу». Я с вами совершенно согласен.

Фрейд. Но я не располагаю даже намеком для доказательства этого.

Флисс. Я именно так и думал. *(Фрейд с удивлением смотрит на него.)* Вы и я, мы с вами из одной породы. Породы визионеров.

Карета останавливается перед Медицинским факультетом. Через большие, широко раскрытые двери без конца входят и выходят студенты.

Фрейд с Флиссом выходят из кареты и проходят по двору. Фрейд, сопровождаемый Флиссом, обходит стороной толпу и направляется к боковой маленькой двери, по-видимому, предназначенной для профессуры.

Фрейд *(на ходу спрашивает Флисса).* Кто они такие, визионеры?

Флисс *(убежденно).* Люди, у которых идеи возникают прежде, чем появляются средства их доказать. Наверное, в этих людях есть некие скрытые силы.

Они входят в здание, идут по коридору и через низкую дверь заходят в небольшой, предназначенный для профессуры зал, который соседствует с большим амфитеатром.

В зале – стол, два стула, застекленный книжный шкаф, маленькая раковина, а над ней – зеркало в ржавых разводах. Фрейд тщательно закрывает дверь. Жестом, который должен показаться значительным, поворачивает ключ.

Фрейд *(говорит почти шепотом).* Вот вы, вы действительно визионер. Но не я. Я всего лишь плохой экспериментатор.

Флисс *(повелительным жестом отвергает это возражение).* Визионер узнается сразу.

Фрейд. По каким признакам?

Флисс. По глазам. *(Указывая на глаза Фрейда.)* Ваши глаза видят далеко. Как и мои. Фрейд, вы в пути. Не давайте робкому Брейеру сдерживать себя. Сексуальность повсюду: от вулканов до звезд, включая животных и людей. Пол, вот что порождает мир и что им правит. Природа чрезмерно плодовита. *(Вынимает часы и смотрит на них.)* Вам пора на лекцию.

Фрейд *(указывает Флиссу на дверь).* Пора. Пройдите здесь: ваше место в первом ряду.

Флисс. Я докажу, что человек, вплоть до самых ничтожных поступков, повинуется великим сексуальным ритмам Вселенной. *(Флисс подходит к двери, взявшись за ручку, оборачивается.)* И поможете мне вы, Фрейд. Вы поможете мне.

Он уходит. Фрейд, которого покорили слова Флисса, как бы очнулся. Он открывает книжный шкаф и достает толстый труд по анатомии; перелистывает его, находит между страницами несколько листков рукописных заметок и, захватив их, идет к двери. Но о чем-то задумавшись, подходит к раковине и долго смотрит на себя в зеркало суровыми, сверкающими глазами.

(14)

Вторник следующей недели.

Кабинет Фрейда.

Входит Дора. Она снимает шляпу и кладет ее на стул рядом с диваном. Делая этот жест, она вынуждена повернуться к окну.

Дора.Ой! Ее больше здесь нет.

Фрейд что-то пишет, сидя за письменным столом. Поднимает голову.

Фрейд *(не понимая, в чем дело).* Кого ее?

Дора *(показывая наместо «электрического стула», который действительно исчез).* Машины пыток.

Фрейд. Надеюсь, вы довольны.

Дора. Нет. *(Она с тревожным видом осматривается.)* Если вы ее убрали, значит, придумали что-нибудь похуже. *(Фрейд смеется. Она показывает ему язык.)* Мучитель!

Сказав это, она с важным видом направляется за ширму раздеваться.

Фрейд *(встает и останавливает ее).* Не надо.

Дора *(в изумлении застывает на месте).* Сегодня массажа не будет?

Фрейд. Нет.

Дора *(с раздражением топает ногой).* Я же говорила вам, что мне лучше от массажа. А вы получаете удовольствие только тогда, когда злите меня. *(Она в отчаянии подходит к дивану и садится.)* Мне очень плохо, доктор! *(Плачет.)* Совсем плохо! Совсем!

Фрейд. Что еще случилось?

У Фрейда лукавый и таинственный вид, словно он готовит какой-то сюрприз. Он слушает и запоминает все, что она говорит, но чувствуется, что, глубоко задумавшись, размышляет совсем о другом.

Дора *(плача).* Это ужасно! Я больше не могу… зайти в магазин.

Фрейд *(полушутливо).* Вы большая транжира, Дора. Считайте, что теперь вашим родителям повезло.

Дора *(топает ногой).* Не шутите. Терпеть не могу, когда вы шутите. Я же вам говорю, что боюсь заходить в лавки.

Фрейд *(подходит к ней).* Боитесь? Почему?

Дора. Не знаю. Вчера пошла за покупками и вернулась с пустыми руками. Когда я взялась за ручку двери, сердце у меня сжалось и я ушла. Я должна была уйти.

Фрейд.Это впервые с вами случилось?

Дора *(с раздражением).* Да нет же! Сотни раз так было.

Фрейд. Когда это началось?

Дора. Четыре года назад.

Фрейд. Почему вы не сказали мне об этом?

Дора. Это приходит и уходит. Захватывает меня и отпускает. Я не думала, что это сможет вас заинтересовать.

Фрейд. Меня интересует все.

Дора. В это нельзя поверить, когда слышишь ваши насмешки над

моими горестями. *(Она встает резко.)* Я не хочу, чтобы надо мной смеялись. Ни за что не хочу.

Фрейд подходит к ней, кладет руки на плечи и силой ее усаживает.

Фрейд. Когда вы хотите зайти в лавку, вы боитесь, что над вами будут смеяться? Именно это вас останавливает?

Дора. Да.

Фрейд. Так уже бывало?

Дора. Что надо мной смеялись? Конечно, до сих пор я слышу смех.

Фрейд. Чей смех?

Дора. Их было несколько. Приказчиков. Я сама во всем виновата. Мне было пятнадцать лет, мама куда-то ушла, я надела одно из ее платьев и накрасила губы.

Фрейд. И что дальше?

Дора *(с насмешкой изображает свои тогдашние манеры).* И все. Я воображала себя красивой. Взрослой дамой. Я зашла в кондитерскую за конфетами.

Фрейд. И приказчики высмеяли вас.

Дора. Еще как! В таком-то наряде! *(Закрывает лицо руками. Искренним и трагическим тоном.)* Я сама себе внушала ужас!

Фрейд *(ласково отводит в стороны ее руки).* Потому что переоделись дамой? *(Дора смотрит на него.)* В пятнадцать лет?

Дора *(убежденно).* Да.

Фрейд. Это несерьезно, Дора.

Дора. Конечно. *(Она сама убедилась, что приведенный довод недостаточен. Она – в растерянности. Говорит с тревожным удивлением.)* Ясно, что несерьезно.

Пауза. Фрейд прохаживается по кабинету. Он курит.

Фрейд. Вы были правы, Дора. Доктор Брейер лечит одну свою пациентку гипнозом.

Дора. А я что говорила! *(Дора меняется в лице: она встает, вся светясь радостью от того, что оказалась права.)* Вначале вы всегда говорите мне, что я лгу.

Фрейд *(снова подходит к. ней; его нисколько не волнует, что он ее перебивает).* Результаты превосходные. *(Он говорит ласково, но взглядего полон тревоги.)* Это новый метод.

Дора отступает назад и внезапно снова садится на диван.

Дора *(взволнованно).* Я не хочу.

Фрейд*(подходит к ней. Смотрит на нее с высоты своего роста).* Чего вы не хотите, Дора?

Дора. Не хочу, чтобы меня гипнотизировали.

Фрейд*(с притворным удивлением)*. Однажды вы же сами этого требовали.

Дора резко вскакивает и пытается уйти. Фрейд останавливает ее.

Дора. Кажется, гипноз ведет к сумасшествию и вызывает головные боли, и потом, когда спишь, болтаешь невесть что.

Фрейд. Да нет же! Совсем не невесть что. *(Ведет ее к дивану.)* Вам прекрасно известно, что я хочу вас вылечить.

Дора. Я ведь совсем ничего не знаю. Для вас я только игрушка и, как жалкая лягушка, служу для ваших опытов. *(Она позволяет усадить себя на диван.)* Я неважно себя чувствую. Мы начнем в следующий раз.

Фрейд склоняется над ней. Он не сильно нажимает ей на плечи, чтобы заставить лечь. Она смотрит на него одновременно с вызывающим и опасливым видом.

Дора. Неужели вам доставит это удовольствие? *(Она молча улыбается. С какой-то жалобной покорностью.)* Ну ладно, берите вашу жалкую лягушку, вырежьте ей мозг, если это может послужить науке.

Она уступает силе его рук и вытягивается на диване.

(15)

Квартира Фрейдов. Столовая.

Входит Марта.

Горничная накрывает на стол.

Марта. Поставь три прибора, Минна, доктор Флисс обедает с нами.

Минна.Слушаюсь, мадам.

Марта. Доктор по-прежнему в кабинете?

Минна. Да, мадам.

Марта. С мадемуазель Дорой?

Горничная утвердительно кивает.

Марта. Что-то слишком долго.

Вдруг Марта замечает на стене гравюру, на которой изображены Гамилькар и Ганнибал.

Марта. Ой! Смотри-ка! *(Служанка, которая склонилась над ящиком шкафа, поднимает голову.)* Гравюра. Ее не было здесь. Кто ее повесил?

Минна *(она смотрит на гравюру, не. понимая возбужденности*

хозяйки). Господин доктор. Сразу после завтрака он просил меня принести скамеечку.

Марта в негодовании рассматривает гравюру.

Раскаты смеха за кадром.

(16)

Кондитерская.

Приказчики (трое молодых людей за прилавками, уставленными вазами с конфетами) хохочут до слез.

Один из них корчится от смеха, другой бьет себя по ляжкам. В их жестах как таковых не было бы ничего необычного, если бы, к примеру, приказчики находились в собрании молодых людей и смеялись над кем-нибудь из своих товарищей.

Голос Доры за кадром *(перекрывая смех).* Я же говорю вам, что они смеялись. Вот и все.

За всей этой сценой наблюдает невидимый человек довольно высокого роста (Доре – пятнадцать лет).

Фрейд. Каким был смех? Веселым? Оскорбительным?

Молодые приказчики продолжают хохотать, но мы их больше не слышим. И снова все здесь может и должно выглядеть естественно; они успокоились – и конец.

Дора. Хуже. Он меня испугал.

За кадром слышится странный, несколько прерывистый, почти глуповатый, с едва улавливаемой дрожью смех одного человека.

Голос Фрейда за кадром *(спрашивает о смехе).* Он вызывал страх или стыд?

Дора *(голос за кадром).* И то и другое.

Фрейд. Почему вас испугал этот смех? Смех ведь совсем не страшен.

Дора. Тот был страшен.

Неожиданно прилавки становятся очень высокими, словно они увидены глазами какого-нибудь малыша (карлика или ребенка). Приказчики исчезли.

Камера (словно встревоженный взгляд) поворачивается к двери (она тоже показана совсем снизу), и это движение позволяет нам увидеть, как изменился вид лавчонки. Это кондитерская, но она гораздо меньше, темнее и беднее.

Взгляд камеры фиксируется на том месте, откуда доносится смех. Между двумя большими вазами с конфетами появляется голова

старика (лысого, с седыми усами): это он смеялся. Он хочет успокоиться. На его губах играет улыбка, он пытается выглядеть добрым. Но его застывшие и маниакальные глаза – они смотрят прямо в камеру – придают ему тревожный, болезненный и почти злобный вид.

Дора. Мне было шесть лет. Старик говорил, что хочет дать мне конфетку. *(Старик выходит из-за прилавка.)* Меня сковал страх. Он вышел из-за прилавка.

Внезапно возрождаются все звуки: шаги старика, его слегка учащенное дыхание, звон вазы, которую он задел, и, наконец, его голос.

Старик.Ты боишься? Боишься? Какая же ты глупышка! Ты боишься доброго, старого дедушку? *(Говоря эти слова, он выходит из-за прилавка. Идет к тому месту, где стоит Дора.)* Ты получишь конфет, сколько захочешь. Целый пакет. *(Склоняется к Доре, которую мы не видим.)*

За кадром жуткий крик ребенка.

Голос Фрейда за кадром. Дора! Дора! Проснитесь! Сеанс окончен!

Немая сцена: старик остается с вытянутыми руками, собираясь опуститься на колени. Это – фотография.

Голос Фрейда за кадром. Проснитесь! Я приказываю вам проснуться.

В кабинете Фрейда: Дора открывает глаза и видит склонившегося над ней Фрейда.

Дора *(с глубоким облегчением).* Это вы! Вы! Что со мной случилось?

Фрейд. Рассказали мне одно ваше воспоминание. Когда вам было шесть лет, вы зашли в какую-то лавку…

Он выпрямился. Она сидит на диване.

Дора *(перебивая его).* Молчите! *(Пауза.)* Я все помню. Он смеялся…

Они сидят друг против друга: она – на диване, он – на стуле.

Фрейд. Вы забыли о нем?

Дора *(оживленно).* Конечно, забыла. Надеюсь, вы не хотите, чтобы я помнила это… свинство.

Фрейд. А другая история, она действительно произошла? *(Она с удивлением смотрит на него.)* Та, что случилась с вами в пятнадцать лет. Когда приказчики посмеялись над вами.

Дора. Это тоже было.

Фрейд. Именно эту историю вы и вспомнили?

Дора. Да, потому что другая слишком… *(Жестом как бы отгоняет воспоминание.)*

Фрейд. Но именно другая имела значение?

Дора. Может быть, не знаю. Когда я думаю о приказчиках, то слышу смех старика.

Пауза.

Фрейд. Идите сюда.

Идет к окну и открывает его. Она подходит к нему.

Фрейд. Вы должны сделать мне подарок. *(Показывает Доре на магазин.)* Выйдя отсюда, вы зайдете в эту лавку и купите мне сигар. Принесете их мне в понедельник, в пять часов.

Улица. Спустя пять минут.

Дора у магазина. Она идет мимо витрины, подходит к двери, слегка замешкавшись, оборачивается и смотрит на дом напротив, в котором находится квартира Фрейда.

Фрейд по-прежнему стоит у окна. Она улыбается ему и входит в магазин.

(17)

Салон в квартире Фрейда.

Флисс, Фрейд и Марта сидят в креслах вокруг столика с напитками. Фрейд не пьет. Флисс держит маленькую рюмку, которую согревает рукой. Время от времени он отпивает глоток с явным наслаждением. Фрейд с добродушным видом поглядывает на него. Марта очень любезна, но в ее тоне и манерах чувствуется натянутость.

Фрейд тянет руку к карману, чтобы достать портсигар. Спохватывается, отдергивает руку и опускает ее на стол. У него недоуменный, детский вид.

Марта. Посмотрите на моего мужа, доктор Флисс, и скажите, разве у него не несчастный вид?

Флисс *(повернувшись к Фрейду, смотрит на него большими удивленными глазами).* Действительно, несчастный. И почему же?

Марта. Потому что он не смеет курить в вашем присутствии.

Фрейд *(с восхищением, смеется довольным смехом).* Честное слово, это правда. Метко подмечено. Марта, я боюсь получить нагоняй.

Флисс не без тщеславия улыбается: в глубине души он считает это совершенно естественным.

Марта с легким раздражением наблюдает, с каким почти боязливым восхищением Фрейд относится к Флиссу.

Флисс. Тем лучше, дорогая мадам. Страх целителен.

Марта *(глаза у нее горят напускным весельем, говорит с едва уловимым садизмом).* Это у него впервые… Поздравляю вас. Вы способны так повлиять на него, что он перестает курить.

Флисс. Но не забывайте, мадам, что я его ученик.

Фрейд искренне смеется, его очень забавляет, что этот незаурядный человек приехал из Берлина, чтобы слушать его лекции.

Флисс *(серьезным тоном).* Я запрещу ему табак, когда буду уверен, что он меня послушается. *(Ставит на столик пустую рюмку. Марта встает, чтобы налить ему коньяка.)* Одну капельку. Благодарю, дорогая мадам. *(Берет рюмку. На камине бьют часы. Он оборачивается: они показывают одиннадцать часов.)* Уже поздно. Вы знаете, я всегда работаю по ночам.

Фрейд. Я тоже.

Пауза. Марта снова садится. Флисс, прищурив глаза, пьет маленькими глотками коньяк. Наконец Фрейд осмеливается задать вопрос, который, как мы чувствуем, терзает его с самого начала вечера.

Фрейд. Видели ли вы Сесили?

Флисс. Сегодня утром я смотрел ее горло.

Фрейд. В присутствии Брейера?

Флисс. Разумеется.

Фрейд. Я считал, что он перестал ее навещать.

Флисс. Он приходит к ней каждый день. Он утверждает, будто она совершенно здорова, но я в этом не уверен. *(Пьет коньяк.)* Совсем не уверен. *(Пьет коньяк.)* Горло, конечно, раздражено. Но раздражение вызывается кашлем. Я бы сильно удивился, если бы этот кашель был неистерического происхождения.

Марта молчит, но настроена недружелюбно: ей не нравится, когда плохо говорят о Брейере. Она тревожно взглядывает то на Флисса, то на Фрейда.

Фрейд. Он говорил вам о моей… гипотезе.

Флисс. Ни слова… Можно подумать, что он о ней забыл. Даже сегодня утром он говорил мне о снеге, горностаях и еще о чем-то, столь же чистом.

Флисс иронизирует. В его голосе появляется неприятная жесткость.

Фрейд. Имея в виду Сесили?

Флисс. Да, Фрейд, вам следовало бы поговорить с ним начистоту.

Фрейд мрачнеет. Он смущен враждебным отношением Флисса к Брейеру. Пытается защитить Брейера.

Фрейд. Это очень сложно. Я всегда считал его своим учителем. Вы же знаете, что он – исключительно благородный человек.

Флисс. Разумеется! Разумеется! *(Флисс даже не пытается скрыть, что он одобряет его слова из чистой вежливости.)* Я боюсь, что он допустил серьезную ошибку в диагнозе. *(Очень легкомысленным и невольно комичным тоном заговорщика.)* Случай абсолютно ясен, мы с вами знаем, о чем идет речь. Но у Брейера столь самоуверенный вид… он абсолютно убежден, что все знает про свою больную. *(С плохо скрываемой властностью.)* Потребуйте у него снова навестить Сесили.

Фрейд. О нет, нет. Мы с ним не в столь… близких отношениях. Он воспримет это весьма болезненно.

Флисс сразу же теряет интерес к разговору.

Флисс *(равнодушно).* Жаль!

Он резко встает, очень по-прусски, очень чопорно.

Флисс *(обращаясь к Марте).* Мне пора. Прошу извинить меня, дорогая мадам.

Щелкает каблуками, целует ей руку.

Прощается с Фрейдом дружески, почти нежно.

Фрейд. До завтра, Флисс.

(18)

Тот же салон, спустя несколько минут.

Горничная убирает напитки, уносит рюмки. Над ней плавает облачко дыма.

Голос Марты за кадром. Не нравится он мне, этот твой Флисс.

Голос Фрейда за кадром. Вот оно что!

Фрейд сидит в кресле; в первый и последний раз с начала фильма он выглядит непринужденным и даже веселым; откинувшись на спинку кресла, он вытянул ноги, снял галстук и расстегнул стоячий воротничок. Блаженно затягиваясь, курит сигару.

Фрейд *(примирительным голосом, без малейшего намерения обидеть Марту).* Ты говоришь так потому, что он видел тебя плачущей.

Марта. Ты знаешь, он не любит Брейера. Это сразу видно.

Фрейд. Кто?

Марта. Твой Флисс. Я боюсь его. Ты перед ним словно мальчишка.

Она пытается обидеть Фрейда, надеясь ранить его гордость.

Фрейд *(ласково улыбаясь).* Правильно, Марта, я как мальчишка.

Марта *(нервничая, расхаживает взад-вперед по комнате).* Не понимаю, что ты в нем нашел.

Фрейд. Может, ты присядешь? Иди ко мне.

Она улыбается ему и садится на ручку кресла.

Марта *(повторяя свой вопрос).* Так что же?

Фрейд. Что? Ничего не нахожу. Ты же знаешь его. Это настоящий мужчина.

Марта. А Брейер, значит, нет?

Фрейд. Брейер – венец. Он умен, тонок, но скептичен. *(С каким-то уважением.)* А Флисс – пруссак.

Марта. У него и вид такой. Прямой, словно палку проглотил…

Фрейд. Прямой, но твердый. Воин. Ты обратила внимание на его глаза?

Марта. Да.

Фрейд. Я никогда не видел более прекрасных глаз. (*Убежденно, но и не без лукавства.)* Это за него тебе следовало бы выйти замуж.

Марта. Какой ужас!

Фрейд. Ты имела бы сильного, неотразимого мужа.

Она – полунасмешливо, полуласково – склоняется и теребит Фрейду бороду.

Марта. А мой муж еще неотразимее. Я считаю, что у него самые прекрасные глаза на свете. Когда он соизволит взглянуть на Флисса в упор, Флиссовы вытаращенные глазищи лопнут, как стекло.

Фрейд улыбается ей, но даже не понимает, что это робкое поощрение высказано для того, чтобы внушить ему чувство собственной значительности. Он думает о чем-то своем.

Фрейд. Ты с ума сошла… Флисс, видишь ли, авантюрист…

Марта. И ты находишь, что это хорошо?

Фрейд. Да. Без риска нет науки. Мир принадлежит авантюристам. Быть может, Флисс придаст мне сил стать авантюристом.

Фрейд докурил сигару. Марта открывает окна.

Марта. Он даже неспособен отвадить тебя от курения. Вся гостиная пропахла дымом.

Фрейд встает.

Фрейд. До скорого.

Марта. Не засиживайся допоздна за работой. *(Фрейд целует ее в лоб. Она небрежно спрашивает.)* Что произошло с Дорой? Она

оставалась у тебя почти час *(Фрейд пожимает плечами, не отвечая.)* Ты ее загипнотизировал?

Фрейд. Да. *(Говорит насмешливым и слегка ревнивым тоном, хотя все намеки, касающиеся Флисса, оставляли его равнодушным.)* Ты должна быть довольна – это метод твоего друга Брейера.

Марта. Если ты применяешь его метод, почему же Флисс утверждает, что вы с ним не согласны?

Фрейд *(улыбаясь).* Речь идет об одном нюансе. Одной мелочи.

Он собирается уходить, но Марта с нежностью его задерживает.

Марта. А что Дора?

Он отвечает, по-прежнему улыбаясь, но с едва уловимым раздражением.

Фрейд. Как что?

Марта. Метод ей помогает?

Фрейд. Надо посмотреть.

Марта. Что даст этот метод?

Фрейд*(рассеянно)*. Увидим, увидим.

Фрейд осторожно отстраняет Марту и идет к двери. Когда он берется за ручку двери. Марта, боясь, что он уйдет раньше, чем она успеет все ему сказать, выкладывает глубокие причины своей тревоги.

Марта. Я сегодня встречалась с твоей матерью. *(Фрейд резко оборачивается. Его лицо принимает напряженное выражение: он слушает внимательно и встревоженно.)* Ты знаешь, что твоему отцу совсем плохо? *(Фрейд смотрит на нее в упор, не меняясь в лице и ничего не отвечая.)* Последнее время ты совсем его забросил.

Фрейд недовольно морщится.

Фрейд *(жестко).* Я? Кто тебе сказал? Мама?

Марта. Конечно, мама. Но я тоже уже давно так думаю.

Фрейд. Что она сказала?

Он с виноватым видом опускает глаза.

Марта. Она сказала: «Я еще вижу моего сына, потому что держусь на ногах и могу приходить к вам. Но папа уже не встает с кресла, и вот целый месяц, как Зигмунд его не навещал».

Фрейд*(отвечает быстро, как ребенок, которого бранят и который обещает больше не шалить, лишь бы его оставили в покое)*. Завтра утром зайду к ним. Обещаю тебе.

Он хочет уйти. Марта бегом пересекает гостиную и становится между ним и дверью.

Марта. Мама не доверяет их врачу.

Фрейд *(рассудительным и размеренным голосом, который скрывает его растущее раздражение).* Это первоклассный врач. Родственники больных никогда нам не доверяют.

Марта. Вылечи его.

Фрейд. Кого вылечить? Отца?

Марта. Почему бы нет? Когда у него была глаукома, ты же его прооперировал.

Фрейд. Это разные вещи… Бирненшатц лечит его шесть лет: нельзя отбивать пациента у своего коллеги.

Марта *(очень сухо и живо, в ее тоне чувствуются глубокая симпатия к Брейеру и намек на ревность).* Но ведь ты же отбиваешь пациентку у Брейера!

Фрейд. Я?

Марта. Ну да, я говорю о Сесили. Флисс толкает тебя на то, чтобы ты ею занялся.

Фрейд. Ты ничего не поняла. *(Она пытается возразить, но он быстро ее перебивает.)* Мне надо работать, Марта. Завтра с утра я зайду к отцу и обещаю тебе посмотреть его. До скорого.

Он быстро целует ее в лоб и уходит.

Она стоит не шевелясь, в растерянности, и по ее лицу заметно, что она предчувствует те несчастья, которые угрожают их браку.

(19)

Два часа ночи.

Сидя в кабинете за письменным столом, Фрейд пишет. Он снял воротничок и сюртук, но остался в жилете.

Фрейд *(голос за кадром).* Неврозы представляют собой механизмы защиты от какого-либо невыносимого воспоминания, которое хочет укорениться в сознании. Невротические симптомы призваны замаскировать это воспоминание. Больной цепляется за бредовые симптомы, он любит собственный бред, как самого себя. Но если удается заставить его вспомнить то, что прячется за этим бредом, он ясно видит забытую сцену, торможение становится бесполезным и симптом исчезает. Представления сексуального происхождения…

Он перестает писать, над чем-то задумывается и оставляет фразу неоконченной.

Он выдвигает ящик; ночная работа закончена. Фрейд чувствует себя слишком усталым, чтобы ее продолжать. Он бережно прячет

свою рукопись в ящик, достает из кармана сюртука ключ, запирает ящик и снова кладет ключ в карман.

Утро, в комнате Фрейда.

Марта еще в постели. Окна открыты, портьеры подняты. На спинке стула – сюртук Фрейда.

Слышится голос Фрейда, заканчивающего свой туалет в ванной.

Фрейд *(голос за кадром).* Я вернусь к завтраку.

Марта, еще толком не проснувшись, едва открывает глаза.

Марта. Ты идешь к отцу?

Фрейд. Зайду к нему позже, если время будет.

Он входит в комнату и надевает сюртук.

Марта. Только семь часов, Зигмунд! Если ты не идешь к отцу, тогда почему ты встал так рано?

Он облачился в сюртук. Подходит к постели и целует Марту в обе щеки.

Фрейд. Мне надо поговорить с Брейером. Я хочу застать его дома, пока он не ушел с визитами.

Он подходит к двери.

Марта. Ты обещал мне посмотреть отца.

Фрейд *(с улыбкой, но решительно).* В любом случае лечить его я не буду. Я слишком уважаю его, чтобы быть при нем сиделкой.

Он уходит. Марта, присевшая на постели, на мгновение застыла в оцепенении, потом с какой-то отрешенной покорностью откидывается назад, закрывает глаза и, поскольку ей мешает утренний свет, с головой накрывается одеялом.

(20)

В столовой Брейеров, спустя несколько минут.

Брейер сидит за столом напротив Матильды. Всегда величественный и тщательно одетый, он готов уходить. Матильда – в халате.

Они завтракают: кофе и гренки. Матильда пристально смотрит на Брейера, в ее взгляде смешаны досада и любовь. Она пытается привлечь внимание мужа. Тщетно.

Брейер держится отчужденно, смотрит в одну точку, погрузившись в свои молчаливые раздумья. Он смотрит на часы, которые вытащил из жилетного карманчика, тут же опускает их на место, мгновение стоит, задумавшись, потом почти машинально берет со стола большой фарфоровый кофейник и наливает себе

чашку кофе.

Матильда вздрагивает.

Матильда. Ты мог хотя бы предложить мне кофе.

Брейер, слегка смутившись, нежно улыбается.

Брейер. Извини меня, забыл.

Он склоняется над столом, чтобы налить ей кофе. Она прикрывает чашку ладонью.

Матильда. Не хочу. Спасибо.

С легкой досадой он ставит кофейник на стол.

Брейер. Что с тобой?

Матильда. А с тобой? *(Она смотрит на него. Со смущенным видом он выдерживает ее взгляд.)* Ты, воплощенная вежливость, в моем присутствии наливаешь себе кофе, словно меня здесь нет. Это на тебя совсем непохоже.

Брейер *(пытаясь улыбнуться).* Ты не будешь осуждать меня за простую забывчивость.

Матильда. Буду! Потому что ты хочешь меня забыть.

Брейер *(с искренним возмущением).* Ты с ума сошла!

Матильда *(с очень жестокой иронией).* О нет, смерти моей ты не желаешь! Но, если бы я была очень, очень счастлива в любом месте вдали от тебя… тебя это вполне устроило бы!

Брейер *(раздраженно).* Матильда!

Слуга открывает застекленную дверь.

Слуга. Доктор Фрейд спрашивает, могут ли господа его принять.

Брейер *(в восторге, что может избежать бурного объяснения).* Ну, разумеется! Проси.

Матильда этим сильно недовольна, но берет себя в руки и весело улыбается.

Входит Фрейд. Брейер встает и с подчеркнутой любезностью предлагает ему сесть. Матильда протягивает ему руку с кокетливой, сияющей улыбкой.

Матильда. Вы должны выпить с нами кофе. *(Слуге.)* Прибор господину Фрейду.

Фрейд берет руку Матильды и подносит ее к губам, но Брейер уже взял его за плечи и усадил на стул.

Фрейд – вошел он решительным шагом – похоже, совсем ошарашен этим демонстративно теплым приемом.

Слуга поставил перед ним чашку. Брейер наливает ему кофе.

Брейер. Я рад вас видеть, Фрейд. Да еще так рано. Будет великолепный день.

Фрейд*(скороговоркой, пытаясь остановить Брейера, который наполняет ему чашку по самый верх)*. Спасибо! Спасибо!

Брейер *(ставит кофейник и весело смотрит на Фрейда)*. Выглядит молодцом! *(Оборачивается к Матильде.)* Ты не находишь, что он прекрасно выглядит?

Матильда *(она лжет)*. Я никогда не видела его таким цветущим. Марта хорошо заботится о вас, Фрейд. Надеюсь, вы цените ваше счастье.

Фрейд *(любезно, но слегка растерявшись)*. Но Брейер тоже прекрасно выглядит.

Матильда *(смеется с какой-то растерянной веселостью)*. Ну да, все прекрасно выглядят! Прекрасно! Йозеф, как розовый цветок. Только вот счастья своего он не ценит.

Брейер, видя, что разговор рискует принять нежелательный поворот, поспешно меняет тему.

Брейер. Вы хотели поговорить со мной?

Матильда. Да подожди минутку, дай ему кофе выпить! *(Обращаясь к, Фрейду.)* Пейте спокойно, Фрейд. Пейте!

Фрейд от возбуждения выпивает полную чашку.

Фрейд *(ставя чашку на стол, говорит чуть нарочито манерным тоном)*. Я явился испросить у вас одну милость.

Брейер *(весело)*. Заранее дарую ее вам!

Фрейд. Возьмите меня к Сесили.

Молчание. Матильда побледнела. Кусая губы, она смотрит на Брейера грозными глазами. У Брейера смущенный и злой вид. В конце концов он отвечает, разглядывая свои ногти.

Брейер *(затрудненно, что делает его тон почти неприятным)*. Но я больше не лечу ее! Она выздоровела, как вам известно!

Фрейд в полном изумлении. Он говорит с наивным видом – нельзя быть полностью уверенным, сознает ли он, что совершил оплошность, – и тем совершенно особенным тоном совершивших оплошность людей.

Фрейд. Как выздоровела? Но Флисс мне сказал, что вы были…

Матильда *(резким и громким голосом)*. У нее? Когда?

Фрейд *(излучая невинность)*. Да вчера.

Матильда, обезумевшая от ярости, поворачивается к Брейеру.

Матильда. Ты мне солгал!

Брейер рассержен на Фрейда из-за того, что попал в столь тяжелое положение.

Брейер *(оправдывается с достоинством, но вяло)*. Полно,

Матильда!

Матильда не уступает.

Матильда *(обрушивая поток слов).* Вы видели ее, Фрейд, может быть, вы скажете мне: что в ней есть такого, в этой женщине, которая отняла у меня мужа?

Пришла очередь Фрейда, который, испугавшись, опускает голову с видом нашалившего школьника. Он, конечно, не ожидал, что вызовет этот приступ ярости.

Брейер *(с чуть большей властностью).* Матильда!

Матильда *(говорит очень быстро и по-прежнему злобно).* Она отняла его у меня! Ему со мной скучно, он думает только о ней. Мы больше никогда не бываем одни, между нами стоит эта девка. Постоянно! Всегда!

Этот взрыв ярости преобразил Матильду: она выглядит постаревшей, а главное, ее изящество уступило место почти пошлой грубости. Она говорит, даже сама не сознавая что, и, несмотря на свои вполне реальные страдания, ее преувеличенные суждения имеют налет комизма.

Матильда. Но я тебя предупреждаю, Йозеф, ты ничего от меня не добьешься. Ни развода, ни раздела имущества. Для этого придется меня просто-напросто убить, и я спрашиваю, не к этому ли ты придешь в конце концов! Вы свидетель, Фрейд, вы слышите меня: ваш друг кончит тем, что убьет меня!

Брейер изумлен тем, что открыл ревность Матильды. Пока она говорит, он смотрит на нее так, словно видит впервые. Она тоже смотрит на него, багровая от гнева. Фрейд пользуется этим мгновением молчания, во время которого ни Брейер, ни Матильда не обращают на него внимания, чтобы попытаться ускользнуть «на английский манер», незаметно.

Он осторожно отодвигает свой стул, тихо встает и делает шаг к двери. Но Брейер, который вновь обрел уверенность, припечатывает его на месте грозным окриком.

Брейер. Фрейд! (*И снова весьма любезно.)* Прошу вас, сядьте на свое место. *(Строго глядя на Матильду.)* Я сожалею, что Матильда сочла нужным разыграть перед вами этот тягостный спектакль.

Фрейд *(крайне смущенный, возвращается, но стоит позади своего стула).* Это я сожалею…

Брейер. Оставьте! Я хотел бы не посвящать вас в эту историю, но, поскольку теперь вы в нее вмешались, вы должны остаться, чтобы выслушать мои объяснения.

Матильда обессилена приступом своей ярости. Теперь она, сгорая от стыда, неловкости, с каким-то мрачным и апатичным видом уставилась на свою чашку.

Брейер. Я даже не подозревал о ревности Матильды. Если бы только она сказала мне об этом… *(Обращаясь к Матильде.)* Ты все-таки дочь врача. Тебе следовало бы знать, что чувствуем мы, врачи, когда природа предоставляет нам возможность изучить какой-либо из ряда вон выходящий случай.

Он говорит с достоинством и искренностью. Его недовольство скрыто слишком глубоко, чтобы его можно было ощутить.

Брейер *(смеется).* Ревнивица! Бедняжка моя дорогая, если б ты знала…

Матильде – несмотря на эти его слова – стыдно, что она обнаружила свои чувства. Сейчас она в униженном положении лишь потому, что совершила, как сказала бы в те времена хозяйка дома, «серьезную ошибку».

Но ее недовольная мина позволяет Брейеру произнести свою маленькую речь. Он встал, и двое мужчин, стоя за спинками стульев, взирают на Матильду с видом судей.

Брейер. Фрейд! Скажите ей, что я проявляю к Сесили строго профессиональный интерес. В ней, дорогая моя, мне нравится только метод, благодаря которому она вылечилась.

Пауза. Матильда молчит, опустив глаза, бледная и настороженная.

Брейер. Ты хочешь, чтобы я доказал тебе это. Давай уедем в Венецию.*(Матильда вскидывает на него изумленные глаза и смотрит с недоверием. Он повторяет с полной непринужденностью)* Поедем в Венецию. Приблизим время отдыха. Если Фрейд захочет за меня присмотреть за несколькими больными, вызывающими кое-какое беспокойства.. Мне необходимы три дня, чтобы привести свои дела в порядок. Можешь брать билеты на четверг.

Матильда*(просияв).* В Венецию?!

Она разрыдалась. Брейер обходит стол и успокаивает ее, как ребенка.

Брейер. Ну, ну! Хватит! Ты хотя бы довольна? *(Она кивает в знак согласия, закрыв лицо руками; плечи ее трясутся от рыдании, Брейер, совсем по-отечески гладя ее по затылку, говорит.)* Я не хочу больше слез! Я уступаю твоим прихотям, чтобы срубить зло под самый корень. Сесили вылечена. И ты больше никогда не будешь о ней вспоминать. Обещаешь?

Она кивает, сдерживая слезы.

Брейер *(небрежным тоном).* Сегодня утром зайду к ней попрощаться, но ты не ревнуй: Фрейд пойдет со мной.

Матильда *(поворачивается и с тревогой на него смотрит).* Я действительно могу брать билеты?

Брейер *(снисходительно).* Ну да, дитя мое, хоть сейчас.

Матильда. Я так счастлива!

Она встает и обнимает его за шею. Он нежно освобождается от объятий.

Брейер. Вот и хорошо! Полно! Пойдемте скорее, Фрейд. Раз уж вы здесь, я совершу обход моих больных и представлю вас тем из них, кем вы займетесь.

Матильда оборачивается к Фрейду и с извиняющейся улыбкой протягивает ему руку.

Фрейд – для нас, кому известна его резкость, и для Матильды этот жест очень необычен – склоняется, целует ей руку. Брейер с раздражением увлекает его за собой.

Они выходят из комнаты, слуга подает им шляпы. На лестничной площадке, прежде чем сойти вниз, Брейер берет Фрейда под руку и говорит ему доверительно, как мужчина мужчине.

Брейер. Я считаю ревность невротическим симптомом.

(21)

У Сесили. Двери-окна широко распахнуты в сад.

Сесили, очень красивая, выглядящая совершенно нормально, сидит за туалетным столиком.

Высокий молодой человек лет двадцати – тоже очень красивый, с виду итальянец – иссиня-черные волосы, черные глаза – стоит рядом с ней. Он одет в рабочую блузу, в руке держит широкополую соломенную шляпу.

За кадром шум останавливающейся коляски.

Сесили разговаривает с ним любезно, но как со слугой. Ясно, что никакой симпатии к нему она не питает.

Сесили. Вы обещаете мне не топить их?

Молодой человек (*почтительно).* Да, мадемуазель.

При стуке коляски Сесили напускает на себя еле уловимый хитроватый и лукавый вид. Она нарочито затягивает разговор с тем, чтобы Брейер застал ее с молодым человеком.

Сесили. Двух я возьму себе, а остальных раздам подругам.

В это мгновение Брейер и Фрейд появляются в двери; они прошли прямо в комнату Сесили.

Брейер смотрит на молодого человека с удивленным и слегка недоброжелательным вниманием.

Услышав, как под их ногами скрипит гравии, Сесили не спеша встала и повернулась в сторону сада.

Сесили *(очень естественно, почти равнодушным тоном).* Здравствуйте, доктор. *(Она идет им навстречу. На ней свободное домашнее платье, которое скрадывает ее формы. У нее несколько тяжеловатая походка. Увидев Фрейда, она озарилась улыбкой.)* Здравствуйте, доктор Фрейд. Я так счастлива снова вас видеть. *(Она поворачивается к молодому человеку. Роняет небрежно.)* До свидания, Ганс, до скорого.

Ганс *(кланяясь).* До свидания, мадемуазель.

Он выходит в дверь, ведущую в холл.

Когда дверь закрылась, Брейер бросает на Сесили серьезный и мрачный взгляд.

Брейер. Кто это?

Сесили. Сын садовника.

Брейер. Что вы с ним делали?

Сесили отвечает естественно, но смотрит с легким лукавством. Чувствуется, что это ее забавляет.

Сесили. Вы сами выразили пожелание, чтобы я чаще встречалась со своими ровесниками.

Брейер *(сухо).* С людьми вашего возраста и вашего положения.

Сесили *(с улыбкой).* Успокойтесь, доктор. Наша сука ощенилась, и я попросила Ганса не топить щенков. *(Она смеется.)* Только и всего. Садитесь, прошу вас.

Все идут на середину комнаты. Брейер замечает на столике связанные из шерсти детские пинетки и какое-то вязанье из той же шерсти, в нем торчат спицы.

Брейер. Что это такое?

Сесили. Детские вещи.

Брейер. Вы вяжете?

Сесили. Да. Для одной из моих подруг, которая ждет ребенка.

Пауза. Все усаживаются. У Брейера натянутый и мрачный вид.

Брейер *(с некоей торжественностью).* Сесили, вы здоровы.

Сесили *(простодушно улыбаясь).* Конечно.

Брейер *(снисходительно улыбаясь).* Я пришел попрощаться с вами, дитя мое, вы больше не нуждаетесь в моих услугах.

Сесили *(с нежностью, которая, однако, не предвещает ничего хорошего).* Я еще увижу вас, доктор?

Брейер. Ну естественно, Сесили. У нас наверняка будет возможность встретиться.

Сесили. Когда?

Брейер. Позднее. В четверг мы с женой уезжаем в Венецию.

Сесили *(обратив внимание на догу).* В ближайший четверг? Прекрасно. (С *абсолютно светской любезностью.)* О Венеция! Это второе свадебное путешествие, не правда ли?

Кажется, Брейер разозлился, он делает громадное усилие, чтобы овладеть собой, и сдается обессиленный.

Брейер. Свадебное путешествие? После стольких лет супружества? Вы достаточно взрослая, Сесили, чтобы говорить подобные глупости, и слишком молоды, чтобы рассуждать о браке.

Сесили (с *еще большим лукавством).* Слишком молода? Но, доктор, мне двадцать лет. Через год, благодаря вам, я выйду замуж.

Брейер чувствует себя все хуже, вытирает платком потный лоб.

Брейер *(дрогнувшим голосом).* Выходите замуж, дитя мое, и будьте счастливы. Я от всего сердца желаю вам счастья.

Он резко встает, чтобы уйти.

Сесили (*говорит быстро, с искренним и обезоруживающим удивлением, в котором по-прежнему слышится нежность).* Но ведь у вас есть сердце?!

Брейер *(нахмурив брови, строго).* Сесили!

Сесили *(смеясь).* Я говорю глупости, доктор. Я знаю, с какой преданностью вы меня лечили. (*Она поворачивается к доктору Фрейду; говорит с ядовитой ласковостью.)* Доктор Фрейд, я счастлива, что доктор Брейер, проявив тонкую деликатность, привел вас сюда. *(Она порывисто,почти с нежностью, протягивает ему руку.)* Боюсь, что я не сумею вас отблагодарить.

Фрейд *(поклонившись, тоном весьма резким и отрешенным).* Здесь нет моей заслуги, мадемуазель.

Сесили. Вы меня вылечили, доктор! Доктор Брейер открыл метод, а вы применили его.

Фрейд искренне возмущен. На Сесили он смотрит гневно, а на Брейера – с тревожной симпатией.

Фрейд. Я нахожу вас очень неблагодарной, мадемуазель. Я лишь скромный ученик.

Брейер поднимает руку, чтобы его прервать. Брейер по-прежнему улыбается, но в глубине души он уязвлен. Говорит сухо, однако рассержен он не на Сесили, а на Фрейда.

Брейер. Мы потом обсудим наши взаимные заслуги. У врачей нет гордыни, мадемуазель Сесили. Для них главное – излечить больных. Любыми методами.

Он поворачивается к Фрейду, Сесили кокетливо приближается к Брейеру и подставляет лоб.

Сесили. Вы меня не поцелуете?

Брейер смотрит на нее страдальческим и нежным взглядом. Мгновение поколебавшись, он наконец целует ее. Сесили оборачивается к Фрейду с явным намерением и ему подставить лоб для поцелуя. Но Фрейд видит лицо Брейера: он разочарован тем положением, в каком оказался его учитель, несчастен, видя, как страдает Брейер, и зол на Сесили.

Он хмурит брови и бросает на Сесили взгляд, который заставляет ее отпрянуть.

Фрейд. До свидания, мадемуазель.

Он поворачивается и размашистым шагом идет к двери-окну.

Брейер следует за ним. Сесили закашливается.

За кадром слышен кашель Сесили.

Теперь в кадре только спины двух мужчин. Кажется, что они спасаются бегством.

Голос Сесили *(прерываемый кашлем, за кадром).* Счастливого пути, доктор, счастливого путешествия.

Перед парадной лестницей.

Двое мужчин поспешно усаживаются в коляску.

Издали все еще слышатся приступы кашля.

Брейер *(кучеру).* Дом 12, Парковый проспект. Живо!

Коляска выезжает из парка.

Слышно, как за ней закрываются решетчатые ворота. Брейер привстает, оборачивается и смотрит на удаляющуюся виллу, которая исчезает за первым поворотом.

Он опускается на сиденье рядом с Фрейдом, который, сурово глядя прямо перед собой, уже успел раскурить сигару.

Брейер. Вот и все. Они появляются, мы только над ними и хлопочем, они исчезают, и, спокойной ночи, мы больше никогда их не увидим.

Фрейд, чьи раздумья прервали, смотрит на него с таким ошарашенным видом, что Брейер не может сдержать смех.

Фрейд. Кто они?

Брейер *(смеясь).* Где вы витаете? Я говорю о наших больных..

Фрейд *(равнодушно и рассеянно).* Ах, вот что…

Брейер *(скорее утверждающе, чем вопросительно).* Она ведь выздоровела?

Фрейд *(озабоченно).* Но этот кашель…

Брейер. Всего один приступ! *(С раздражением.)* Последние дни она совсем не кашляла. Это лекарства Флисса вызвали у нее раздражение горла. *(Фрейд, не отвечая, курит сигару.)* Все, конец. Страница перевернута.

Пауза. Коляска сворачивает на улицу, застроенную высокими новыми зданиями.

(22)

Четверг, девять часов угря.

Чудесный солнечный день.

Перед домом Брейеров стоят два экипажа. В один (это открытый фиакр) горничная и слуга Брейеров складывают чемоданы.

У другого Брейер, Матильда, Фрейд и Марта оживленно беседуют, хотя Матильда успевает следить за фиакром с багажом.

Все очень веселы.

Марта. Вас ждет великолепная погода.

Матильда. Тетушка пишет, что в горах дождь. Но в Милане жара, как летом.

Она на мгновение отходит и идет к прислуге.

Матильда*(показывая на последний чемодан)*. Не убирайте его. В нем мой несессер. Поставьте рядом с кучером. *(Прислуга исполняет распоряжение. Кучер осторожно берет чемодан и ставит рядом с собой.)* До свидания. Мари, до свидания, Хайнц…

Слуги *(хором).* Счастливой дороги, госпожа, счастливой дороги.

Матильда *(подойдя к Брейеру и Фрейду).* Пора. *(Обращаясь к чете Фрейдов.)* Вы нас проводите?

Фрейд. Естественно.

Марта *(смеясь, говорит Брейерам).* Вот как он вас любит! Ведь он до ужаса боится вокзалов и поездок.

Все смеются. Фрейд добродушно смеется вместе со всеми.

Фрейд. У кого нет своего маленького невроза? *(Обращаясь к Брейеру, говорит более серьезно)* Вы знаете, о чем мечтаю написать? О психопатологии обыденной жизни. Я показал бы, что нормальные люди – это сумасшедшие, чей невроз обернулся не злом, а добром.

Брейер слушает вежливо, но без интереса.

Матильда *(энергично перебивает Фрейда; дружески настойчивым тоном).* Конечно, но вы расскажете ему всем этом после нашего возвращения. Я не хочу, чтобы опоздали на поезд. Садитесь, Марта.

Марта садится в коляску. Фиакр с чемоданами объезжает неподвижно стоящую коляску.

Матильда*(беззаботно спрашивает, из простой предосторожности)*. Йозеф, билеты у тебя?

Брейер*(машинально)*. Да.

Он вынимает бумажник, уверенный, что в нем билеты. Там их нет. Он кладет бумажник в карман и методично начинает обшаривать наружные и внутренние карманы сюртука, жилета, брюк.

Брейер. Нет.

Матильда *(потрясена).* Быть не может, поищи хорошенько. Ты же никогда ничего не забываешь.

Брейер послушно снова роется в карманах. Он отворачивает кожаную ленту, которая крепит подкладку его цилиндра. Беспомощно разводит руками. Лицо Матильды розовеет от гнева.

Матильда. Ну это уж слишком!

Брейер *(Матильде).* Садись в коляску. Я оставил их в ящике письменного стола. Уверен. Они у меня перед глазами.

Он хочет пойти в дом.

Матильда *(сухо и резко).* Ты не пойдешь! *(Объясняет всем.)* Когда перед дорогой выходишь из дома, ни в коем случае нельзя возвращаться.

Брейер. Почему?

Матильда. Это приносит несчастье!

Фрейд (в *каком-то невольном порыве).* Не волнуйтесь, Брейер, пойду я.

Брейер (с *несколько желчной иронией).* Фрейд, и это вы, материалист, атеист, уступаете суевериям моей жены?

Фрейд *(весело).* Когда ты атеист, нужно быть суеверным! Иначе что нам останется?

Матильда. Спасибо, Фрейд!

Марта *(Брейеру).* Пусть он сходит.

Брейер. Хорошо, хорошо. *(Вынимает связку ключей, указывает на один из них Фрейду.)* Первый ящик справа.

Фрейд берет ключи и бросается в дом.

Брейер *(Матильде с наигранным возмущением).* И не стыдно тебе?

Марта. Прекратите же!.. Это настоящее свадебное путешествие. Не огорчайте вашу жену уже до отъезда.

При словах «свадебное путешествие» лицо Брейера мрачнеет. Пауза. В письменном столе Брейера Фрейд открывает указанный ящик. Вынимает связку бумаг и ищет билеты. Наконец находит: Брейер засунул билеты в маленький бумажник для визитных карточек, куда вложил еще и фотографию Сесили.

Он поспешно собирает бумаги, убирает в ящик, закрывает его на ключ и выходит из комнаты. Быстро сбегает по лестнице.

На улице перед домом.

Когда Фрейд выходит из парадного, декорация уже переменилась. Позади коляски стоит запряженная парой лошадей громоздкая карета «скорой помощи».

Брейер говорит с санитаром.

В коляске сидят две женщины, молчаливые и натянутые. Марта бледна от волнения, Матильда, сжавшись, сидит с горящими от ненависти и гнева глазами, кажется, что она находится по ту сторону отчаяния, в состоянии какого-то безумного веселья.

Фрейд *(с удивлением подходя к коляске).* Что случилолось? *(Марта не отвечает. Он смотрит на женщин.)* Что произошло?

Матильда *(смеясь)*. Да ничего, Фрейд, просто маленькая шутка! Сесили рожает.

Фрейд*(в полнейшем изумлении)*. Что?

Матильда смеется, не отвечая. Марта кивком головы показывает на Брейера.

Марта. Ступай к нему. И не оставляй одного.

Фрейд подбегает к Брейеру, мертвенно-бледному, с исказившимися чертами лица.

Дверь кареты «скорой помощи» распахнута.

Брейер, не удивляясь присутствию Фрейда, делает ему знак садиться. Фрейд садится в карету, за ним – Брейер.

Они присаживаются на узкую скамью – напротив пустого места для больного, – предназначенную для санитаров.

В это время санитар забирается на переднее сиденье и устраивается рядом с кучером.

Пара лошадей галопом помчала карету.

(23)

В карете «скорой помощи».

Фрейд и Брейер молчат. Брейер потеет и вытирает лоб.

Через несколько секунд он начинает говорить отрывистым голосом.

Брейер *(кажется, что его убила эта новость)*. Похоже, схватки начались сегодня утром. Они перевезли ее в клинику Святого Этьена. Она хочет меня видеть. *(Он ехидно смеется.)* Вы можете быть довольны, вы оказались правы. Секс! Я считал ее девственницей, а она в это время…

Фрейд *(смотрит на него с удивлением)*. Бросьте. Вы… вы не могли не знать, что она беременна… Вы же ее прослушивали.

Брейер. Не прослушивал уже больше года. Ей не нравилось, когда я к ней прикасался. *(Смеется.)* Я думал, что это от стыдливости. *(Он поворачивается к Фрейду и спрашивает его полутрагическим, полукомическим тоном.)* От кого она беременна? Я вас спрашиваю? От того парня, от этого садовника… *(С бешенством.)* Я оказался игрушкой шлюхи.

В коридоре клиники, перед закрытой дверью.

Слышны характерные крики рожающей женщины.

За кадром – вопли Сесили.

Врач, повивальная бабка, мать Сесили. Они молча поджидают

Брейера. Мать Сесили не проявляет ни малейшего признака волнения. Просто ее лицо еще больше ожесточилось. Из коридора доносятся звуки шагов.

Госпожа Кёртнер. Наконец-то!

Появляются Брейер и Фрейд, они почти бегут. Заметив госпожу Кёртнер, Фрейд снимает шляпу. Но Брейер так взволнован, что остается в шляпе.

Брейер*(едва переводя дух)*. Что с ней?

Госпожа Кёртнер, не говоря ни слова, указывает на врача и повивальную бабку (смысл жеста: «Они вам лучше скажут»).

Брейер поворачивается к ним, глядя на них с растерянным видом; их, кажется, очень удивляет его волнение.

Врач *(представляясь).* Доктор Пфаррер.

Брейер *(быстро и рассеянно).* Весьма рад. *(Продолжая.)* Так что же произошло?

Доктор Пфаррер. Она абсолютно девственна. Но в последние месяцы она, должно быть, внушила себе нервную беременность. (С *улыбкой.)* И, будучи последовательной в мыслях, она устраивает нам сегодня нервные роды.

Брейер слушает его с изумлением. Потом подходит к двери и открывает ее. Обращается ко всем, включая Фрейда.

Брейер. Не входите. Останьтесь здесь!

Он входит в палату и закрывает дверь.

Сесили лежит на кровати. Глаза у нее закрыты, она кричит, иногда корчится. За ней присматривают две санитарки. Брейер властным кивком головы отсылает санитарок. Они бесшумно уходят.

Брейер у изголовья Сесили садится на стул, который только что занимала одна из санитарок.

Брейер. Сесили!

Сесили *(открывает глаза и улыбается).* Это ты? Дай мне руку. *(Потрясенный, Брейер берет ее за руку. Она выгибается, потом снова откидывается на постель. Чудовщный крик. Она, обессиленная, на мгновение умолкает.)* Ты счастлив? Это – сын, я уверена.

Брейер. Послушайте меня…

Она смотрит на него с удивлением, которое смывается новой волной боли. Новый крик Сесили.

Сесили *(ослабевшим голосом).* Как мы назовем его, мой любимый?

Она снова вытягивается на постели.

В коридоре.

Спустя полчаса. Врач прохаживается взад-вперед.

Санитарки и повивальная бабка стоят чуть поодаль. Фрейд и госпожа Кёртнер, неподвижные, напряженные, оба суровые, ждут, не глядя друг на друга. Сесили кричать перестала.

Наконец появляется Брейер, обессиленный, в поту. Он осторожно прикрывает за собой дверь. Подходит к Фрейду и госпоже Кёртнер, которые молча его поджидают.

Брейер *(обращаясь к матери).* Она спит. *(После паузы.)* Под гипнозом она призналась, что беременности не было.

Госпожа Кёртнер по-прежнему молчит.

Брейер *(смущенный этим молчанием).* Все в порядке. Оставьте ее на два-три дня в клинике, а потом можете увезти домой.

Не говоря ни слова, госпожа Кёртнер слегка кивает головой. Брейер растерянно смотрит на нее, склоняется в глубоком поклоне и оборачивается к Фрейду.

Брейер. Пойдемте, Фрейд.

На улице у ворот ждет карета «скорой помощи». К Брейеру подходит санитар.

Санитар. Господин доктор. *(Брейер оборачивается.)* Мы можем вас подвезти.

Брейер, совершенно потерянный, делает отрицательный жест.

Брейер. Благодарю. Мы пойдем пешком.

(24)

Фрейд и Брейер, беседуя, идут по залитым солнцем и почти пустынным улицам.

Брейер без шляпы. Он шагает рядом с Фрейдом и вытирает платком лоб. Долгая пауза.

Фрейд бросает тревожные и робкие взгляды на Брейера, но не осмеливается задать ему вопрос.

Они выходят на перекресток. Брейер хочет идти прямо и перейти шоссе. Фрейд с большим почтением берет его под руку и ведет направо.

Брейер послушно позволяет руководить собой.

Брейер. Ах! Надо сюда… *(Пройдя несколько шагов, говорит с искренним унынием, как бы. сам с собой)* Я преступник. (*Фрейд смотрит на него с изумлением. Брейер поясняет, на этот раз повернувшись к нему.)* Она поверила, что беременна от меня. Это дьявольский метод. Мы не имеем права! *(Фрейд вопрошающе глядит*

на него.) Человек не создан для всемогущества. Она подчинялась мне. Я мог делать с ней все, что угодно. И вот результат. *(Они идут молча. Брейер смотрит вдаль, прямо перед собой, немигающими глазами.)* Когда я познакомился с ней, это была сама невинность, уверяю вас.

Фрейд (как *бы про себя).* Невинность… Я задаю себе вопрос, существует ли она вообще…

Брейер (с *резким раздражением).* Если бы вы видели Сесили год назад, вам не пришлось бы задавать себе этот вопрос. (С *глубоким сожалением.)* Она ни о чем не знала, была чиста как снег. Мейнерт прав: есть вещи, в глубине нас самих, касаться которых мы не имеем права.

Фрейд*(вздрагивает).* Мейнерт? Теперь он говорит прямо противоположное!

Брейер. Потому что он умирает. Это его больше не интересует.

За кадром – перестук колес экипажа, цоканье копыт.

Он оборачивается: это старый крытый фиакр. Старик кучер. Он смотрит на часы.

Брейер. Поеду другим поездом.

Фрейд *(не веря своим ушам).* Что?

Брейер делает знак кучеру, который удерживает поводья.

Брейер *(поясняя).* Послеобеденным поездом.

Экипаж останавливается рядом с ними. Брейер приглашает Фрейда садиться. Фрейд не хочет. Он с возмущением смотрит на Брейера.

Фрейд. Надеюсь, вы не намерены…

Брейер. Уехать? Разумеется, намерен. И чем дальше, тем лучше.

Фрейд. А Сесили…

Брейер. Она здорова.

Фрейд. Вы прекрасно знаете, что нет.

Брейер лжет самому себе. притворяясь спокойным. Однако он глубоко смущен.

Брейер. Это последний приступ. Если я останусь, то причиню ей только зло. Если уеду, она меня забудет.

Фрейд, изумленный и возмущенный, утратил всю свою робость.

Фрейд *(твердо).* Здорова?! Пока вы лечили ее контрактуры и нарушения зрения, она спокойно выдумала себе нервную беременность и считала, что забеременела от вас. Она больна сильнее, чем когда-либо раньше. Вы не можете ее оставить!

Брейер краснеет. Его раздражает тон Фрейда.

Брейер *(очень сухо).* Однако именно это я и намерен сделать.

Он хочет сесть в фиакр. Фрейд удерживает его за рукав.

Фрейд. Брейер! Вы врач. Ваш долг…

Брейер. Мой долг я знаю лучше вас. (*Он отходит к Фрейду и громко говорит, хотя кучер смотрит на них обалдев.)* Я влюбил ее в себя, вы понимаете это?

Фрейд. Она сама влюбилась в вас. И, без сомнения, потому, что этого хотела. Вы здесь ни при чем.

Брейер. Черт возьми! *(Пауза.)* Это было бы слишком удобным объяснением. *(По-прежнему говорит страстно, но с какой-то тоской.)* Она была холодна, чиста… Вы знаете, что я думаю? Гипнотизм – это средство совращения. Если мои коллеги потребуют завтра моего исключения из Корпорации врачей, мне нечего будет им возразить.

Возрастающее изумление кучера.

Брейер не может сдержать себя. Он обвиняет себя, но по его тону и по жестам можно подумать, будто он произносит обвинительную речь против Фрейда.

Брейер. Врач, который соблазняет своих пациенток! Врач – фат! Весь город будет смеяться надо мной. *(Глухим, еле слышным голосом.)* Мне необходимо уехать.

Он распахивает дверцу и садится в фиакр. Фрейд его не удерживает. Брейер захлопывает дверцу. Через открытое окно видно, как он усаживается. Кучер готов хлестнуть лошадей.

Фрейд *(обращаясь к кучеру)*. Постой!

Он подходит к окну. Брейер подавленно сидит на сиденье, полузакрыв глаза.

Фрейд *(робко)*. Если вы дадите мне записочку к госпоже Кёртнер, я буду лечить Сесили в ваше отсутствие.

Возмущение Брейера таково, что он стремительно высовывает голову из окна.

Фрейд отступает на шаг. Яростное лицо Брейера высовывается из открытого окна. Глаза его сверкают.

Брейер *(говорит крайне грубо и впервые с тех пор, как мы его видим, с авторитарностью тирана)*. Никогда! Мне известны ваши теории, мой бедный Фрейд! Я знаю ваши своеобразные мысли насчет секса. Вы украдете мой метод бог знает для какой цели! Вы заполните гнусностями головку этой несчастной девушки, окончательно сделаете ее сумасшедшей. *(Отчеканивая слова.)* Слушайте меня внимательно, Фрейд: я запрещаю вам заниматься Сесили. Понятно?

Фрейд *(охваченный гневом и робостью, дрожащим голосом)*. Да.

Фрейд отходит назад и делает кучеру знак, чтобы тот трогал.

Фрейд (с *мрачной иронией).* Счастливого пути!

Фиакр отъезжает. Фрейд, злой и удрученный, стоит неподвижно и смотрит вслед экипажу до тех пор, пока тот не исчезает из виду.

(25)

Аудитория Медицинского факультета.

Лекция закончилась. Последние студенты уходят через дверь в глубине зала, расположенную за самой высокой скамьей амфитеатра. Камера следует за ними несколько секунд, потом показывает зал. Сверху мы видим на кафедре профессора (это Фрейд, складывающий в папку свои бумаги), а в первом ряду, со спины, еще сидящего, широкоплечего студента, который даже издали выглядит старше очень молодых людей – все они с бородами, – что выходят из аудитории: это Флисс.

Теперь мы перед кафедрой. Флисс встал, он разговаривает с Фрейдом, который тоже поднялся, глядя на него снизу вверх. Флисс сардонически улыбается; Фрейд выглядит горестно и мрачно; он выслушивает шутки Флисса насчет Брейера; он даже – неохотно – присоединяется к ним, но не смеется.

Флисс *(с недоброй иронией).* Ну, как поживает наш донжуан?

Фрейд *(смущенно).* Поживает! *(Пауза.)* Жена получила письмо от Матильды. *(С горечью.)* Они купаются в счастье.

Он закрывает папку, сходят с подиума (одна ступенька) и оказывается вровень с Флиссом.

Флисс смотрит на Фрейда своими дьявольскими глазищами. Он явно начал разговор не без определенной цели.

Флисс *(тем же тоном).* Хорошая ли погода в Венеции?

Фрейд *(с мрачной иронией).* Прекрасная.

Флисс *(резко).* И что же Сесили? Надели на нее смирительную рубашку?

Фрейд. Не знаю.

Флисс. Все-таки какая превосходная идея – надевать смирительную рубашку на больных, чтобы врачи в это время смогли поехать в отпуск. *(Подходит к Фрейду.)* Так, значит, вы ее не видели?

Фрейд *(с раздражением).* Я же говорю вам, что Брейер мне запретил…

Флисс. Ну и что?

Фрейд.Она его пациентка.

Флисс *(грубо).* Значит, когда Брейер отсутствует, его пациентки могут подыхать?

Фрейд *(сухо и решительно).* Я не могу отнять у него пациентку.

Флисс. Она не его пациентка, а его возлюбленная.

Фрейд, смутившись, пытается защитить своего учителя.

Фрейд. Довольно об этом, Флисс. Это не вина Брейера. *(Смеется.) Он* — слишком соблазнительный мужчина. Скоро уже два месяца, как я применяю его метод к своим пациенткам, и уверяю вас, что в меня они не влюбляются. *(Он, сам того не желая, мрачнеет.)* Я упрекаю его в том, что он сбежал. (*Твердым тоном.)* Бежать, отступать, я этого не приемлю. Особенно от еврея. *(Полушутливо, полусерьезно.)* Будь я на войне, я бы погиб на посту.

Пауза. Флисс кладет руку на плечо Фрейду, чтобы тот посмотрел на него.

Флисс. Фрейд, Сесили – исключительный случай. Она может нам помочь…

Фрейд *(удивленно).* Нам помочь?

Флисс. Я считаю недопустимым, чтобы она была потеряна для Науки.

Он отпускает плечо Фрейда и принимается ходить взад-вперед перед возвышением.

Флисс. Вы нужны мне. Вы – единственный, кто может мне помочь в моих исследованиях. Я близок к цели. *(Говорит с глубокой убежденностью, хотя и не без педантизма, который придает ему какой-то отрешенный и почти потерянный вид.)* Я вижу. Да. Я узрел истину. Мои теории разработаны: остается их доказать. Это совсем просто. Особенно если вы окажете мне содействие.

Фрейд следит за ним, пока он расхаживает туда-сюда.

Фрейд *(несколько удивленный).* Какие теории?

Флисс. Я вам все расскажу, не беспокойтесь. Но это будет настоящей инициацией. *(Смеется, чтобы скрыть глубокую серьезность своих намерений.)* Мы поклянемся на крови! Я могу выдать свои тайны только брату по крови! Нам придется поделить работу.

Он поднимается на возвышение, даже не заметав этого.

Расхаживая, продолжает говорить.

Фрейд, словно зачарованный, садится на скамью амфитеатра. Флисс, после нескольких пробежек, в конце концов встает за кафедру и говорит, глядя на Фрейда сверху вниз.

Флисс. Сексуальность, Фрейд. Все в ней. Вы будете сильно

удивлены, когда я вам сообщу о моем открытии. А теперь нужно найти Сесили.

Фрейд. Какая здесь связь?

Флисс. Сесили – это доказательство. Я это знаю. *(Тоном резким и почти бесчеловечным в своей жестокости.)* Надо будет заставить ее работать сурово и без передышки. До тех пор пока она не выдаст нам свою тайну. *(Властно показав поверх кафедры пальцем в сторону Фрейда.)* Пошли к Сесили. Во всяком случае, я обязан вернуться к ней, потому что у нее болит горло. *(Настойчиво.)* Пойдемте к ней! Вы не вправе сдерживать прогресс знания ради того, чтобы не обиделся Брейер.

Фрейд встает, но молчит. Он с упрямым видом стоит, опустив голову. Флисс смотрит на него и размеренным, почти нежным голосом вонзает в него отравленную стрелу.

Флисс. Он просто завидует вам!

Фрейд*(подняв голову, смотрит на Флисса несколько встревоженно и спрашивает дрогнувшим голосом)*. Вам так кажется?

Флисс. Это ясно как день. Этим добрым людям нравится проявлять свое великодушие к ученикам. Хорошее мнение о самих себе им обходится совсем дешево. Но горе ученику, если он превосходит учителя.

Фрейд *(задумчиво).* Мне казалось, что иногда я это чувствовал…

Теперь Фрейд начинает расхаживать перед кафедрой. У него сосредоточенный и злой вид. И главное – несчастный. Он больше не смотрит на Флисса: погружен в себя.

Фрейд. Видите ли, Флисс, люди, подобные мне, нуждаются в том, чтобы навязывать самим себе тиранов. Не знаю, почему моим тираном был Брейер. Я слушался его, как ребенок. *(Мрачно и злопамятно.)* Но я ему не простил бы слабости. Вы уверены, что он завидует?

Флисс. Это бросается в глаза.

Разумеется, в эти минуты ничего нового Фрейд не узнает. Флисс формулирует то, в чем сам Фрейд не смел себе признаться.

Фрейд *(искренне огорчившись).* Завидует мне? Мне, ничего из себя не представляющему? Я так им восхищался…

Пауза. Фрейда тоже охватила зависть.

Фрейд (*язвительным тоном, словно мстя своему кумиру, отдает его на заклание Флиссу).* Вы знаете, что он влюблен?

Флисс. В Сесили?

Фрейд. Конечно. Право, не знаю, кто кого пленил. С первого дня эта история меня смущала. Он склонялся к ней, говорил сладеньким

голосом, без конца вытирал со лба пот… (*Флисс молчит. Улыбаясь, он слушает, совершенно ясно зная, что Фрейд попался на крючок: ловушка сработала отлично)* Между ними все было сексуальным.

Флисс *(принимает внезапно решение).* Поехали к Сесили.

(26)

Пригород Вены, где находится вилла Сесили.

Фрейд звонит, стоя у больших ворот. Никто не отвечает. Немного подождав, Флисс подходит к маленькой боковой калитке и открывает ее.

Он входит, Фрейд следом. Издали они видят виллу. Все ставни закрыты. Она выглядит нежилой.

Кто-то движется им навстречу. Это сын садовника. На нем широкополая соломенная шляпа. Его былая почтительность сменилась наглостью.

Флисс. Можно ли видеть госпожу Кёртнер?

Сын садовника. Она уехала.

Флисс. А ее дочь?

Сын садовника. Тоже.

Фрейд. Когда должны вернуться?

Сын садовника. Никогда. *(После паузы.)* Вилла продается.

Флисс. Куда можно им написать?

Сын садовника. Они не оставили адреса.

Флисс. Ладно.

Он первый поворачивается и садится в коляску. Фрейд не сразу следует за ним. Молодой человек закрывает калитку, и Фрейд несколько мгновении стоит, уставившись на нее.

Флисс*(голосза кадром).* Ну что вы там, Фрейд?

Фрейд поворачивается и идет к фиакру.

Его лицо светлеет.

Фрейд *(усаживаясь в фиакр, говорит с легкой иронией, скрывающей его глубокое удовлетворение).* Ну что, Флисс, это знак судьбы, не так ли?

Коляска отъезжает.

(27)

Кабинет Фрейда.

Спустя несколько часов, ближе к вечеру.

Он сидит в изголовье дивана. На диване лежит Дора в состоянии гипноза. Она говорит.

Фрейд слушает ее, куря сигару.

Дора *(бесстрастным голосом).* Бедная моя мамочка, я всегда за нее боюсь; когда она уходит за покупками, у меня сердце замирает, не могу избавиться от мысли, что с ней случится несчастье.

Дора говорит быстро, без эмоций. Без всякой интонации она повторяет слова, словно заученные.

Фрейд. Какое несчастье?

Дора. Ну лошадь понесет. Все равно какое, лишь бы она умерла.

Фрейд, который до этого слушал довольно равнодушно, внезапно проявляет интерес к этим словам.

Фрейд. Что вы сказали? Дора моргает и дергается всем телом.

Фрейд. Что вы сказали? Повторите.

Дора (*жалобным голосом).* Не помню. Я устала.

Фрейд на мгновение задумывается. Потом ласково, но твердо повторяет вопрос.

Фрейд. Вы сказали «лишь бы она умерла».

Дора. Умерла? Неужели? Я не знаю не знаю!

Она беспокоится, выглядит крайне усталой. Фрейд замечает это и решает прекратить сеанс.

Он встает, не спеша гасит свою сигару в пепельнице, стоящей на письменном столе.

Снова подходит к Доре, но не садится. Склоняется к ней. Фрейд кладет руку на лоб Доры, чувствуется, что он хочет ее разбудить.

Фрейд *(тихо).* Дора!

В комнате маленькой Матильды.

Она, вся в лихорадке, задыхаясь, лежит в постели.

Слышно, как хрипло она дышит.

Марта, охваченная тревогой, сидит у постели.

Марта*(говорит ласково, с глубокой любовью).* Матильда! Что с тобой? Ну что с тобой? Тебе больно?

Малышка, которая не может говорить, кивает в ответ. Ее большие, широко раскрытые глаза подтверждают ее страдания.

Марта. Трудно дышать?

Снова хрипы. Создается впечатление, что ребенок при смерти, и, чтобы убедиться в том, что Матильда в смертельной опасности, достаточно показать лицо Марты.

Новые, более сильные хрипы приводят в полное отчаяние Марту. Она вскакивает и выбегает из комнаты.

В кабинете Фрейда.

Оба героя находятся примерно в той же позе, в какой мы их оставили.

Фрейд *(склонившись над Дорой, ласково повторяет).* Проснитесь, Дора. Вы проснулись.

Глаза Доры открыты, она очнулась от гипноза.

Слышится тихий стук в дверь.

Фрейд, увлекшись, не слышит.

Дора улыбается Фрейду: это истинная улыбка влюбленной.

Стучат снова.

Вдруг Дора обнимает Фрейда за шею и протягивает ему губы для поцелуя.

Дора. Любовь моя!

Дверь открывается. Входит Марта с опустошенным горем лицом. Она видит эту сцену, Фрейд, не заметивший, как она вошла, осторожно высвобождается из объятий Доры и встает.

Фрейд *(смущенно улыбаясь).* Вот, они сюрпризы гипноза.

Дора, обиженная, садится на диван.

Фрейд *(холодным, но ласковым голосом).* Я – не ваша любовь, Дора. Я всего лишь ваш врач.

Дора, страшно смутившись, молча смотрит на Фрейда.

Марта *(голос за кадром).* Зигмунд!

Фрейд резко оборачивается. Он рассерженно смотрит на Марту, но по выражению лица видит, что она в горе.

Дора, покраснев, встает, не говоря ни слова, и берет свою шляпу.

Марта. Малышке совсем плохо. Не знаю, что с ней. Мне страшно.

Фрейд. Иду! *(Поворачивается к Доре.)* Придете в понедельник, в пять часов!

Он быстро выходит из комнаты.

Дора*(еле слышно)*. До свидания. Марта.

Марта*(холодно на нее глядя, ледяным тоном)*. До свидания.

В детской.

Маленькая Матильда задыхается. Входят Фрейд и Марта. Она стоит позади, Фрейд наклоняется к ребенку.

Фрейд. Открой рот. *(Матильда открывает рот; Фрейд склоняется ниже и осматривает его.)* Какая температура?

Марта. Тридцать восемь и девять.

Фрейд. Я думаю, что это дифтерийное воспаление гортани. Скажи горничной, чтобы пошла к Флиссу и немедленно его привела.

Он садится рядом с кроватью и берет ребенка за руку. Марта

выходит дать распоряжение горничной; возвращается, берет стул и усаживается по другую сторону кровати.

В кабинете доктора Фрейда.

Дора в конце концов пришпилила свою шляпку к волосам длинными булавками. Она раздражена, глядя в зеркало, показывает себе язык, колет себе пальцы булавкой и топает ногой.

Завершив туалет, она со сверкающими глазами подходит к письменному столу Фрейда и – не спеша, методически – рвет все бумаги, которые на нем лежат. Кажется, что эта операция приносит ей облегчение.

Она выпрямляется и выходит из кабинета спокойно, словно отомстившая обидчику.

Час спустя (время – около восьми вечеря) в детской.

Флисс, сидя у изголовья Матильды, складывает в саквояж свои инструменты.

За кадром – хрип малышки.

Фрейд и Марта, стоя, молча наблюдают за ним. Он встает и выходит. Фрейд следует за ним в коридор. Марта присоединяется к мужчинам.

Флисс. Дифтерийный ларингит.

Фрейд бледнеет.

Марта. Это… это опасно?

Флисс. Фрейд я хочу сказать вам несколько слов в вашем кабинете.

Слышится звук закрываемой двери, потом – голос Флисса.

Флисс (*голос за кадром).* Я приду завтра утром. Если состояние ухудшится, дайте мне знать в любое время.

Хлопает входная дверь.

За кадром – звук входной двери.

За кадром – шаги Фрейда.

Фрейд выходит из кабинета, проходит мимо Марты, не замечая ее. Входит в детскую.

Он подходит к больной дочери и смотрит на нее с глубокой нежностью. Малышка пытается ему улыбнуться.

Фрейд. Тебе больно? Чего ты больше всего хочешь? Больше всего на свете?

Ребенок пытается ответить. Наконец она приглушенным голосом шепчет: «Клубники».

Фрейд. Хорошо.

Он почти выбегает из комнаты. Входит Марта и садится на его место.

На улице. Продовольственная лавка.

Железная штора спущена. Фрейд кулаками стучит по железу.

На втором этаже открывается окно. С балкона склоняется старик в очках.

Старик. Ну что вы хотите в такой час?

Фрейд. Клубники.

(28)

В детской.

Чуть позже. Наступает ночь. Марта сидит у кровати. С другой стороны мы видим Фрейда, лицо его осунулось.

Ребенок мечется и, кажется, бредит. На ночном столике – корзинка с клубникой. Девочка к ней не притронулась.

Марта бросает на Фрейда тяжелый и холодный взгляд.

Марта (*шепотом).* Я имею право знать, что он сказал.

Фрейд. Да. (*Пауза.)* Один шанс из двух. У нее… (*Показывает себе на горло.)* Здесь… У нее в горле дифтерийная пленка, которая ее душит. Если за ночь она сможет от нее избавиться…

Марта. А если не сможет…

Фрейд молчит.

Глубокая ночь. Марта пошла проведать сыновей, чьи кроватки она велела перенести в свою комнату. Они спят.

Фрейд на цыпочках снова подходит к изголовью Матильды. Та внезапно открывает глаза и смотрит на него с таким напряжением, словно хочет что-то сказать.

Фрейд наклоняется к ней.

Фрейд. Чего тебе хочется, маленькая моя?

Маленькая Матильда. Клубники.

Фрейд берет корзиночку и показывает ее дочери. Вынимает одну ягоду, с которой сдирает хвостик, и сам кладет ее в рот ребенку.

Фрейд. Спокойно! Тихонечко! Если тебе трудно глотать, сплюнь.

Малышка с трудом начинает жевать. Марта с недоверием смотрит на Фрейда.

Марта. Ты уверен, что можно?

Фрейд с грустью пожимает плечами. За кадром – кашель задыхающегося ребенка.

Марта (*сверкая глазами* от *гнева).* Понимаешь, что ты сделал?

Фрейд (*Матильде).* Выплюнь ее, выплюнь скорее!

Матильда кашляет и все больше давится. Она приподнимается и

ее рвет на одеяло.

Фрейд*(Марте)*. Постой! Постой! *(Кашель малышки постепенно стихает, и она откидывается на подушку.)* Послушай дыхание.

Дыхание еще свистящее, но уже более ровное. Фрейд и Марта какое-то мгновение продолжают прислушиваться.

Фрейд. Она спасена. *(Малышка улыбается отцу.)* Меньше болит?

Маленькая Матильда. Да.

Она закрывает глаза и засыпает.

Марта спокойно встает, снимает грязное белье, берет из шкафа другое и, не мешая ей спать, поправляет постель Матильды. Потом уносит испачканное и снова возвращается.

Фрейд смотрит, как Матильда спит, с какой-то смутной улыбкой избавления. Марта завершила свою работу. Она садится и вдруг начинает беззвучно рыдать, уткнув голову в руки.

Фрейд встает и тихо подходит к ней. Обнимает ее за плечи. Она высвобождается резким, диким движением.

Марта. Не тронь меня!

Фрейд опускает руки.

Фрейд*(изумленно)*. Марта!

Марта спохватывается. Она равнодушно смотрит на мужа.

Марта*(холодным голосом)*. Извини меня. Я пойду. Я очень испугалась, понимаешь. Чудовищно испугалась.

Фрейд. У тебя усталый вид.

Марта. Да, я устала.

Он смотрит на нее с глубоким волнением и уныло садится на свое место.

Ребенок дышит почти нормально. Марта и Фрейд, сидя по обе стороны постели, с усталыми лицами, смотрят прямо перед собой, не видя друг друга.

Рассвет. В окне светлеет. По улице проезжает двуколка молочника. Фрейд и Марта по-прежнему молча сидят у изголовья Матильды. Ребенок спит. Сон его довольно тихий, лицо спокойное к удовлетворенное. Фрейд и Марта постарели и подурнели от усталости (проступили морщины, подглазины).

Фрейд погружен в раздумье. Вдруг он бросает взгляд на Марту.

Фрейд (*вполголоса)*. Марта!

Она смотрит на него без нежности и без ненависти.

Фрейд. Ты сердишься на меня?

Марта *(равнодушно, но искренне)*. Нет.

Фрейд. Нет, сердишься. Из-за Доры, из-за вчерашнего.

Марта. Не будем говорить об этом.

Фрейд. Об этом надо говорить, Марта. Я…

Марта. Зачем? Я знаю, что ты мне скажешь. Что ты не хотел соблазнять Дору, что ты ее не любишь, даже не желаешь, что твое… вчерашнее поведение только эпизод лечения, что ты вечно будешь мне верен? Зачем? Во всем этом я глубоко убеждена.

Фрейд (*говорит нежно и искренне)*. Ну хорошо, а дальше что?

Марта. Мне не нравится то, чем ты занимаешься.

Фрейд. Заняться этим мне подал мысль твой друг Брейер.

Марта. Да. И ты видишь, к чему это его привело. Неужели ты действительно веришь, что это научное лечение?

Фрейд. Какое?

Марта. Влюблять в себя женщин, чтобы лечить их.

Фрейд.Кто это говорит?

Марта. Вы. Вы их гипнотизируете.

Фрейд. Гипнотизм не имеет ничего общего с этими… пустяками.

Марта – по-прежнему холодная – несколько возвышает голос.

Марта (*говорит чуть громче).* Я не знаю, влюбляете ли вы их в себя гипнозом. Ясно одно – они влюбляются в вас потому, что вы их гипнотизируете.

Фрейд (*искренне, не повышая голоса)*. Нет, неясно…

Марта (*не обращая внимания на его возражение).* Я нахожу это нечестным.

Она говорит без резкости, почти извиняясь, но в ее словах слышится непреклонность судьи.

Матильда шевелится и испускает слабенький стон, вероятно вызванный разговором, который смущает ее сон. Фрейд смотрит на дочь.

Фрейд*(Марте)*. Тсс!

Он бесшумно встает и подходит к окну. Смотрит на улицу, на людей, что идут на работу, на редкие проезжающие экипажи. Делает Марте знак подойти к нему. Она не хочет. Он настаивает.

Фрейд*(вполголоса)*. Поди сюда, пожалуйста.

Она встает и с некоторой неохотой приближается к нему. Марта прислоняется лбом к стеклу, чтобы немного остудиться.

Они разговаривают, не глядя друг на друга; оба смотрят на улицу.

Фрейд. Ты знаешь, я думаю, что гипнотизм – это следствие. Он никогда не бывает причиной.

Марта. Что это означает?

Чувствуется, что Фрейд формулирует мысль. Это вопрос, над

которым он никогда не задумывался.

Фрейд. Когда я впервые загипнотизировал Дору, она уснула мгновенно. Потому что доверяла мне, заранее хотела мне довериться.

Марта. Значит, она была влюблена.

Фрейд смеется мелким, натянутым, невеселым смехом.

Фрейд *(неизменно ироничным и презрительным голосом, которым говорит о себе).* Влюблена, да. Но не в меня. Посмотри на меня, Марта, и скажи, разве можно…

Она устало и невесело перебивает его.

Марта. Ты всегда твердишь это. Если ты достаточно хорош для меня, почему бы ты был плох для нее?

Фрейд постукивает по стеклу. Он ищет ответа. Внезапно поворачивается к Марте и отвечает ей со сдержанной пылкостью. Ответ ясен.

Фрейд. Не будем говорить обо мне. Возьмем Сесили. Она не любила Брейера как мужчину. В его руках она чувствовала себя ребенком: он подавлял ее, был властным и нежным. Он был словно вторым воплощением мертвого отца и… *(Ищет мысль.)* Она… перенесла на него чувства, которые испытывала к своему отцу.

Марта, потрясенная и возмущенная, оборачивается к Фрейду.

Марта. Но это глупо! *(После паузы.)* А Дора? Ее отец еще жив.

Фрейд. Значит, это кто-то другой. Кто-то моего возраста… кого она любит, не признаваясь себе в этом. Она любит меня вместо этого человека.

Они смотрят друг на друга.

Марта. Какого человека?

Фрейд. Я не знаю. Но найду его. Во всяком случае… Это перенос чувства… Я – всего лишь образ другого, символ. Она тоже осуществила трансфер.

Марта. Трансфер? Какое забавное слово. Оно объясняет все. А моя любовь к тебе тоже трансфер?

Фрейд. Почему бы нет?

Марта. Значит, мы всегда любим только тени?

Фрейд. Не знаю. Вот нечто, что я понял… Посмотрю, куда это меня приведет…

Марта *(иронично и холодно).* И без трансфера нет гипноза?

Фрейд. Во всяком случае, нет доверия. Больная не заговорит. *(В состоянии озарения.)* Ты знаешь, трансфер должен присутствовать в отношениях врача и невротика.

Марта. Я и вижу.

Она оставляет Фрейда, который снова поворачивается к окну и с глубоко увлеченным видом задумывается.

Он не пытается ее удержать. Она бросает взгляд на больную дочку, которая спокойно дышит, выходит из комнаты, чтобы посмотреть на своих сыновей. Чувствуется, что она глубоко потрясена. Один из сыновей во сне сбросил одеяло; она поправляет его и нежно укутывает сына, не переставая размышлять. Потом возвращается в детскую и подходит к Фрейду, который стоит на том же месте. Короткая пауза.

Марта. Это грязно.

Фрейд. Что?

Марта. Эти лживые любови… эти подмены, способ, благодаря которому вы этим пользуетесь…

Фрейд. А ты полагаешь, что болезнь чиста?

Марта. Я честная женщина, и ты гордишься этим. Когда-то ты запретил мне кататься на коньках, ты даже не хотел, чтобы я здоровалась с Ирмой Штейн, потому что у нее была дурная репутация. И даже сегодня ты запрещаешь мне читать кое-какие книги. Я говорю тебе откровенно, во имя той, кем я всегда была, и той, какой ты меня сделал, мне жутко от того, что происходит в твоем врачебном кабинете. Это не из ревности, из отвращения. Подумай серьезно, Зигмунд, ты уверен, что жена может жить с мужем, чьи занятия внушают ей отвращение?

Фрейд с тревогой смотрит на нее. Солнечный свет освещает их осунувшиеся и почерневшие лица: подглазины и морщины подчеркивают какой-то трагичный и безысходный характер их спора.

Марта. Ты не хочешь отказаться от этой… *(с язвительной иронией)* терапии?

Фрейд потрясен. Он держит себя нежно и мягко по отношению к ледяной Марте.

Фрейд. Марта! Ты же знаешь, что отступать нельзя.

Марта. Даже если рискуешь потерять себя?

Фрейд. Мы уверены, что открыли…

Марта. Постыдную тайну. Что-то вроде семейного позора. Когда-то ты мне рассказывал обо всем… Теперь ты молчишь, но, когда вечером выходишь из кабинета, у тебя такие глаза, которые меня пугают. *(Неожиданно и пылко обнимает его. Страстно.)* Зигмунд, неужели ради нашего счастья ты не хочешь…

Раздается (за кадром) звонок.

Фрейд и Марта не слышат его. Фрейд смотрит на Марту с какой-

то исполненной отчаяния страстью.

Звук открывающейся двери.

Дверь открывает горничная.

Голос горничной за кадром. Доктор Флисс пришел.

Лицо Марты цепенеет, она разжимает руки. Фрейд выпрямляется, глядит сурово.

Фрейд. Нет, Марта. Даже ради нашего счастья.

Марта *(снова ледяным тоном).* Тогда больше не говори мне ни о чем. Никогда. Пусть будут наши дети, дом, близкие. Обо всем прочем я знать не хочу.

Фрейд с тревогой на нее смотрит.

Марта отворачивается от него и обращается к Флиссу, которого мы не видим.

Марта. Здравствуйте, доктор. Я думаю, что наша девочка спасена.

(29)

Спустя две недели. После полудня.

Флисс и Фрейд идут по залитому ярким солнцем Рингу; они идут по направлению к большому каменному мосту через Дунай. На Ринге толпы людей, мелькают туалеты дам, сияют витрины роскошных магазинов.

Флисс (он – в цилиндре и черной визитке, с тростью – одет гораздо элегантнее Фрейда) разглядывает прохожих и витрины с исполненной горечи веселостью.

Прошла красивая женщина, дерзко взглянув Флиссу прямо в глаза.

Тот ответил ей победоносным взглядом донжуана и даже проводил ее глазами, бесстыдно оглянувшись вслед. Кажется, что именно с ней он прощается.

Флисс *(с легкой грустью, чуть-чуть над ней подтрунивая).* Прощай! Прощай!

Фрейд не скрывает своей печали. Он идет сквозь толпу, не замечая людей.

Фрейд (*услышав слова Флисса, словно очнулся).* С кем это вы прощаетесь?

Флисс *(делая неопределенный жест).* Со всем вокруг. С Веной.

Фрейд *(искренне удивившись).* Неужели вы любите Вену? Я ненавижу ее. Ничтожные люди! Жалкие любвишки! Мелкая сволота! И, считая туристов, здесь больше антисемитов, чем жителей.

Флисс *(добродушно).* Вы бы не смогли жить в другом месте.

Фрейд. Верно. Но сегодня вечером я останусь в Вене совсем один. Когда вы уедете, в этом городе некому будет интересоваться моими исследованиями. (*Кажется, он впервые обращает внимание на прохожих, на их усталые, озабоченные, невыразительные или глуповатые лица)* Некому…

Флисс *(искоса взглянув на него).* Однако вы снова встречаетесь с Брейером.

Фрейд *(слегка смутившись).* После его возвращения виделся с ним два раза. Он бросает психиатрию.

Флисс. Черт возьми! Для этого надо прочно стоять на ногах. Чем он намерен заняться?

Фрейд. Возвращается к неврологии, это его специальность. *(Пауза.*

С робостью.) Мы вместе пишем книгу.

Флисс *(недоверчиво смотрит на Фрейда).* О чем же?

Фрейд. О его методе катарсиса. *(Пауза.)* Мы условились, что не станем касаться проблем сексуальности.

Флисс. Что же тогда остается? Болтовня.

Фрейд *(спокойно).* Флисс, когда дети вырастают, настает их черед кормить родителей. Брейер помог мне. Я уважаю его, как собственного отца, и буду уважать, что бы ни случилось. Он погрязнет в медицинской практике, а мне хочется, чтобы он написал… свою книгу.

Флисс. В вас слишком много добрых чувств, Фрейд. Избыток. Не забывайте, что наука бесчеловечна.

Фрейд дружески на него смотрит, хочет что-то сказать, но молчит. Проходит Дора под ручку с офицером. Фрейд кланяется ей, но она отворачивается. Флисс, который тоже намеревался поклониться, заметив это, не кланяется.

Флисс. Кто она?

Фрейд. Это Дора, вы же знаете. У нее невроз навязчивости. Внезапно она перестала приходить ко мне.

Флисс оборачивается и смотрит на Дору, которая слегка прижимается к офицеру.

Флисс. Она, кажется, вылечилась.

Фрейд не оборачивается.

Фрейд *(мстительно усмехнувшись).* Она была бы совсем здоровой, если бы поклонилась мне.

Они вышли к берегу Дуная, перешли набережную и вступили на мост. По шоссе проехало несколько карет. Тротуар безлюден. Они дошли до середины моста.

Флисс *(неожиданно останавливает Фрейда).* Здесь, над рекой, посреди города – идеальное место.

Фрейд. Действительно, идеальное.

Они облокотились на перила. Справа набережную окаймляют дома, над которыми возвышается огромное чертово колесо парка Пратер. Флисс достает из кармана два кольца; на оправе выгравированы змеи.

Флисс. Одно – вам, одно – мне. *(Улыбается, показывая, что шутит.)* Мы с вами создаем тайное общество. *(Более серьезно.)* Сегодня, 13 июля 1892 года, в Вене, на мосту через Дунай, стоят два человека, и только им ведома тайна природы: сексуальность правит миром. (Он *обернулся на перестук колес и показал на солидного господина – седая борода, ордена, минимум государственный*

советник, – который проезжал мимо в собственном экипаже.) Им тоже правит сексуальность, но он об этом не знает. (Он *в упор смотрит на Фрейда. В его больших, мечтательных глазах мелькают искорки.)* Фрейд, давайте заключим договор. Вы живете в Вене, я – а Берлине. Вы – психиатр, я – физиолог и математик. Больные будут сообщать вам факты, а я рассчитывать, когда они имели место. Ритм, все в нем, все – в ритме и числе. Возьмите кольцо. *(Протягивает кольцо Фрейду, который не решается его взять.)* Что с вами? Вы боитесь?

Задетый за живое, Фрейд поворачивается к Флиссу, берет кольцо, но не надевает его на палец, а держит в руке.

Фрейд*(сдрожью в голосе).* Что ж, вы правы… Мне страшно. *(Он боится и не скрывает своего страха.)* Придется копаться в грязи. Снова и снова, всегда. Это, это… меня ужасает… *(Флисс молча смотрит на него.)* К тому же я боюсь потерять Марту. Она ни о чем не знает, но догадывается, И думаю, осуждает меня. Я люблю ее потому, что она, подобно мне, строга и стыдлива. Она порицает меня во имя добродетелей, которым привержен я сам. (*Разглядывает свое обручальное кольцо и кольцо Флисса.)* Она будет жить рядом, словно чужая. Жить в этом изнеженном, развратном городе, который каждый день будет нашептывать ей: твой муж – грязный еврей, такая же свинья, как все евреи.

Долгое, тягостное молчание.

Флисс. Под нами Дунай. Если вы отказываетесь, бросьте кольцо в воду.

Фрейд *(говорит хриплым, еле слышным голосом, словно не слыша Флисса).* Но главное, что больше всего я боюсь себя…

Флисс *(с презрительным высокомерием).* Семья, город, какое они имеют значение? Мы станем всемогущи, Фрейд. (Он *указывает в сторону набережной, забитой каретами и людьми.)* Мы узнаем тайные инстинкты людей, истоки того, что они называют добром и злом, и благодаря разуму, будем господствовать над ними.

Неожиданно Фрейд рассмеялся.

Флисс *(растерянно).* Что с вами?

Фрейд. Я вспомнил беднягу Мейнерта. Он сказал мне: «Заключите договор с дьяволом». *(Надевает кольцо на указательный палец.)* Вот я и заключил.

Флисс улыбается и тоже надевает кольцо.

Флисс. Каждую неделю мы будем писать друг другу. У нас будут тайные встречи.

Фрейд. Научные «конгрессы» двоих.

Фрейд овладел собой, теперь он почти весел.

Флисс. Через десять лет мы научимся управлять людьми. *(Он крепко пожимает Фрейду руку.)* Отныне, брат мой, мы должны говорить друг другу «ты».

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ

(1)

Кабинет Фрейда на первом этаже в том же доме.

Семья сохранила квартиру на четвертом этаже, который полностью отошел в ее распоряжение.

Об этом мы узнаем позднее из диалога. Сейчас перед нами – врачебный кабинет. Такой же, что мы уже видели.

Сходство объясняется тем, что он занимает в квартире на первом этаже ту же площадь, что и на четвертом.

Единственное различие в меблировке вызвано новыми вкусами Фрейда: те же кресла, тот же диван, правда более потертые, но на каминной полке, письменном столе, столиках, которые были и прежде, маленькие египетские статуэтки (подлинные, но весьма невыразительные).

Мужчина в черном сюртуке, очень худой, с робким взглядом за стеклами очков, ждет, поставив рядом с собой на ковер цилиндр, скрестив руки на набалдашнике трости.

У него бледно-голубые, холодные и ясные глаза, седенькая, довольно длинная, но реденькая бородка, прекрасная, почти белоснежная шевелюра. Этот мужчина лет шестидесяти, без всякого сомнения, персона важная (в петлице – награды), его худоба, а также строгий вид создают впечатление аскетичности.

Кажется, что в этот момент он чем-то глубоко недоволен, но молчит.

Голос Фрейда за кадром *(все более жесткий и властный).* Говорите, Магда, говорите! Я приказываю вам. Речь шла о перчатке.

Голос Магды *(за кадром).* Какой перчатке?

Старый господин взял со столика египетскую статуэтку и со скукой рассматривает ее.

Голос Фрейда за кадром. Той, что вы видели во сне.

Голос Магды *(сонный и усталый).* Я не помню.

Старый господин. Это не имеет никакого смысла. Уже пятнадцатый сеанс, а мы ни на шаг не продвинулись.

Мы видим Фрейда, сидящего (как обычно) у изголовья загипнотизированной больной. На сей раз это старая дева (лет примерно

тридцати пяти), тоже очень худая, полностью одетая в черное, с невыразительным лицом (и не только потому, что она действительно некрасива, но и потому, что кажется, будто она никогда не была молодой и веселой).

Сейчас глаза у нее закрыты. Но даже в состоянии гипноза она выглядит мрачной и неприятной. Фрейд, услышав замечание отца, в ярости оборачивается к нему.

У него снова тот угрюмый вид, какой был в первой части и в начале второй.

Но он приобрел уверенность и почти тираническую властность, особенно по отношению к больным. В его глазах, в уголках губ затаилась какая-то смесь презрения и резкости.

Теперь его можно назвать грубым человеком, готовым насиловать сознание своих больных, чтобы удовлетворить научное любопытство. В то же время – это контрастирует с его властностью – его жесты стали более нервными. Изредка он кашляет. Коротким и сухим кашлем, который разрывает ему горло. Он не курит.

Фрейд (*вежливо, но очень твердо).* Тсс! (Он *тихо встает и подходит к отцу. Говорит решительно, но почти шепотом.)* Надо признать, господин советник, что вы не облегчаете мою задачу. Я ни разу не оставался с Магдой наедине. Вы присутствуете на всех сеансах.

Советник *(в том же тоне).* Я никогда не позволю мужчине гипнотизировать Магду в мое отсутствие. Даже дипломированному врачу.

Фрейд (*нетерпеливо).* В таком случае соблаговолите помолчать.

Они обмениваются яростными взглядами, и Фрейд возвращается на свое место.

Магда *(открыла глаза, говорит громко).* Я вспомнила все. Это перчатки моего отца.

Глаза Фрейда сверкают.

Фрейд*(голосом полицейского детектива, с недобрым любопытством).* Когда он их носил?

Магда. Это было в Китцбюхеле. Через два года после смерти мамы.

Фрейд. Сколько лет вам было?

Магда. Шесть.

Крик Магды за кадром.

Магда издает страшный крик. Старик даже не вздрагивает. Он

сидит прямо, устремив взгляд вдаль.

Голос Магды за кадром *(она кричит, рыдая).* Он сделал мне больно! Он напугал меня! Он перестал быть моим отцом. Никогда я не выйду замуж, я больше не могу видеть этот взгляд! *(Эта исповедь заканчивается бессвязными криками.)*

Советник не шелохнулся. Его лицо не меняет выражения, но вдруг из его глаз молча полились слезы. Он и не думает протестовать.

Фрейд обернулся; смотрит на плачущего советника.

Он глядит на него и с изумлением, и с презрением.

Советник даже не смотрит на Фрейда. Фрейд склоняется к Магде. Успокаивает ее, положив на лоб ладонь. Она перестает дрожать, а охватившее ее страшное возбуждение быстро спадает.

Фрейд *(властно).* Сейчас вы проснетесь, Магда. Но я приказываю вам вспомнить слово в слово все, о чем вы мне сказали. Вы будете слушаться меня?

Магда *(вздохнув).* Да.

Фрейд. Проснитесь, Магда! Проснитесь! Вы проснулись.

Магда открывает глаза. Постепенно ее лицо вновь приобретает то печальное и всепонимающее выражение, какое у него должно быть в обычном состоянии.

Она приподнимается и садится на диване.

Фрейд. Вы помните, что говорили мне?

Магда*(не меняя выражения лица, отвечает слабым, но бесстрастным голосом).* Да.

Фрейд отстраняется от нее, но по-прежнему сидит.

Она встает. Молча берет свою шляпу и надевает ее, не оборачиваясь к зеркалу.

Ее жесты несколько замедленны, можно сказать, еще какие-то онемевшие, но точные. Фрейд молча наблюдает за ней.

Советник тоже встает. Он перестал плакать.

Магда направляется к двери, а советник следует сзади.

Он не взял свой цилиндр, который стоит на ковре возле кресла. Магда замечает, что он с непокрытой головой. Она простым и совсем привычным жестом поднимает цилиндр, подходит к советнику и подает ему. Лицо ее совершенно бесстрастно.

Магда. Твоя шляпа, папа.

Советник берет цилиндр и держит его в руке. В это время Фрейд открывает дверь и они выходят. Магда идет впереди, отец – за ней. Они молча пересекают прихожую. Магда снимает с вешалки свой черный зонтик, открывает дверь и выходит на улицу; отец – следом.

Фрейд, который остался в кабинете, снова закрывает дверь, возвращается на середину комнаты. Потом, словно машинально, подходит к окну и распахивает его.

Тут зрители замечают, что они на уровне улицы. Под ярким солнцем Фрейд видит одетых в черное отца и дочь, которые рядом, не говоря ни слова, пересекают Берггассе. Они удаляются, сворачивают направо и исчезают.

Фрейд закрывает окно, проходит в глубь кабинета. Его лицо выражает смешанное чувство презрения и отчаяния. Он подходит к египетской статуэтке и долго ее рассматривает. Глаза его несколько светлеют. Он обходит письменный стол, берет открытую маленькую коробку, где лежит какой-то обложенный соломой предмет.

Выходит из кабинета через ту же дверь, что советник с дочерью.

Снимает с вешалки шляпу, надевает ее (маленькую коробку он держит левой рукой, прижимая к себе) и поднимается по лестнице.

(2)

На четвертом этаже он останавливается перед дверью и звонит три раза. Горничная сразу же ему открывает. Она постарела, но в ее глазах, когда она видит Фрейда, сохраняется некое страстное восхищение. Фрейд не обращает на это внимания. Он отдает ей шляпу и проходит в коридор.

Фрейд. Телеграммы не было?

Горничная. Нет, хозяин.

Маленькая Матильда (ей десять лет) и два сына (четыре и шесть лет) выбегают из детской и бросаются к нему.

Дети *(радостно).* Папа! Папа пришел!

Лицо Фрейда светлеет; он улыбается им с глубокой нежностью.

Фрейд *(ласково).* Осторожно, дорогие мои, осторожно. *(Показывает на коробку.)* А то вы все разобьете. Матильда, возьми коробку и отнеси в столовую. Главное, будь осторожнее.

Марта *(выходя из кухни).* К столу! К столу!

Фрейд обнимает ее за плечи и целует в лоб. Они весело и ласково улыбаются друг другу, но без той глубокой, влюбленной нежности, которая соединяла их в двух первых частях.

Все входят в столовую. Стол накрыт. Пока дети рассаживаются, Фрейд подходит к маленькому столику, на который Матильда поставила коробку. Он вынимает из соломы маленький египетский бюст.

Марта смотрит на него с еле уловимым недовольством.

Марта. Еще одна! Главное, не роняй на пол соломинки! Они цепляются за ковер, и их уже ничем не вычистишь.

Фрейд садится за стол, не расставаясь со статуэткой. Он ставит ее чуть слева от себя и рассматривает.

Маленькая Матильда *(с детским восхищением).* Какая она красивая!

Фрейд (в *восторге от этой похвалы).* Да. *(Горничная приносит блюдо с мясом. Марта накладывает Фрейду.)* Телеграмму не приносили?

Он спрашивает об этом просто для очистки совести.

Марта. Нет, дорогой мой. (Он *слегка помрачнел.)* В чем дело? Разве ты ждал телеграмму?

Фрейд. Это из-за Флисса. Мы должны встретиться в Берхтесгадене в начале будущей недели, но он не уточнил, в какой день.

Марта *(она неприятно удивлена).* Ты мне об этом не говорил. Значит, ты нас покидаешь?

Фрейд. Да, на три дня. Если Флисс подаст признаки жизни.

Он ест, не сводя глаз со статуэтки. Пауза.

Матильда. Папа!

Марта*(делая большие глаза и прикладывая к губам палец).* Тсс!

Матильда (*не обращая внимания на Марту).* Папа! Почему ты, когда ешь, смотришь на куклу?

Фрейд *(не отрывая глаз от статуэтки, ласково).* Потому что, дорогая моя, для меня это единственные минуты отдыха.

Матильда. Ты мог бы поговорить с нами.

Фрейд *(поворачивает голову и с нежностью смотрит на Матильду).* Не могу. Потому что… (Он *с еле уловимой, иронией запнулся, зная, что его не поймут.)* Моя работа состоит в том, чтобы знать людей такими, каковы они есть. А это не очень весело. Когда я отдыхаю, мне больше нравится смотреть, чем люди занимаются.

Снова воцаряется тишина. Фрейд поворачивается к статуэтке и погружается в ее созерцание.

(3)

Два часа пополудни.

Брейер выходит из своего экипажа, входит в дом и поднимается по лестнице.

Пройдя несколько пролетов, замечает свою ошибку и снова спуска-

ется на первый этаж. Звонит в дверь.

На двери позолоченная табличка: «Доктор Фрейд, невролог и психиатр». Ему открывает сам Фрейд с сигарой в зубах.

Фрейд *(дружески).* Здравствуйте, Брейер.

Брейер. Здравствуйте, Фрейд. Знаете, я уж было собрался подняться на четвертый этаж. Я никак не могу привыкнуть к новому расположению вашего кабинета.

Брейер смеется. Он приветлив и изысканно вежлив, утратил тон несколько покровительственного превосходства, но в его голосе больше не ощущается великодушия, которое некогда характеризовало его отношение к Фрейду.

Фрейд. Знаете, я сделал это в основном ради Марты. Наверху, не правда ли, жизнь семейная: дети, домашние заботы, мебель – тот образ, который ей нравится. Когда я принимал своих больных на четвертом этаже, у нее возникало такое чувство, будто я вторгаюсь в ее личную жизнь.

Они вошли в кабинет Фрейда. Тот указывает Брейеру на стул. Усаживаются по одну сторону письменного стола Фрейда.

Брейер вынимает из папки рукопись, которую кладет перед Фрейдом.

Брейер. Вот наше введение. *(Фрейд берет рукопись. Кашляет.)* Что это у вас за кашель? *(Фрейд пожимает плечами.)* Я думал, вы бросили курить.

Фрейд. Флисс разрешает мне пять сигар в день. *(Имя Флисса Брейеру неприятно. Это очевидно)* Это первая сигара сегодня. Самая вкусная. *(Он перелистывает рукопись, потом слегка отодвигает ее.)* Если вы разрешите, мы прочтем ее позднее. *(Смотрит на часы.)* Через десять минут я жду больную. Госпожу Дёльнитц. Она меня беспокоит. Я хотел, чтобы мы посмотрели ее вместе.

Брейер *(вежливо, но без восторга).* С удовольствием. Но вы же знаете, что мы с вами расходимся…

Фрейд *(живо).* Дело не в наших разногласиях. *(Встает.)* Суть в том, что она плохо реагирует на гипноз. Или, быть может, я не могу ее загипнотизировать. Наоборот, когда она лежит на этом диване, не засыпая, мне кажется, что она говорит с большей охотой и гораздо больше о себе рассказывает. *(Брейер слушает его недоброжелательно)* Разумеется, трансфер очевиден.

В дверь звонят.

Слуга. Пожаловал господин Дёльнитц.

(4)

Входит Дёльнитц. гигантского роста мужчина лет тридцати пяти. Без бороды, носит бакенбарды. Красное лицо, огромные бицепсы распирают рукава его пиджака.

У него здоровый и веселый вид заядлого спортсмена, мало приспособленного для интеллектуальных занятий. Сейчас он сильно раздражен.

Фрейд при виде здоровяка принимает вызывающий вид: он будет сохранять самообладание на протяжении всей сцены, но чувствуется, что в нем пылает холодный и сильный гнев.

Фрейд *(холодно).* Господин Дёльнитц, я ведь ждал вашу жену.

Дёльнитц *(тем же тоном, но менее владея собой и с большей наигранной грубостью).* Доктор Фрейд, я пришел сказать вам, что ноги ее здесь больше никогда не будет.

Фрейд. Ну что ж, вы свое дело сделали. Теперь можете идти.

Дёльнитц *(вместо того, чтобы послушаться Фрейда, берет стул и садится).* Если позволите, я хочу кое-что вам сказать.

Фрейд. Господин Дёльнитц, вы допускаете то, что называют нарушением неприкосновенности жилища. И я мог бы попросить полицию заставить вас убраться отсюда. Но из уважения к вашей жене, которую пока считаю своей пациенткой, я согласен выслушать вас.

Дёльнитц*(онявно несколько смутился и с недоверием смотрит на Брейера).* Я не знаком с этим господином.

Фрейд. Это доктор Брейер, крупный невропатолог. Я буду говорить с вами в его присутствии, или вы уйдете отсюда. *(Брейер намеревается встать.)* Нет, Брейер, я прошу вас остаться.

Слуга *(открывая дверь).* Там спрашивают доктора Брейера, говорят, что срочно.

Брейер встает.

Фрейд *(обращаясь к Дёльнитцу).* Вам повезло.

Брейер выходит. Дёльнитц провожает его взглядом.

Фрейд. Слушаю вас.

Дёльнитц. Господин Фрейд, вы – не врач.

Фрейд. Я шарлатан. Это известно. Это все, что вы хотите мне сказать?

Дёльнитц. Нет.

Открывается дверь. Появляется Брейер, не снявший шляпы.

Брейер. Срочный вызов. Я вернусь через полчаса.

Закрывает дверь.

Фрейд *(Дёльнитцу).* В вашем распоряжении полчаса.

Дёльнитц. Господин Фрейд, с тех пор как вы лечите мою жену, она совсем разболелась.

Фрейд. Разве раньше она была здорова?

Дёльнитц. Нет.

Фрейд. В чем же дело? Почему вы послали ее ко мне?

Дёльнитц. Она болела. Но не так серьезно.

Фрейд. Господин Дёльнитц, ваша жена страдает ярко выраженным синдромом страха. Если вам так дорог ваш покой, привяжите ей камень на шею и утопите в Дунае.

Дёльнитц. Она мне больше не жена. *(Фрейд поднимает брови с иронически удивленным видом.)* Вы запретили ей вступать со мной в отношения.

Фрейд *(притворяясь, что не понимает).* Какие отношения?

Дёльнитц. Вы прекрасно знаете, что я хочу сказать. Те отношения, которые жена обязана иметь со своим мужем.

Фрейд. Вот оно что! Понятно. Так слушайте: я запретил ей эти… отношения на время лечения.

Дёльнитц. Но это же природа, господин Фрейд.

Фрейд. Вам прекрасно известно, что она возненавидела эти отношения.

Дёльнитц *(растерянно).* Она вам рас.. Да, ей это не нравилось, но все-таки она соглашалась. А сегодня…

Фрейд. Каждый раз, когда она соглашалась, она переживала кризис страха. Неужели вам не стыдно требовать от вашей жены?

Дёльнитц. Ах! Но я не могу без этого, господин Фрейд. Это наша драма.

Пауза. Дёльнитц понуро сидит в кресле. Неожиданно его снова охватывает гнев.

Дёльнитц. И вы намерены вылечить ее, забивая ей голову этим свинством?

Фрейд. Каким свинством?

Дёльнитц встает и начинает расхаживать по комнате.

Дёльнитц. Вот уже две недели, каждый раз, когда она приходит от вас, она рассказывает нам о своем дяде Губерте, говорит только о дяде Губерте. Я не желаю, чтобы вы напоминали ей о дяде Губерте.

Фрейд. Почему?

Дёльнитц. Во-первых, потому, что он умер.

Фрейд (с *иронической улыбкой).* И что же во-вторых?

Дёльнитц. А во-вторых, потому, что это свинство.

Фрейд. Свинство говорить о ее дяде?

Дёльнитц. Да.

Фрейд. Вот оно что! Почему же?

Дёльнитц. Потому что он был свиньей. (*Пауза. Говорит грубым тоном.)* Вы своего добьетесь, господин Фрейд, добьетесь! Заставите поверить, что дядя Губерт ее изнасиловал.

Фрейд (с *живым интересом).* Ах, вот в чем дело! *(Пауза.)* Значит, это неправда?

Дёльнитц. Правда, господин Фрейд. *(Спохватившись.)* Правда, господин доктор! Но для нее это ложь!

Фрейд. Почему?

Дёльнитц. Потому что от нее это скрывали. Все, начиная с ее матери. И кончая мной, когда мне призналась в этом ее мать. (С *вызовом.)* Мы-то люди тактичные.

Фрейд. А куда девалось это воспоминание? Неужели вы думаете, что оно испарилось? Оно по-прежнему живет в ней, господин Дёльнитц, живет бессознательно, в подавленном состоянии, и именно оно все отравляет. Это воспоминание порождает ее страхи! Оно внушает ей отвращение к любви!

Дёльнитц слушает, разинув рот от удивления, мучительно пытаясь понять Фрейда.

Дёльнитц. Вы хотите сказать, что это не я вызываю у нее отвращение?

Фрейд. Конечно, не вы. В детстве она пережила шок, который привел к тому, что ей стали противны все мужчины.

В дверь стучат.

Фрейд. Войдите!

Это Брейер. Он бледен и мрачен, смотрит на Фрейда с какой-то злобой.

Фрейд, поглощенный беседой с Дёльнитцем, улыбается Брейеру, не замечая выражения его лица.

Фрейд*(повернувшись к Дельнитцу, с глубокой искренностью).* Да, вы больше не будете внушать ей отвращение.

Дёльнитц*(очень довольный, встает).* Спасибо вам, доктор!

Фрейд*(тоже встает, говорит тем же властным, но спокойным тоном).* Вы заставили ее пропустить сеанс. *(Провожая его до двери.)* Скажите ей, чтобы она пришла завтра, в семь часов вечера.

(5)

Фрейд *(обращаясь к Брейеру).* Это уже тринадцатый случай.

Брейер *(вздрагивает, он думает о другом).* Что?

Фрейд. Тринадцатый случай невроза, в котором я выявил, что больной в детстве стал жертвой сексуальной агрессивности взрослого.

Брейер слушает его рассеянно, с мрачным довольством человека, которому предстоит сейчас утолить свою злопамятность, разыграв роль поборника справедливости.

Брейер. Сегодня утром вы навещали Магду?

Фрейд. Да. А что?

Взглянув на Брейера, Фрейд внезапно умолкает. Ему страшно, он не смеет задать вопрос.

Брейер *(говорит равнодушным, но плохо скрывающим его злорадное торжество голосом).* Меня вызвал ее отец. Она выбросилась из окна.

Фрейд *(он с трудом обрел дар речи).* Погибла?

Брейер. Да нет. Переломы, контузия, но, если не произошло внутреннего кровоизлияния, думаю, выкарабкается.

Фрейд поворачивается и медленно подходит к письменному столу, смотреть на него страшно. Он кашляет.

Фрейд. Утром она мне призналась, что отец надругался над ней, шестилетней.

Брейер (с *возмущением).* Она сказала вам грязную ложь, это вы толкнули ее к признанию!

Фрейд *(резко оборачивается к Брейеру, но отвечает ему без грубости, с глубокой грустью).* Брейер! Отец присутствовал при этом и плакал. Но ни словом не возразил.

Брейер *(с почти комическим изумлением).* Он же член Высшего Совета! *(По его растерянности чувствуется, что он неизменно уважает официальных лиц и сильных мира сего.)* Немыслимо!

Похоже, он потрясен не меньше Фрейда, который, обойдя письменный стол, понуро, с усталым видом опускается на стул.

Брейер *(убежденно).* Надо бросить это, Фрейд.

Фрейд *(не поднимая головы, мрачно).* Что бросить?

Брейер. Все, все это.

Фрейд. Но ведь это ваш метод.

Брейер. Нет уж, позвольте! Я отказываюсь его признавать.

Фрейд. Вы раскрывали больным правду о них самих.

Брейер. Только тогда, когда они были в силах ее выносить.

Фрейд *(глухим голосом, глядя прямо перед собой).* Истинной правды о себе не в силах вынести никто.

Брейер. Вот видите!

Фрейд. Мы здесь для того, чтобы найти эту правду и помочь людям бесстрашно взглянуть на себя. С нашей помощью они сумеют это сделать. Когда поет петух, вампиры исчезают, они не выносят дневного света.

Брейер. Магда хотела покончить с собой потому, что обезумела от стыда и кошмара. Бывают случаи, когда более человечно солгать.

Фрейд. Разве Магда была менее безумной, когда лгала сама себе?

Брейер. Нет, но она была менее несчастной.

Фрейд. Лечение только началось. Я пойду к ней и…

Брейер. Вас не примут.

Фрейд *(удивленно).* Почему?

Брейер. Так сказал мне отец.

Фрейд. Но это преступление! Если сейчас прекратить лечение, то все пойдет прахом.

Брейер. Все и так пошло прахом, что бы вы ни делали. *(Пауза.)* Вам повезло, что ей не удалось покончить с собой. *(Пауза.)* Если Магда умрет, не хотел бы я оказаться в вашей шкуре.

Фрейд *(растерянно).* Все врачи идут на риск.

Брейер. На взвешенный риск – безусловно. Но не так, как вы. Они знают, чем рискуют, а вы не знаете.

Фрейд*(онподавлен жестокостью Брейера, но обращается к нему по-дружески, с какой-то вновь обретенной почтительностью).* Брейер, я переживаю тяжелое время… Не могли бы вы помочь мне…

Брейер*(онрастроган этой мольбой о помощи, напомнившей ему о времени, когда он покровительствовал Фрейду).* Я очень бы этого хотел, но что я могу сделать? Вам повсюду мерещится только секс, я не могу следовать за вами…

Фрейд. Из-за Магды?

Брейер. Да, из-за нее. Может быть, ваше объяснение ее невроза верно. Ну и что из этого? Не во всех же случаях оно верно. *(Властно, но дружески.)* Вы обманываете своих больных, Фрейд, подавляете их! Остановитесь, пока не поздно. Поверьте, мне прекрасно известно, что такое муки совести. *(Голос его дрогнул; он по дружбе рассказывает о своих муках Фрейду.)* Я видел Лёвенгута, который лечит мать Сесили. Они разорены. Живут в маленьком домике в Принц Эйгенгассе. Здоровье Сесили ухудшилось. *(Пауза.)* Уж лучше бы она умерла.

Фрейд*(онпришел в себя; признание Брейера придало ему дерзости).* Во что превратится наука, если ученые перестанут высказывать то, что они считают истиной? Вена прогнила насквозь!

Всюду лицемерие, извращения, неврозы! (Он *встает и начинает быстро расхаживать по кабинету.)* Неужто вы полагаете, будто мне доставляет удовольствие запускать руки в эту клоаку? *(Пауза.)* Член Высшего Совета! Аскетическое лицо! *(Грубо.)* Да он зверь! Если Магда умрет, он будет убийца, а не я. *(Подходит к Брейеру.)* Мы либо очистим этот город, либо взорвем его. *(Тоном глубокого убеждения.)* Я не могу представить себе здорового общества, которое основывается на лжи. *(Закашливается.)* Член Высшего Совета! *(Пьет воду, патом убежденно, очень мрачно говорит.)* Бывают дни, когда человек вселяет в меня ужас.

Смутившись, Брейер молча смотрит на Фрейда. Он подавлен его грубой, зловещей силой, хотя вместе с тем и жалеет своего друга.

Фрейд *(с большей мягкостью).* Вас не огорчит, если нашу работу мы отложим на завтра? *(Доверительно, почти исповедально)* Я совсем неважно себя чувствую. К тому же мне необходимо привести в порядок свои мысли.

Брейер *(ласково улыбается и в ответ пожимает ему руку. Он уходит, на пороге оборачивается и очень дружески говорит).* До завтра, Фрейд.

Дверь закрылась. Фрейд стоит неподвижно.

Фрейд*(неожиданно дрожащим голосом кричит).* Брейер!

Наружная входная дверь захлопнулась: Брейер его не слышит.

За кадром звук закрываемой двери.

(6)

Фрейд, оставшись один, снова закашливается. Он опять подходит к письменному столу: в графине больше нет воды.

Кашляя, он обходит письменный стад, прижимая правую руку к груди, на уровне сердца. У него страдальческий вид. Он опускается на стул, вытаскивает из жилетного кармана часы и кладет их на рукопись Брейера. Потом прослушивает себе пульс. Чувствуется, что ему грозит сердечный приступ.

За кадром: несколько звонков, шум входной двери; стук в кабинет. Фрейд встает.

Фрейд*(овладев собой).* Войдите.

Входит молоденькая горничная Марты. Она несет телеграмму. Лицо Фрейда сразу меняется. Он обрел уверенность в себе, глаза его горят.

Фрейд. Давайте.

Распечатывает телеграмму и читает ее, тогда как молоденькая горничная поглядывает на него с лукавым и нежным видом. Он поворачивается к ней; лицо ее светлеет.

Фрейд. Ступайте и передайте госпоже, чтобы уложила мой чемодан. Вечером я уезжаю в Берхтесгаден.

(7)

На следующий день, четыре часа дня.

Горы в окрестностях Берхтесгадена, на высоте две тысячи метров.

Посреди великолепного пейзажа, на повороте горной тропинки появляются двое мужчин.

Над ними заснеженные вершины, вокруг скалы и камни, чуть ниже альпийские луга, совсем внизу – долина.

Мужчины одеты в почти одинаковые костюмы (тирольская кожаная куртка, мягкая тирольская шляпа с пером), в руках – альпенштоки. Это Фрейд и Флисс. Фрейд шагает быстро, Флисс несколько ускоряет шаг, чтобы не отставать от него.

Фрейд, подумав немного, решает сократить маршрут, пройдя через скалы и камни, чтобы выйти на тропу, идущую метрах в двухстах ниже.

Он спускается, как опытный альпинист, боком ставя ногу на осыпи. Флисс идет за ним прямо по склону. В результате он поскальзывается и, смеясь, падает на спину.

Фрейд оборачивается на шум, быстро поднимается по склону и хочет помочь Флнссу подняться. Но тот уже встал сам и, отряхивая брюки, шутит над своей неловкостью.

Фрейд. Делай, как я. Спускайся боком, тогда ты ничем не рискуешь и можешь притормозить.

Фрейд, первым спустившийся на тропу, ждет Флисса, глядя на горы. Взгляд его устремлен на вершины, а не на долину. Флисс, запыхавшийся, но веселый, спрыгивает на тропу.

Фрейд. Ты спустился отлично.

Флисс. Да, но я совсем выдохся. Присядем. *(Показывает на плоский выступ на обочине тропы. Они садятся. Флисс с восхищением.)* Ты настоящий спортсмен! Можно подумать, что всю жизнь только и занимался альпинизмом.

Фрейд *(у него почти счастливый вид).* Так оно и есть: в отпуске мне необходимо полазать по горам. Чем выше я забираюсь, тем

больше доволен.

Флисс. Будь я Зигмундом Фрейдом, я пришел бы к заключению, что тебе нравится власть.

Фрейд. Может быть. *(Показывая на заснеженные вершины.)* Это потому, что в горах нет жизни. Камни. Снег. Безлюдье. *(Поднимает с тропы камень и разглядывает его.)* Камень тверд и чист. Мертв! *(Бросает его прямо перед собой и смотрит, как он скатывается по склону.)* Я часто задаю себе вопрос: нет ли у меня желания умереть? *(Словно про себя.)* Что такое желание? Что такое страх? Я об этом ничего не знаю. *(Спохватывается.)* В сущности, каждому, как и мне, должно быть это свойственно.

Флисс *(с улыбкой смотрит на него).* У меня нет желания умереть.

Фрейд (с *теплотой).* Понятно, ведь ты же не «каждый». Тебе предстоит совершить великие дела.

Флисс *(просто и убежденно).* Это верно. (С *легким сожалением.)* Фрейд, это мы совершим великие дела.

Фрейд *(резко встает).* В горах быстро темнеет. Пошли.

Некоторое время спустя.

Метров на четыреста ниже. Начинает смеркаться. Вершины стали еще выше, они кажутся подавляющими. Оба путника входят в тень долины.

На этот раз впереди идет Флисс, Фрейд за ним.

Заметно, что Фрейд меньше устал, чем Флисс, но его принуждает отставать какое-то чувство внутреннего сопротивления.

Флисс *(дружески, но с раздражением).* Видишь? Теперь ты еле ноги волочишь. Давай спустимся здесь.

Он показывает на русло высохшего ручья за деревьями. И сразу же начинает спускаться (боком); Фрейд легко, пружинисто идет за ним, но без всякого удовольствия.

Флисс. Вперед! Быстрее! Быстрее!

Они выходят на другую тропу. С тропы видят внизу под ногами Берхтесгаден. В долине еще светло, но в городе в некоторых окнах уже горит свет. Флисс хочет продолжать путь. Фрейд останавливает его.

Фрейд. Постой минутку.

Флисс. Ты уже устал?

Фрейд. Да нет же! *(Показывая на темный Берхтесгаден.)* Надо бы остаться жить здесь.

Флисс *(удивленный этим тоном, бросает на Фрейда испытующий взгляд).* Что случилось? Ты не в своей тарелке?

Фрейд. Выслушай меня, Вильгельм.

Фрейда что-то беспокоит.

Флисс. Хорошо, хорошо! Скоро ты мне обо всем расскажешь. Я не хочу, чтобы нас застигла здесь ночь, у меня не такие кошачьи глаза, как у тебя.

Собирается идти, но Фрейд его удерживает.

Фрейд. Одна моя больная выбросилась из окна.

Флисс *(равнодушно).* Ах, вот в чем дело!

Фрейд. Я вызвал у нее одно подавленное воспоминание: когда ей было шесть лет, отец над ней надругался.

Флисс *(вынимая из кармана записную книжку).* Интересно. А когда произошла сексуальная агрессия?

Фрейд. В 1866-м.

Флисс *(раздраженно).* Я спрашиваю тебя, в какой день, месяц и час.

Фрейд. Не знаю, говорю тебе, что она…

Флисс. … да, выбросилась из окна. И что дальше? Как, по-твоему, я могу работать с такими неопределенными данными? *(Фрейд пожимает плечами и молчит)* Ладно, пошли! Можем поговорить на ходу!

Они снова двинулись в путь. Фрейд с сожалением устремил свой взгляд в чистое и холодное небо, раскинувшееся над их головами.

Тени в долине сгущаются.

Флисс (*снисходительно, как человек, который готовится сыграть роль утешителя).* Именно эта смерть терзает тебя?

Фрейд *(говорит искренне, исполненный надежды).* Она не умерла.

Флисс. Она будет жить?

Фрейд. Да.

Он явно рассчитывает на помощь Флисса; он нуждается в том, чтобы ему вернули мужество.

Флисс. Так в чем же дело?

Фрейд. А если бы она покончила с собой?

Флисс. Что за странный вопрос? Она жива, и все тут.

Фрейд молчит. Чувствуется, что он разочарован и пытается скрыть свое разочарование.

Флисс (*он замечает это и понимает, что ему следует и дальше продолжать в том же духе).* Ладно. Допустим, что она умерла? Она тебе родня?

Фрейд. Нет.

Флисс. Если она тебе никто, спрашивается, какое тебе до нее дело.

(Пауза.) Посмотри, начинает темнеть. Я не желаю рисковать и сломать себе ногу. Прибавь немного шагу.

Они пошли быстрее.

Флисс. Что я еще могу тебе сказать? Таковы опасности нашего ремесла. На совести величайшего генерала Пруссии и лучшего хирурга Берлина почти одинаковое количество смертей. Брейер вбил тебе в голову эту тревогу? *(Фрейд кивает в знак согласия.)* Я так и думал. Он – воплощение венской сентиментальности. Вальсы! Вальсы! И потоки слез: вы никогда не научитесь воевать. Ой!

Флисс подвернул ногу. Он едва не падает, с гримасой боли делает хромая несколько шагов и опускается на поваленное дерево.

Фрейд *(обеспокоенно).* Что с тобой?

Флисс *(массируя лодыжку, мрачно).* Я споткнулся о камень. *(С раздражением.)* Уже ноги собственной не видишь. Нам следовало бы вернуться пораньше. *(Пауза.)* Это пустяки. *(Встает.)* Вперед, марш! *(Он идет хромая, Фрейд хочет его поддержать, но он его отталкивает.)* Не стоит труда. *(Действительно, его походка скоро становится нормальной.)* Ну и кто она такая, твоя больная?

Фрейд. Старая дева. Она никогда не расставалась со своим отцом… редко выходила из дома.

Флисс*(слушает его, все более разочаровываясь).* Жила, как мокрица! Не велика была бы потеря! *(Примирительным тоном.)* Но я с тобой согласен: нельзя разбрасываться человеческими жизнями. *(Убежденно.)* Мы и не станем ими разбрасываться, Зигмунд. Мы пока ищем. Но позднее, на одну больную, которую мы потеряем, мы будем спасать тысячу. Знаешь, как говорят берлинцы, которые не обабились? «Омлет не сделаешь, не разбив яиц». Ты хотел, чтобы я сказал тебе именно это? Доволен? *(Фрейд делает какой-то вымученный кивок, который может сойти за согласие.).* Тогда хватит об этом!

Они скрываются за поворотом, и ночь скрадывает от нас пустынный ландшафт.

(8)

Некоторое время спустя. В столовой какой-то второразрядной гостиницы.

Сезон еще не начался, и гостиница пуста. В большой столовой, заставленной маленькими столиками (все они свободны), прежде всего бросается в глаза длинный общий стол, за который в разгар сезона можно усадить человек тридцать.

Сейчас за ним сидят шесть человек. В глубине, за другим концом стола, четверо грустных баварцев, должно быть какие-нибудь служащие, питающиеся в ресторане. Ближе к зрителю – Флисс и Фрейд.

Им подали десерт. Флисс с аппетитом расправляется с «рисом в молоке». Фрейд едва к нему притрагивается.

Покончив с блюдом, Флисс поворачивается к Фрейду с испытующим видом.

Флисс. Ну-с, что ты привез мне новенького?

Фрейд выглядит неуверенным и несчастным.

Фрейд *(тоном легкого упрека).* Подожди немного, дай мне оттаять. Я так одинок в Вене. Дай мне время воспользоваться твоим обществом.

Флисс. Мы с тобой гуляли весь день. Послушай, Зигмунд, наши «Конгрессы» лишатся всякого смысла, если не будут продвигать нас вперед в наших исследованиях.

Фрейд. Для меня главное в них то, что они позволяют нам с тобой встречаться.

Флисс *(любезно и холодно).* Ну да, разумеется! *(Пауза.)* Ну так что же?

Фрейд *(с еле уловимым раздражением).* Что «что же»?

Флисс. Ты писал, что разработал теорию о сексуальной природе неврозов. Слушаю тебя.

Левой рукой Фрейд мнет хлебный шарик.

Фрейд. Представь, что ребенок в самые первые годы своей жизни становится жертвой сексуальной агрессии.

Флисс. Взрослого?

Фрейд. Разумеется. Первой его реакцией будет страх, который, это понятно, может сопровождаться болью и изумлением. Но, как ты сам знаешь, он не чувствует никакого смущения: в этом возрасте сексуальности не существует. Итак. Проходит несколько лет, органы развиваются: когда ребенок вспоминает об этом, у него впервые появляется смущение; за это время общество внушило ему принципы морали, жесткие прочные императивы; он стыдится своего смущения и вырабатывает защитную реакцию, вытесняя это воспоминание в сферу бессознательного.

Флисс (*похоже, что ему это мало интересно).* Ладно. Что же дальше?

Старая горбатая дама семенящей походкой подходит к столу, усаживается и открывает коробочку с таблетками.

Постепенно она начинает обращать внимание на разговор двух

мужчин и прислушивается к нему с видимым изумлением.

Фрейд. Воспоминание пытается возродиться, а смущение продолжиться, но моральные императивы стремятся полностью их подавить. Механизмы защиты вступают в действие, ребенок убеждает себя, что ничего не произошло. Он забывает. Но, поскольку между, этими противоположными силами идет суровая борьба, все происходит так, как если бы эти силы пришли к компромиссу: воспоминание больше не всплывает в сознании, однако что-то его заменяет, маскирует и одновременно служит его символом. Это «что-то» и есть невроз, или, если хочешь, невротический симптом.

Флисс. Например?

Фрейд. В неврозе навязчивости травмирующее воспоминание подавлено, но его замещают фобии, навязчивые идеи. Дора забыла о нападении на нее старого лавочника, но сохранила фобию – она боится заходить в лавки. Что касается стыда, который она почувствовала, то она перенесла его на другой объект и объяснила его другой причиной: это приказчики в магазине, которые смеялись над ней.

Флисс *(спрашивает вялым тоном).* А как же истерия?

Фрейд. Здесь необходима особая предрасположенность, которая позволяет телу стать соучастником больного: чтобы забыть своего умершего отца, Сесили стала косить на оба глаза и видеть предметы только перед своим носом. Что касается невроза страха…

Флисс *(с раздражением).* Хорошо, довольно! Продолжение мне известно. Вытеснение, трансфер – вот твой конек. Все это психология. Она меня не интересует. Есть у тебя конкретные случаи?

Фрейд. Тринадцать.

Флисс. Тринадцать неврозов, вызванных сексуальной агрессией!

Фрейд. Да.

Флисс. Кто же виновник?

Фрейд. Иногда дядя или слуга. В большинстве случаев – отец.

Старая дама, остолбенев, снимает очки и перестает есть.

Флисс. Отец?

Фрейд *(мрачно и сухо).* Да.

Флисс. Отец? (Он *удовлетворенно потирает руки под испуганным взглядом старой дамы.)* Вот это здорово! Это упрощает расчеты. Значит, невроз у детей является следствием извращенности отцов? *(Фрейд смотрит на него, несколько смущенный этим грубым упрощением своих теорий.)* Так вот, это мне кажется совершенно обоснованным. Наконец-то мы располагаем фактами.

Фрейд *(осторожно).* Вильгельм! Это всего лишь гипотеза.

Тринадцати случаев мало, чтобы ее подтвердить.

Флисс. Мало тринадцати изнасилований? Мало тринадцати неврозов? И ты еще недоволен? А я прямо восхищен! Но мне нужны даты. Если ты сообщишь мне дату рождения родителей, ребенка и время изнасилования…

Фрейд. Но я тебе сказал, что это совсем непросто.

Флисс *(снисходительно).* Конечно. Ты своего добьешься. Усовершенствуешь свой метод. Располагая деталями, знаешь, что я смогу сделать? Я высчитаю, в какой из периодов развития ребенка, женского или мужского пола, произошла травма, и могу уверить тебя, что из этого я наверняка сделаю вывод о природе болезни. Невроз страха, послушай, могу сказать тебе это прямо, по природе женский: эта простая пассивность в чистом виде. Невроз навязчивости активен. Первый развивается у субъектов, подвергшихся насилию в кульминационный момент женского ритма, второй у… *(Флисс захвачен каким-то лирическим вдохновением. Фрейд выглядит все более счастливым: он уже не узнает собственной теории, он слушает Флисса почти с таким же изумлением, что и горбатая дама. Флисс резким тоном).* Жаль, что в этом деле нельзя поставить опыт. В лабораторных условиях мы могли бы зафиксировать время экспериментального изнасилования с точностью до секунды.

Старая горбунья (*встает, обезумев от возмущения. Тоном оскорбленной добродетели обращается к служанке).* Дитя мое, вы подадите мне ужин в номер. Я не желаю сидеть за одним столом с этими висельниками.

Она выпрямляется и, смерив обоих мужчин гневным взглядом, удаляется.

Флисс хохочет.

(9)

На следующее утро, в скромном, но приятном номере отеля.

Флисс заканчивает осматривать горло Фрейда.

Фрейд, широко раскрыв рот, сидит на стуле. Флисс, посмотрев горло в последний раз, моет руки и начинает складывать свои инструменты в саквояж.

Во время всех этих манипуляций продолжается разговор.

Флисс *(смеясь).* Да ничего у тебя нет. Абсолютно ничего. Несколько воспалилось, и все. Можешь закрыть рот. Сигарами не злоупотребляешь?

Фрейд. Пять штук в день.

Сложив инструменты, Флисс берет свой альпеншток, тирольскую шляпу, потом надевает на спину рюкзак.

Флисс. Идем.

На улице Берхтесгадена; перед табачной лавкой.

В витрине полно сигар. Фрейд ждет перед магазином. Он тоже с рюкзаком на спине. Он заглядывает внутрь и видит, что Флисс у кассы расплачивается за покупку.

Флисс выходит на улицу. Когда дверь открывается, маленький колокольчик начинает мелодично позванивать. Флисс с прямоугольной коробкой.

Флисс *(протягивая ее Фрейду)*. Держи!

Фрейд с удивлением берет и открывает коробку; мы видим толстые «черные» сигары, самые крепкие.

Фрейд. Но, Вильгельм, что, по-твоему, я должен с ними делать?

Флисс. Я хочу, чтобы ты их курил.

Фрейд. Вот тебе и раз.

Флисс (с *улыбкой)*. Вперед, марш! Ты можешь курить, сколько твоей душе угодно. (*Фрейд останавливается как вкопанный. Флисс тоже останавливается и спрашивает с притворным удивлением.)* Тебе это неприятно?

Фрейд. Нет. *(Пауза.)* Вильгельм, ты впервые себе противоречишь. *(Мрачным тоном.)* Ты считаешь, что я обречен, не правда ли? *(Флисс улыбается.)* Брейер меня осматривал, он говорит о миокардите. Это верно?

Флисс. Брейер – осел. *(Он берет Фрейда под руку и увлекает его вперед.)* Я же сказал тебе, что ты абсолютно здоров. (С *улыбкой.)* Правда в том, что я высчитал дату твоей смерти. *(Говорит самодовольно, размеренно.)* В этих вопросах метод ритмов доведен до совершенства.

Фрейду явно стало легче: зритель догадывается, что у него нет глубокой веры в расчеты Флисса.

И все-таки его лицо сохраняет какое-то разочарованное выражение.

Фрейд. И что же? В каком возрасте я умру?

Флисс. В пятьдесят один год.

Фрейд. Через двенадцать лет?

Флисс. Да, если раньше ничего не случится. Через двенадцать лет мы найдем то, что ищем, мы станем властелинами этого мира.

Они выходят из Берхтесгадена и идут по дороге, ведущей в горы.

Фрейд *(полусерьезно.)* Значит, я умру молодым.

Флисс. Правильно. Я решил для себя, что за двенадцать лет табак не успеет тебя полностью разрушить.

Фрейд. Ты меня переживешь?

Флисс. Лет на десять, думаю. Умру я в 1918 году. Но мне больше нечем будет заниматься, разве что кое-какими мелкими поправками теории. *(Он берет Фрейда за руку.)* Все проясняется, Зигмунд. Я каждый день делаю успехи. Ты знаешь, почему мы пользуемся правой рукой?

Фрейд. Нет.

Флисс. По причине нашей бисексуальности. Левая сторона – это наше женское начало, а правая сторона – начало мужское.

Фрейда это не убеждает.

Фрейд*(сулыбкой).* Значит, все женщины должны быть левшами?

Пауза. Флисс оказался в легком затруднении. Но он хмурит брови и отделывается раздраженной тирадой.

Флисс. Ерунда! Ты шутишь, Зигмунд? Я не люблю, когда шутят над моей работой.

В тот же день около пяти часов вечера. Вокзал в Берхтесгадене.

Двухколейный путь. Фрейд и Флисс сидят рядом на скамейке. Флисс надел цилиндр. Фрейд в визитке, но в тирольской шляпе.

Поезда нет.

Фрейд настроен дружески, но мрачно. Флисс явно проявляет нетерпение. Он вынимает часы, смотрит на них и снова опускает в кармашек.

Флисс. Твой поезд проходит здесь через час. Мой через час сорок пять, спрашивается, зачем мы торчим на перроне.

Фрейд (*смотрит на него печально и виновато).* Мне нужно приходить на вокзал заранее. Ты же знаешь, что у меня фобия, связанная с поездами. (Во *время разговора Фрейду становится все больше не по себе. Постепенно его охватывает приступ фобии. Флисс ничего не замечает.)*

Флисс. Мне пришла одна мысль. Твоя теория неврозов интересна, но мне необходимы даты.

На соседней скамейке расселось какое-то семейство. Девочка лет пяти бегает по перрону, она часто мелькает перед двумя мужчинами, которые ее не замечают.

Флисс. Я признаю, что большинство твоих больных неспособны сообщить тебе эти даты. Знаешь, что нам нужно было бы?

Исключительно одаренную личность, которая понимала бы твои исследования и облегчала бы их.

Фрейд. Что-то я такой не вижу…

Флисс. А о Сесили что ты скажешь?

Фрейд *(вздрагивая).* О Сесили? (*Растерянно.)* Но ведь ее не изнасиловали!

Маленькая девочка подходит к Фрейду и улыбается ему уже кокетливой улыбкой.

Флисс *(категорическим тоном).* Она непременно должна была подвергнуться насилию. Иначе ты ошибся *(Фрейд смотрит на девочку и улыбается ей.)* Если твоя теория верна…

Девочка слегка кланяется Фрейду и, довольная, уходит.

Фрейд провожает ее взглядом и мрачнеет.

Фрейд. Если моя теория верна, тогда люди – свиньи.

Флисс *(спокойным тоном).* Почему бы и нет? Вопрос состоит лишь в том, чтобы доказать это научно. *(Фрейд поворачивается к Флиссу.)* В случае с Сесили есть что-то темное. Смерть ее отца вполне может скрывать другое воспоминание. *(Фрейд слушает его, поневоле увлекаясь. Глаза его блестят, но лицо остается мрачным.)* Известно ли, что с ней? *(Фрейд горестно кивает в знак согласия.)* Больна?

Фрейд. Тяжелее, чем прежде.

Флисс *(хлопает в ладоши, он в восторге).* Именно это нам и нужно. Сходи к ней. Только она сообщит тебе даты, я уверен в этом. И если ты вылечишь ее, твоя гипотеза подтвердится. *(Фрейд молчит. Флисс смотрит на него с негодующим удивлением.)* Ты боишься?

Фрейд. Я не могу.

Флисс. Почему?

Фрейд. Из-за Брейера. Он запретил мне…

Флисс *(очень сухо).* Разве Брейер может что-либо тебе запретить?

Фрейд *(все более смущаясь. Кажется, что смущение душит его).* Нет. Но я не хочу с ним ссориться…

Флисс. Тебе-то что до этого? Он нам больше не нужен.

Фрейд. Мы с ним не закончили нашу книгу. И к тому же я… мне всегда необходимо испытывать чье-то влияние. Может быть, для того, чтобы ускользнуть от самокритики. *(Он машинально подносит руку к груди.)* Скажи, тебя самого не пугает то, что выше тебя никого нет?

Флисс (*спокойно).* Право слово, нет. К тому же в любом случае Брейер не выше тебя.

Фрейд. Не знаю. Может быть. Но я все еще люблю его.

Флисс. Ты же писал мне, что презираешь его.

Фрейд. Я и люблю, и презираю. Какой-то хаос в чувствах. Послушай! Мне крайне необходимо, чтобы меня загипнотизировали: быть может, я яснее бы в этом разобрался. Мне всегда были нужны друзья и враги. Это необходимо для моего душевного равновесия. Иногда друг и враг уживаются в одном человеке: по-моему, именно так обстоит дело с Брейером.

Флисс *(равнодушно).* Это бисексуальность: ненависть – мужское начало, любовь – начало женское.

Фрейд поворачивается к Флиссу и смотрит на него. Кажется, его эта теория не убеждает. Но он долго рассматривает лицо и высокую фигуру Флисса, который уже сменил тирольскую шляпу на цилиндр, а кожаную куртку – на черный сюртук. У Фрейда покорный вид почти влюбленного.

Фрейд. Может быть. Во всяком случае, мой истинный тиран – это ты. *(С какой-то нежной злопамятностью.)* Ты знаешь, как ты разочаровал меня, когда разрешил курить? Мне было так приятно подвергать себя лишениям ради того, чтобы подчиняться тебе.

Флисс (*несколько смущенный этим слишком пылким выражением чувств, отвечает с суховатой усмешкой).* Так вот, тиран приказывает тебе найти Сесили.

Фрейд (*более спокойным тоном).* В конце концов, почему бы и нет? Достаточно одного тирана. Брейер останется врагом, а ты будешь другом. *(У Флисса скучающий вид. Он ладонью прикрывает зевок.)* К счастью, ты лучше меня: пока я буду тебя любить, я не буду вынужден быть для себя своим собственным идеалом. *(Шутит с мрачной иронией.)* Ну что ты на это скажешь? Сорокалетний мужчина боится стать взрослым. Брюкке, Мейнерт, Брейер, ты – сколько «отцов»! Не считая Якоба Фрейда, меня породившего.

Подъезжает омнибус. Сутолока. Одни пассажиры сходят, другое садятся.

Фрейд (*решительно).* Я пойду к Сесили. Пойду завтра утром, прямо с вокзала.

(10)

Спустя некоторое время.

Перрон опустел. Фрейд забился в угол скамейки; его тирольская шляпа съехала на глаза: похоже, он спит.

Флисс откровенно скучает. Он широко зевает, бросает угрюмый взгляд на Фрейда, потом достает из кармана карандаш и записную книжку. Начинает производить какие-то расчеты.

Вдоль перрона на полной скорости проносится поезд. От этого грохота Фрейд вздрагивает и выпрямляется. Шляпа его падает. На экране – его встревоженное лицо с широко открытыми глазами.

Фрейд (*очень громким голосом).* Что случилось?

Флисс молчит. Фрейд с каким-то потерянным видом провожает взглядом последние вагоны уходящего поезда.

Флисс. Проснулся?

Фрейд. Я не спал. *(Руки у него дрожат.)* Не обращай на меня внимания. Я же говорил тебе, что ненавижу вокзалы. *(Он встает, подходит к краю перрона и смотрит вслед исчезнувшему поезду. Обливаясь потом, он возвращается к Флиссу. Садится.)* Мне показалось, что произошел несчастный случай. (*Он склоняется вперед, опираясь сжатыми кулаками на колени. Говорит странным, каким-то вялым голосом.)* Или я стал нищим.

Флисс *(вздрогнув).* Что ты сказал?

Фрейд *(смотрит на него с удивлением).* Что сказал?

Флисс. Ты сказал, что стал нищим.

Фрейд. Разве? Так вот, дело в том, что поезда наводят меня на мысль о нищете. (Он *бросает на Флисса быстрый и недружелюбный взгляд. Говорит изменившимся, резким и строгим, почти раздраженным тоном.)* Двенадцать пациентов из тринадцати.

Флисс. Каких пациентов? О чем ты?

Фрейд. О моих пациентах, о которых я тебе рассказывал. Двенадцать из них отказались у меня лечиться. Еще одно самоубийство, и всему конец! Меня сожгут в Вене, или я стану торговать сукном. *(Показывает в направлении Вены.)* Позор и нищета – вот что ждет меня там. *(Пауза.)* Я живу на деньги Брейера. Если я поссорюсь с ним, то мне нечем будет вернуть ему долг.

Флисс *(вежливо, но с раздражением).* Ну да, таков уж наш удел.

Непонимание, позор. И что из этого? Нужно идти вперед.

Фрейд *(с горечью).* Тебе легко говорить. Ты в Берлине лечишь горло. Ты своей клиентуры не потеряешь.

Флисс *(обиженно).* Придет час, и я тоже пойду на риск: когда напишем нашу книгу.

Фрейд берет себя в руки. Но ему по-прежнему плохо. Он снова хватается правой рукой за сердце.

Фрейд. Извини меня.

Флисс *(любезным тоном, но все еще раздраженно).* Конечно, мой дорогой друг, конечно.

Фрейд. Я плохо себя чувствую.

Фрейд съежился на скамейке. Он бледен.

Флисс *(без доброты).* Что с тобой?

Фрейд. Приступ.

Флисс. Какой приступ?

Фрейд *(отвечает машинально, как врач).* Аритмия, сдавливание, жжение в районе сердца. *(Показывая на солнечное сплетение.)* И боль здесь, как при грудной жабе. *(Флисс хочет встать. Фрейд жестом его останавливает.)* Ничего не надо делать, Вильгельм. (Он *касается рукой лба.)* Именно здесь что-то не в порядке. Уже несколько месяцев я переживаю нервную депрессию. Ответь мне: ну разве я не чудовище?

Флисс *(терпеливо и отрешенно, словно разговаривая с сумасшедшим).* Успокойся, Зигмунд, ты же знаешь, что нет.

Фрейд. Тогда что же такое кроется в моей голове, если именно я обнаружил вселенское свинство? *(Почти умоляющим тоном. Он придвигается к Флиссу и берет его за руку так, словно это должно вернуть ему мужество.)* Помоги мне.

Флисс *(сухо).* Я только этого и хочу, но ты мне говоришь, что с этим ничего нельзя поделать.

На перроне появляются пассажиры. Флисс явно смущен тем, что находится с мужчиной, у которого вовсю разыгрались нервы. Тем более что на них начинают обращать внимание.

Фрейд. Если бы ты мог… (Он *замечает чопорность и растерянность Флисса и в отчаянии машет рукой. Отодвигаясь и выпуская руку Флисса.)* Ты прав: ничего поделать нельзя.

За кадром шум приближающегося поезда.

Флисс. Вот и твой поезд.

Фрейд с трудом поднимается.

Флисс берет чемодан и рюкзак Фрейда. Они подходят к краю платформы вместе с другими пассажирами.

Фрейд *(униженно)*. Прости меня, Вильгельм… Я… я переживаю трудные времена. (С *робкой надеждой.)* Но я хоть привез что-то интересное для тебя?

Флисс *(он явно испытывает облегчение от того, что подошел поезд)*. Конечно! Еще бы! А если ты сообщишь мне даты, все будет прекрасно.

Состав с грохотом вкатывается в вокзал. Останавливается.

Фрейд с помощью Флисса поднимается в купе второго класса.

Закрывает за собой дверь. Флисс стоит в ожидании.

Фрейд в купе; он подходит к окну, опускает стекло и высовывается наружу. Он смотрит на Флисса с какой-то глубокой и разочарованной страстностью.

Фрейд *(вид у него по-прежнему мрачный, но он уже обрел свою обычную твердость)*. Когда же нашследующий «Конгресс»?

Флисс. Думаю, не раньше, чем через полгода.

Фрейд. Через полгода я или выиграю или проиграю. *(Снова становясь суровым.)* Завтра пойду к Сесили. Я стану копать глубже в том направлении, о котором мы говорили. Против меня будут все коллеги и весь город, но клянусь тебе, что я пойду до конца. Если же я проиграю… *(Смеется.)* Значит, следующего «Конгресса» не будет.

Поезд тронулся.

Фрейд *(с подлинной тоской)*. До свидания, Вильгельм.

Флисс *(несколько мгновений идет по платформе рядом с вагоном)*. До свиданья, Зигмунд! Кланяйся Марте и поцелуй детей! (*Поезд набирает ход. Флисс останавливается, крича.)* И не забывай записывать даты!

Поезд пропал из виду. Флисс возвращается на свое место, садится. На том месте, где был Фрейд, сидит молодая женщина. Она смотрит на Флисса, который явно ей нравится. Флисс нагло ее разглядывает и улыбается ей.

(11)

В поезде.

Фрейд покидает коридор и возвращается в купе. В глубине трое весьма заурядных на вид мужчин молчаливо играют в карты на столике, прикрепленном между окнами. Это единственные пассажиры в купе. (Вагон для курящих; все курят.)

Фрейд садится в углу, ближе к коридору. Сперва против хода поезда. Но у него кружится голова от мелькания в окнах деревьев и

домов. Он поднимается и занимает место в противоположном углу. Откидывается на сиденье и, держа руку на подлокотнике, надвигает на глаза шляпу, пытаясь заснуть.

Первый, очень короткий туннель. Фрейд, когда поезд выходит из туннеля, слегка ворочается, на мгновение открывает и снова закрывает глаза. Игроки, сначала неподвижные, пользуются возвращением света; один из них открывает карту, забирает лежащие на столе и берет взятку.

Игрок. Пики раз, пики два, и все наше.

В этот момент поезд снова ныряет в туннель. (Лампы в вагоне не зажигаются.)

Один из игроков*(онхотел пойти; яростно).* Черт!

Несколько мгновений полной темноты. Когда поезд выходит из туннеля, Фрейд уже проснулся. Он снимает свою тирольскую шляпу, берет из сетки чемодан, вынимает оттуда цилиндр, надевает его.

За кадром голос одного из картежников. Отлично! Ну-с, ваш ход.

Фрейд поворачивается к ним: трое мужчин приветливо улыбаются ему.

Мы узнаем Мейнерта (таким, еще молодым и элегантным, мы его видели в первой сцене фильма), Брейера (таким, каким он выглядел в первой части) и Флисса. Все они – в цилиндрах.

Фрейд садится рядом с Мейнертом и берет карты, которые ему протягивает Брейер.

Мейнерт*(неприятным тоном).* Вы, конечно, играть не умеете?

Брейер (*снисходительно).* Мы научим его игре, если он будет слушаться. (*Представляя Фрейда другим.)* Мой сын.

Фрейд встает и кланяется.

Мейнерт (*представляя Фрейда).* Мой сын.

Фрейд встает и кланяется.

Флисс (*подхватывая эту игру).* Мой сын!

Фрейд встает и кланяется.

Голос Брейера за кадром. Ну вот, лед тронулся.

Всех забавляет острота Брейера, и они повторяют ее, тыча во Фрейда негодующими перстами.

Все (*кроме Фрейда).* Тронулся! Тронулся! Тронулся!

В кадре Брейер, который сидит спокойно и держит (вместо карт, что были у него в руках раньше) открытую книгу.

Брейер. Каждый обязан плутовать. (*Говоря это, он вырывает из книги страницы и бросает их на столик так, словно это карты.*

Обращаясь к Фрейду.) А вы притворяетесь, будто этого не знаете.

Мейнерт. Вы полагаете, он научится?

Флисс (*так, будто говорит о ребенке).* Конечно, научится (*Фрейду.)* Послушай, малыш, тебе лишь надо поступать, как я.

Мейнерт. Нет, господин Флисс, как я!

Брейер. Прошу прощения. Он должен поступать, как я.

Флисс (*смеясь, показывает на Фрейда).* Он – нескромный малыш.

Все (*смеются).* Да, малыш нескромный! Малыш – всезнайка! А нескромность – порок гнусный.

До сих пор Фрейд выглядел пристыженным. Он мучился от стыда, как ребенок.

Внезапно он ударяет кулаком по столу и громовым голосом кричит.

Фрейд. В этой игре нужен мертвец.

Трое мужчин смотрят на него: они перестали смеяться, у них удивленный и испуганный вид.

Мейнерт *(снежностью и печалью на лице склоняется к нему).* Неужели, малыш мой, ты этого не знаешь? Ведь в эту игру играют с тремя мертвецами! Три мертвеца и один живой. Мертвецы – мы, а ты – сирота.

Фрейд поворачивается к Флиссу. Того на месте не оказалось. Он оборачивается в сторону Мейнерта и Брейера: они тоже исчезли.

Голос за кадром. Предъявите билеты! Он оборачивается на голос перед ним Якоб Фрейд – его отец.

Якоб (*указывая на пустые места).* У них не было билетов, поэтому они и умерли.

Фрейд *(слабым, детским голосом).* Я думал, они меня защитят.

Фрейд смотрит на пустые места.

Якоб *(голос за кадром).* Зря думал, дорогой мой! Забыл о контроле над собой? Это я, контролер, помогу тебе. Я тебе помогу! Я! Ваш билет.

Фрейд оборачивается к контролеру – это уже не Якоб, а человек с худеньким личиком, с жидкими усиками, который трясет его за плечо.

Фрейд *(протягиват контролеру билет).* Вот.

Пока контролер пробивает билет, трое мужчин (они снова стали настоящими картежниками) тоже протягивают свои билеты.

Контролер *(закончив свое дело).* Доброй ночи, господа.

Наступила ночь, зажглись лампы. Фрейд, окончательно проснувшись, сидит, упершись локтями в колени и сжав голову

руками, погрузившись в свои мысли.

Голос Фрейда за кадром. Сон… Он ведь что-то значит. Это маленький невроз. Компромисс между желанием уснуть и… Чем еще? И другим глубоким желанием, которое жаждет волощения. Это желание тут же получает галлюцинаторное удовлетворение! Так плачущему ребенку дают погремушку. Чего же я хочу? *(Перед ним, в двойном экспонировании, потому что речь идет просто о воспоминаниях, а не о самом сне, трое «отцов» (Мейнерт, Брейер и Флисс), играющих в карты. Игры трех мертвецов с одним живым.)* Освободиться от них? Идти вперед в одиночку?

Они исчезают. На их месте появляется Якоб в форме контролера. Улыбается сыну.

Фрейд. Мне не нужны учителя. Помочь мне должен мой истинный отец. Я действительно не желаю, чтобы кто-то стоял надо мной. Кроме человека, который произвел меня на свет.

Лицо Якоба, которое отмечено грандиозным величием (в жизни это не так) и напоминает лик Моисея, исчезает с экрана.

Фрейд (*он по-прежнему мрачен, но глаза его посветлели).* Надо истолковывать сны…

(12)

На следующее утро; вокзал.

Разъезжаются пассажиры. Фрейд с альпенштоком, рюкзаком и чемоданом садится в фиакр.

Фрейд. 66, Торингассе.

Лестничная клетка в доме 66 по Торингассе, перед дверью в квартиру родителей Фрейда.

Фрейд звонит, ему открывает Марта. Она с изумлением смотрит на него. У Фрейда не менее удивленный вид.

Марта. Зачем ты сюда пришел?

Фрейд. Сегодня ночью в поезде меня замучила совесть. Я ведь так редко вижу отца. А ты почему здесь? Кто-нибудь заболел?

Марта. Отец не совсем здоров.

Фрейд *(с раздражением, его терзают угрызения совести)*. Почему не дали телеграммы?

Марта (*пожав плечами, устало).* Зачем? *(После короткой паузы.)* Ты же знаешь, болезнь не столь серьезна.

Открывается дверь в комнату. На пороге появляется мать.

Фрейд. Мама!

Мать все так же красива и сохраняет все свое благородство, хотя сильно постарела.

Она смотрит на Фрейда с удивлением и радостью. Фрейд склоняется к руке, которую она протягивает, и осыпает ее поцелуями.

Мать. Ты пришел! Пришел!

Левой рукой мать нежно гладит Фрейда по волосам.. Она отходит в сторону, показывая на раскрытую дверь.

Мать. Входи. *(Он входит. Марта идет за ним, приглашенная дружеским жестом матери. Мать замыкает шествие.)* Ты узнал, что ему стало хуже?

Фрейд. Нет. (Он *подходит к матери; с несколько наигранной веселостью)* Я сейчас в трудном положении. Мои исследования заводят меня… сам не знаю куда. В таких случаях сын должен приходить к отцу, разве нет? *(Мать молчит. Фрейд смотрит на пустое кресло Якоба, в упор смотрит на мать, которая отворачивается. Настойчивым тоном.)* Я должен видеть папу. Это вернет мне мужество.

Мать *(поворачивается к нему, глядя прямо в глаза. Без малейшего упрека в голосе).* Ты давно не приходил повидаться с ним.

Фрейд (*кивает в знак согласия; чувствуется, что ему тяжело).* Очень давно.

Мать (*кладет ему руки на плечи).* Ты его не узнаешь. (*Она нежно улыбается, чтобы смягчить удар, который наносит сыну.)* Болезнь сильно его подкосила.

Фрейд *(сдавленным голосом).* Что с ним?

Мать. Все и ничего. Возраст. *(Отходит в сторону и показывает на дверь в глубине комнаты)* А теперь ступай к нему.

Фрейд идет в глубь комнаты. Останавливается в нерешительности перед дверью. Потом все-таки очень осторожно открывает ее и заходит. Обе женщины молча, с горестным видом переглядываются. В комнате отца. В простенке между окнами просторная постель. На ночном столике – микстуры, градусник.

Якоб Фрейд сидит на постели, обложенный подушками. Он сохранил свою невероятную кротость. Но – это бросается в глаза – совсем ослаб; он ослабел умом, впал – из-за своей чрезмерной чувствительности – в какую-то хнычущую слезливость.

Он совсем растерянно, с глубокой нежностью смотрит на сына. Говорит дрожащим голосом.

Якоб. Ты пришел! Пришел, сынок!

Глаза его наполняются слезами. Фрейд все больше и больше теряется. Чувствуется, что ему ужасно больно видеть плачущего отца. И на этот раз ему будет отказано в помощи, о которой он пришел просить.

Теперь Фрейду хотелось бы как можно скорее уйти. Но он оказался в западне. Ласковый старческий голос безжалостно просит.

Якоб. Побудь немножко со мной. Возьми стул. (*Фрейд пододвигает к постели стул и садится рядом с больным)* Господин придворный советник!

Фрейд. Я не советник, папа.

Якоб. Нет, советник. Ты станешь им, Зигмунд. Завтра станешь. Ведь ты уже сейчас как советник. Как мило, что ты зашел меня проведать. Меня, старого разорившегося торговца. А ты, придворный советник, такая важная персона. (*Смеется)* Большая шишка! Большая!

Якоб снисходительно улыбается и протягивает ему свою бледную, влажную руку. Фрейд сжимает ее в ладонях. Он заставляет себя быть нежным. Но чувствуется, что он в панической растерянности. Он вздрагивает, слыша старого Якоба, который бормочет с сенильным удовольствием.

Якоб. Ганнибал! Тебе было шесть лет, ты хотел отомстить за всех нас и говорил: «Я – Ганнибал…» Помнишь?

Флэшбэк. Улица в Вене.

Якобу сорок пять лет, в бороде ни единого седого волоса. На нем какой-то странный картуз. Одет он бедно, но опрятно. Он держит за руку мальчика лет шести-семи, который горделиво семенит рядом, изредка с восхищением глядя на отца.

Голос Якоба за кадром. Когда мне нужно было нанести кому-нибудь визит, я брал тебя с собой. Всегда. Ты был гордый! Прямо маленький принц!

Богато одетый толстяк богатырского сложения идет им навстречу. Он в пальто с меховым воротником и в меховой шляпе – «пирожке». Вдруг он обращает на них внимание и направляется к ним с весьма угрожающим видом. Ребенок ничего не замечает. Поравнявшись с Якобом и Зигмундом, толстяк останавливается.

Толстяк. Вон с тротуара, жид! *(Движением руки срывает картуз Якоба и швыряет его в сточную канаву.)* Подними свой картуз и стой на дороге.

Маленький мальчик в ярости хочет броситься на толстяка, но Якоб удерживает его; тогда ребенок хочет ударить его ногой, но незнакомец уже вне досягаемости. Он уходит, даже не обернувшись.

Якоб нагибается, не выпуская руку сына, и поднимает картуз.

Якоб *(надевая картуз).* Иди!

Маленький Зигмунд. Куда?

Якоб. По дороге.

Оба идут по дороге. Проезжает карета и обрызгивает их грязью. У маленького Фрейда угрюмый и упрямый вид (тот самый, который мы так часто видим в фильме).

Голос Якоба за кадром. Ты был трудным ребенком.

В семействе Фрейдов, 1862 год.

Вечер после происшедшего приключения. Довольно бедное жилище. В уголке худенькие и болезненные девочки играют в куклы.

Большая неуютная комната. Почти нет мебели. Мать освобождает стол. Кроткий и усталый Якоб, сидя в кресле, курит трубку.

Маленький Зигмунд подходит к нему; в его вопрошающем взгляде изумление и отчаяние.

Голос Якоба за кадром. Как же ты вечером злился на меня! Ты был такой злой!

Снова в комнате старого Якоба.

Фрейд смотрит на отца, и на его мрачном лице, несмотря на бороду и морщины, зритель вновь видит исполненное отчаяния изумление ребенка.

Фрейд. Отец, прошу тебя… *(Пауза. Фрейд отпускает руку отца. Старик хочет что-то сказать, но Фрейд, подняв палец, запрещает ему говорить.)* Молчи. Тебе нельзя утомляться.

Якоб. Брось, малыш! Ты забыл самое прекрасное! *(На экране снова маленький Зигмунд и отец. Отойдя от отца, мальчик подходит к стопке книг на столе.)* Ты пошел за своими книгами. Ты всегда был лучшим учеником и получал в награду прекрасные книги. В одной из них рассказывалось о римской истории.

Малыш подходит к столу, берет один из томов, усевшись на пол, раскрывает его и вырывает страницу. Это гравюра. Он возвращается к отцу, протягивая ему гравюру.

Якоб *(ошарашенно).* Зачем она мне, маленький мой? (Он *надевает очки, рассматривает гравюру. Читает подпись под ней: «Гамилькар заставляет своего сына Ганнибала отомстить за карфагенян». Якоб сдвигает очки на лоб и смотрит на малыша, который глядит с нетерпением и обидой.)* Что это значит?

Малыш. Ты Гамилькар, папа.

Якоб *(нежно улыбаясь).* Да нет, я – не Гамилькар.

Малыш *(ласково, умоляюще).* Нет, папа, ты – Гамилькар. Ты должен быть им.

Якоб*(какбы играя с ребенком).* Хорошо, я – Гамилькар.

Малыш. Заставь меня поклясться.

Якоб *(смеясь).* Ну хорошо, клянись!

Малыш *(с исступленной пылкостью).* Клянусь отомстить за моего отца, героя Гамилькара, и всех униженных евреев. Я буду лучшим из всех, одолею каждого и никогда не отступлю.

Твердость тона, столь редкая у детей, заставляет Якоба вздрогнуть. Перестав улыбаться, он смотрит на малыша, понимая, что тот идет на конфликт ради того, чтобы не стыдиться собственного отца. Лицо его становится глубоко печальным, словно он с горькими сожалениями угадывает, что этот поступок будет довлеть над всей жизнью сына.

Голос старого Якоба за кадром. С того мгновения ты стал совсем другим. (*Пауза.)* Но разве тогда я мог снова взойти на тротуар?

После того как Зигмунд принес клятву, отец и сын молча смотрят друг на друга.

Мы снова видим комнату. Старый Якоб с тревогой глядит на Фрейда. У него точно такое же выражение лица, что и в сцене 1862 года, когда он смотрит на маленького Зигмунда.

Якоб. Тогда было время погромов. Они ждали лишь предлога, чтобы поджечь весь квартал.

Он слабо улыбается и шевелится в своей постели.

Фрейд (*ласково).* Нет. Ты не мог. Надо было вести себя осмотрительно. *(Еще ласковее.)* Успокойся, папа. Успокойся. Ты не мог.

Старик, моргая, улыбается.

Якоб *(смеясь и грозя Фрейду пальцем, словно тот еще ребенок).* Мой маленький Ганнибал!

Он закрывает глаза, но не спит. Рука его тянется к Фрейду. Тот резко откидывается назад и прячет свои руки.

Якоб *(детским голосом).* Дай мне твою руку.

Фрейд, ценой невероятного усилия, принуждает себя взять руку Якоба. Старик улыбается, не открывая глаз, и постепенно впадает в забытье.

Мало-помалу лицо Фрейда вновь обретает свою суровую, почти злую твердость (таким его лицо мы видели в начале третьей части).

Голос за кадром *(отдаленный и чуть слышный голос антисемита).* Жид, подними свой картуз.

Голос Якоба за кадром. Я—не Гамилькар.

Голос маленького Зигмунда за кадром. Я отомщу за всех евреев. Я не отступлю никогда. Никогда не сойду с тротуара.

Он смотрит на уснувшего отца с презрением и, пользуясь забытьем больного, отдергивает руку.

Пока он встает и поворачивается спиной к постели, голос маленького Фрейда за кадром повторяет – Никогда! Никогда! Никогда!

Он уходит, бесшумно закрыв за собой дверь. Взгляд у него злой и безжалостный.

Мать и Марта движутся ему навстречу, но взгляд Фрейда останавливает их.

Мать *(робко).* Как ты его находишь?

Фрейд *(не отвечая, улыбается, целует мать в лоб и равнодушным тоном обращается к Марте).* Ты не будешь столь любезна разобрать мой чемодан и рюкзак? Я иду к больной.

Он сухо улыбается Марте и уходит.

Мать *(пожимая плечами).* Ну вот! *(Пауза.)* Я спрашиваю себя, любит ли он своего отца.

Марта *(с горечью).* А я спрашиваю, любит ли он хоть кого-нибудь, кроме вас, мама.

(13)

Чуть позже, этим же утром.

Улица в пригороде Вены. Налево – двухэтажные домики (здесь живут обыватели), пустырь, а в глубине, совсем далеко, заводские трубы. Справа шестиэтажное, довольно ветхое здание, на первом этаже которого никто не живет (окна здесь разбиты, сквозь распахнутые ставни видны пустые комнаты).

За этим зданием – решетка, которая ограждает весьма большой, выглядящий заброшенным сад. (Тропинки заросли травой, кусты давно не подравнивали, деревья не подстригали.) В глубине сада уютный двухэтажный особнячок, построенный явно лучше других домишек: может быть, это бывший охотничий домик. Это переулок Принц Эйген. Фрейд в тирольской шляпе идет по правому тротуару и пытается опознать домик, о котором ему говорил Брейер. Едва он прошел здание и оказался перед решеткой, всякое сомнение его оставляет: именно здесь должна жить госпожа Кёртнер с дочерью. Он подходит к калитке и, прежде чем позвонить, снимает шляпу,

выдергивает из нее перья, засовывает их в карман, потом снова надевает шляпу.

Фрейд звонит. Долгая пауза.

Наконец на пороге особнячка появляется старуха и нелюбезно кричит ему издали.

Старуха. Что вам угодно?

Фрейд. Я хочу видеть госпожу Кёртнер.

Старуха. Ее нет дома.

Фрейд. Тогда мадемуазель Кёртнер.

Старуха. Она не принимает.

Фрейд. Спросите у нее…

Старуха захлопывает дверь. Фрейд, слегка ссутулившись, упрямо ждет.

Через несколько минут он снова нажимает кнопку звонка Дверь особнячка не открывается. Фрейд дергает защелку ворот – она не поддается. Закрыта на ключ.

Он стоит перед решеткой, ждет, не сходя с места, словно нищий, который рассчитывает, что его настойчивость заставит людей раскошелиться.

Вдоль здания в ярком солнечном свете (примерно десять часов утра) скользит высокая, одетая в черное женщина. Она бесшумно подходит к Фрейду и трогает его за плечо.

Госпожа Кёртнер. Что вам угодно? *(Фрейд вздрагивает и оборачивается. Она с легким удивлением вглядывается в его лицо.)* Я узнаю вас. *(Пауза.)* Вы – доктор…

Фрейд*(снимая шляпу)*. Зигмунд Фрейд.

Он перекладывает шляпу в правую руку. Фрейд достает бумажник, вынимает свою визитку, которую протягивает госпоже Кёртнер.

Госпожа Кёртнер *(читая визитку)*. Я вижу. *(Твердым голосом.)* Зачем вы пришли сюда?

Фрейд. Выздоровела ли ваша дочь?

Госпожа Кёртнер *(бесстрастным голосом)*. Нет.

Фрейд *(совершенно откровенно)*. Я хотел бы ее лечить.

Госпожа Кёртнер *(почти оскорбительным, тоном)*. Бесполезно.

Госпожа Кёртнер смотрит прямо в глаза Фрейду. Она постарела и ожесточилась с тех пор, как мы ее видели. В уголках губ у нее появилась какая-то злая и презрительная гримаса. Ее черный туалет, хотя и из дешевой ткани, хорошо пошит.

Госпожа Кёртнер. Это врачи выдумали болезнь моей дочери.

Фрейд. Госпожа Кёртнер! Вам же прекрасно известно, что это не правда. Доктор Брейер…

Госпожа Кёртнер. Моя дочь – несносное дитя, а доктор Брейер совершил непростительную ошибку, принимая ее всерьез. Она считает себя мученицей, доктор, и единственное ее несчастье в том, что ее слишком избаловал отец. *(Она роется в сумочке, невежливо отталкивая Фрейда, вынимает связку ключей, вставляет один из них в замочную скважину и поворачивает. Открывает калитку.)* Прощайте, доктор.

Она входит в сад, Фрейд – за ней. Она не успела обернуться, чтобы закрыть калитку, как Фрейд уже вошел в сад. Она бросает на него грозный взгляд прекрасных, жестких глаз, но ей не удается запугать Фрейда: стоящий перед ней мужчина более тверд, чем она, и более решителен.

Она раздражается, и сухая язвительность ее голоса сменяется грубостью.

Госпожа Кёртнер. Убирайтесь!

Гнев меняет лицо госпожи Кёртнер; внезапно она становится пошлой, словно торговка рыбой.

Госпожа Кёртнер*(вульгарно и грубо)*. Мерзавец! *(Она поднимает руку и хочет ударить Фрейда. Он в воздухе перехватывает ее запястье и несколько мгновений не отпускает руку. Этого оказывается достаточно для того, чтобы она вновь обрела хладнокровие и внешность изысканной буржуазной дамы. Говорит очень холодно, властно.)* Оставьте меня! *(Фрейд отпускает ее, слегка поклонившись, словно извиняясь.)* Вы считаете меня плохой матерью, не так ли?

Фрейд. Нет.

Госпожа Кёртнер. Это читается в ваших глазах. *(Пауза. С вызовом.)* Посмотрите на меня. За четыре года я постарела на двадцать лет. Я едва на ногах держусь. Сплю по четыре часа в сутки. И знаете почему? Потому что я стала преданной сиделкой дочери, которая меня презирает и хочет моей смерти.

Фрейд. Ну и что? Вы ухаживаете за ней, но вы не хотите ее лечить. Вы выставили врачей за дверь и сами не боретесь с ее болезнью, потому что она позволяет вам справляться с дочерью.

Мать смотрит на Фрейда рассерженно, но с каким-то сомнением. Фрейд импровизирует: эти его слова – блеф. Он настаивает на своем потому, что госпожа Кёртнер, кажется, задета за живое.

Госпожа Кёртнер *(холодно и трезво).* Я не выставляла врачей за дверь. (С *горькой усмешкой.)* Они больше не приходят, потому что мы разорены. Вы понимаете? Они прекратили свои визиты, как только поняли, что у нас больше не осталось ни гроша, чтобы им платить. *(С насмешливым вызовом, уверенная в отрицательном ответе Фрейда.)* Доктор Фрейд, вы согласились бы лечить Сесили бесплатно?

Фрейд. Да, госпожа Кёртнер. *(Серьезно и убежденно)* Я берусь за это. *(Пауза.)* Ну так как? *(Госпожа Кёртнер в растерянности смотрит на него.)* У Сесили есть шанс поправиться. Неужели вы откажете ей в этом?

Госпожа Кёртнер. Я знаю мужчин, в том числе врачей: они ничего не делают даром. Не думайте, будто я принимаю вас за филантропа. В чем ваш интерес?

Госпожа Кёртнер говорит с ним слишком трезвым и слишком уверенным тоном, а не тоном «светской женщины». За ее уверенностью чувствуется глубокий жизненный опыт.

Фрейд смотрит на нее твердо, но не без симпатии. Ясно, что ему нравятся такие женщины.

Фрейд *(без всякого лукавства).* У меня появилась одна мысль о неврозе, и я хочу ее проверить.

Госпожа Кёртнер. И вы ищете бедных больных, чтобы окончательно их доконать? Моя дочь станет вашим подопытным кроликом?

Фрейд. Я никого не намерен доканывать, госпожа Кёртнер. И ваша дочь – не подопытный кролик: я считаю ее самой умной из всех известных мне больных женщин.

Госпожа Кёртнер молчит, охваченная сомнениями. Потом она подходит к калитке, закрывает ее и поворачивает ключ, который прячет в сумочку.

Госпожа Кёртнер. Пойдемте со мной. *(Они пересекают сад. Поднимаясь по трем ступеням крыльца особнячка, она поворачивается к Фрейду.)* Попробуйте. Если я увижу, что вы причиняете ей боль, я прерву лечение.

Фрейд молча кивает в знак согласия.

Они входят в бедно обставленную, затемненную садовыми деревьями гостиную. За столом сидит старуха служанка и штопает. Мы видим кое-какую мебель из их прежнего жилища, чудом уцелевшую после финансового краха семьи.

Служанка поднимает на Фрейда серые, холодные глаза; она равнодушно смотрит на него, потом снова принимается за работу.

Госпожа Кёртнер остановилась посреди комнаты, предоставив Фрейду самому закрыть дверь.

Госпожа Кёртнер. Я буду присутствовать на ваших сеансах?

Фрейд *(вежливо, но твердо).* Нет, госпожа Кёртнер.

Госпожа Кёртнер. Хорошо. *(Показывает на дверь в глубине комнаты)* Ну что ж, она там. Идите. *(Пока он идет по комнате, она замечает с ехидным, исполненным злорадства смешком.)* Самое трудное впереди. Надо будет, чтобы она вас приняла. *(Фрейд стучит в дверь.)*

Голос Сесили за кадром. Войдите!

(14)

Комната Сесили.

Узкая и бедно обставленная комната. В углу кувшин с водой, на столе – таз. Два стула, кресло-качалка.

Постель Сесили справа от двери, у стены.

Два окна: одно слева от входа, другое – в глубине. Дешевыми гравюрами – более или менее удачно – здесь пытались прикрыть пятна и потеки на обоях. Ночной столик завален книгами.

Когда Фрейд входит, Сесили, обложенная двумя подушками, лежа читает. Она опускает книгу, которую держала прямо перед глазами, и смотрит на вошедшего, глаза у нее совершенно нормальные. Долгая пауза.

Сесили. Я узнала вас. Неужели я недостаточно наказана?

Фрейд (*ласково).* Я пришел не для того, чтобы вас наказывать, Сесили.

Сесили *(пожимая плечами).* Меня нужно наказывать, потому что я виновата. *(Она загадочно улыбается чему-то, известному ей одной. По-прежнему смотрит на Фрейда; говорит медленно.)* Вы доктор Фрейд. А вашего друга звали Флисс. (С *каким-то отрешенным видом)* Ну а тот, кто оказался таким трусом, как его звали?

Сесили утратила тот невинный вид, который пленил Брейера. У этой девушки теперь появился настороженный и презрительный взгляд женщины. Горькая складка в уголках рта, которая будет сохраняться во всех последующих сценах, вплоть до выздоровления.

Фрейд*(селе уловимым согласием).* Трусом? Брейер.

Сесили. Брейер. Да-да! Его жену звали Матильда. Говорят, он сделал ей ребенка?

Фрейд. Девочку.

Сесили *(с презрительной улыбкой).* В Венеции, конечно. Дитя лагуны. *(Почти горделиво.) А* у меня ноги парализованы. *(Фрейд хочет посмотреть.)* Бесполезно.

Она сбрасывает одеяло. Рубашка задрана до колен: ноги Сесили выглядят так же, как у истеричек в первой части и у Жанны (пациентки Шарко).

Сесили *(сиронической усмешкой).* Истерические контрактуры. Двусторонняя потеря чувствительности. Как вы понимаете, я все о себе знаю: это длится так долго.

Фрейд подходит к ней; на этот раз она ему не мешает. Он подбирает одеяло и укрывает ее.

Сесили. Вы очень любезны. Прямо муж Матильды. Как вы только что его назвали?

Фрейд. Брейер.

Сесили. Ах, да. А как зовут вашу жену?

Фрейд. Марта.

Сесили. Храни ее Бог. (С *резкой грубостью, но не повышая тона.)* Убирайтесь! Убирайтесь отсюда! Скажите его жене, что я поплатилась за свою вину и у меня никогда не будет детей.

Фрейд, нисколько не волнуясь, берет один из стульев, ставит его у изголовья Сесили и садится.

Фрейд. Сесили, я хочу вас вылечить.

Всю эту сцену он будет добрым и терпеливым, но в его суровых, жестких глазах появится тревожный блеск: чувствуется, что он не питает никакой симпатии к Сесили и готов на все, чтобы проверить на ней истинность своей теории.

Сесили *(рассмеявшись).* Снова! А потом убежите со всех ног, когда сделаете меня смертельно больной? Я и сейчас чувствую себя совсем неплохо. Если вы поставите меня на ноги, я пойду на городские тротуары и…

Фрейд. Что?

Сесили. Ничего. Глупости.

Она снова берет книгу и притворяется, будто погружается в чтение. Фрейд сидит не шевелясь. Время от времени она бросает на него поверх книги лукавые взгляды.

Сесили *(положив книгу, спокойно, с улыбкой спрашивает).* Вы действительно уверены, что я истеричка?

Фрейд. Я этого не знаю. Разрешите мне лечить вас, и я отвечу на ваш вопрос.

Сесили. Потому что, видите ли, меня терзают страхи. А книги

утверждают, что у истеричек страха не бывает.

Фрейд. Вы читаете глупые книги. Истерички могут испытывать страх так же, как и нормальные люди. (*Он берет книгу, которую она положила на одеяло.)* Шарко! Это же я перевел.

Сесили. Я знаю.

Фрейд *(слегка презрительным и несколько печальным тоном, каким говорят о старой любовной связи).* Ах! Как это было давно!

Совсем смутившись, Фрейд листает книгу.

Сесили *(думая о своем).* Потому что, вы понимаете, я не хочу, чтобы вы лечили мои ноги. Но мне так хочется, чтобы вы сняли мои страхи. *(Улыбается.)* Если сможете.

Фрейд. Попробуем.

Он слегка пододвигает свой стул к постели. Ее охватывает неподдельный страх.

Сесили *(громко кричит).* Оставьте меня в покое! Не трогайте! Помогите! Мама, мама!

Резко распахивается дверь. Появляется мать.

Госпожа Кёртнер *(сухо).* Что еще случилось? Ты хочешь, чтобы он ушел?

Сесили. Нет. Но я не хочу, чтобы он меня гипнотизировал. Хватит, хватит глупостей! Довольно!

Фрейд *(повернувшись к Сесили).* Гипнотизировать я вас не стану, обещаю это в присутствии вашей матери.

Сесили *(обращаясь к матери, подспудно злым, несмотря на кажущуюся мягкость, тоном).* Хорошо. Тогда, мамочка, дорогая, выйди, пожалуйста. *(Мать закрывает дверь. Сесили недоверчиво спрашивает Фрейда.)* Неужели вы не станете меня гипнотизировать? Вы ведь только этим и занимались.

Фрейд. До сих пор я лечил гипнозом. Но произошло нечто, заставившее меня от него отказаться.

Сесили *(простодушно).* Вы что, убили?

Фрейд *(спокойно).* Почти.

Сесили. В конце концов так и должно было случиться.

Фрейд. Когда люди бодрствуют, они всячески отгоняют от себя воспоминания, которые хотят забыть.

Сесили*(сиронией).* А если они спят под гипнозом, то им лезет в голову все без разбора.

Фрейд. Правильно! Потом им пересказывают все, о чем они болтали под гипнозом, но, проснувшись, они снова обретают моральные запреты, табу, все механизмы подавления. Когда к ним

возвращается вытесненное воспоминание, оно вызывает у них ужас, люди созданы таким образом, что подавляют это воспоминание. Этот шок слишком силен. Врачу следует быть осторожным, беседовать с больными тогда, когда они полностью свободны от гипноза, воздействовать на их защитные механизмы и постепенно разрушать их.

Сесили *(смеясь).* А как же любовник Матильды? Что останется от его метода? Он ведь так им гордился.

Фрейд. Вы имеете в виду Брейера? В главном его метод не изменился. Мы просто больше не будем прибегать к гипнозу.

Сесили. Чем же мы будем заниматься?

Фрейд. Чем? Вы будете рассказывать все, что захотите. Выскажете все, что придет вам на ум, даже то, что кажется самым нелепым. Случайностей не существует: если вы думаете о лошади, а, скажем, не о шляпе, и на это есть глубокая причина. Мы вместе будем эту причину искать. И чем ближе к ней подойдем, тем больше ослабнут ваши защитные механизмы и тем менее тяжело вам будет раскрыть эту причину.

Сесили *(лукаво).* Это как светская игра?

Фрейд. Да. Но игра в истину. Начинайте.

Сесили. С чего?

Фрейд. Я сказал, с чего угодно.

Сесили *(кокетливо, с полным сознанием собственного очарования).* Не могли бы вы на первый раз помочь мне?

Фрейд. Хорошо. Вам снятся сны?

Сесили. Каждую ночь.

Фрейд. Снились и сегодня? *(Сесили утвердительно кивает.)* Ну что ж, расскажите ваш сон.

Все это явно забавляет Сесили. Сейчас для этой одинокой девушки значение имеет присутствие мужчины и та игра, в которую она с ним играет.

Сесили *(оживленно).* Это просто: сегодня я видела тот же сон, что снится мне три-четыре раза в неделю. С вариантами, конечно. Я уверена, что это возмездие. Я была… *(Она склоняет голову на плечо и притворяется, будто ей стыдно. На самом деле она кокетничает.)* Вы можете подумать, что у меня странные мысли. Я была проституткой. Одной из тех, что стоят на панели.

Сон, который она рассказывает, развертывается на экране, как наяву. Перед нами ночная улица, слабо освещенная газовым фонарем. Вдалеке расхаживает по тротуару женщина; это Сесили, но мы едва различаем ее черты. Издали кажется, что одета она так же, как «классические» проститутки.

Фрейд *(голос за кадром).* Вы видели раньше уличных женщин?

Сесили*(голосза кадром).* Конечно.

Фрейд (*голос за кадром).* Вы были так же одеты?

Сесили*(голосза кадром).* Нет.

Неожиданно мы видим Сесили, выходящую из тени, на ней белоснежное подвенечное платье, белая фата, флердоранж. Но лицо ее чудовищно накрашено, оно постарело, почти обезображено резким, утрированным гримом.

Сесили. Я была в подвенечном платье. *(Кстати, спереди платье сильно порвано и сквозь прореху мы видим ее обнаженную ногу выше колена.)* Так смешно. Платье было порвано. Мне было стыдно от этого.

Она прохаживается по тротуару, перед фонарем.

Фрейд*(голосза кадром).* Подумайте немного, Сесили. Когда вы видели рваное подвенечное платье?

Сесили останавливается под фонарем и задумывается.

Сесили *(голос за кадром).* Никогда.

Фрейд*(голос за кадром).* И не видели других рваных платьев?

Сесили*(голос закадром).* Ой, нет! Видела. Черное платье матери. Вчера оно порвалось, и мама чинила его, сидя рядом, пока я читала.

Проститутка Сесили, словно удовлетворенная этим ответом, снова начинает расхаживать по тротуару.

Она проходит мимо ворот. В темном углу мы вдруг различаем тревожную тень: мужчину, который, затаившись, ждет.

Голос Сесили за кадром. У меня было странное имя. Потифар. Знаете, как у царицы в Библии.

Тень становится все отчетливее. Это весьма изысканно одетый господин, которого мы видим со спины. Он в цилиндре.

Господин *(шепотом).* Потифар! Потифар!

Прошедшая мимо Сесили возвращается к нему. Поравнявшись с ним, вынимает из сумочки золотое кольцо и подает мужчине.

Голос Сесили за кадром. Я была с клиентом.

Мужчина, по-прежнему стоящий к нам спиной, протягивает указательный палец, и мы видим, как Сесили надевает ему на палец золотое кольцо.

Фрейд *(голос за кадром).* Как он выглядел?

Голос Сесили за кадром. Я не разглядела его лица. Я дала ему золотое кольцо. Оно оказалось ему велико. *(Рука мужчины опускается к земле, и кольцо падает. Мужчина бросается со всех ног прочь и в своем смятении так сильно толкает Сесили, что та падает.)* Он убежал и сбил меня с ног.

В тот момент, когда она падает, слышится громкий смех. На втором этаже дома, перед которым она упала, распахнуто окно и в нем – смеющаяся женщина. Она в классическом наряде проститутки.

Сесили*(голосза кадром).* Какая-то женщина смеялась. Она сказала…

Женщина *(очень вульгарным голосом).* Не стоило труда меня убить.

Голос Сесили за кадром. Мне было все равно, что она скажет. Но мне было так больно, когда я упала на крыльце.

Камера от женщины в окне возвращается к Сесили. Декорации изменились, пока в кадре была эта женщина.

Сесили действительно упала на крыльце своей прежней виллы. Ворота исчезли. Видны только три ступени, ведущие к открытой застекленной двери.

Сесили по-прежнему в подвенечном платье стоит на коленях на одной из ступеней. Застекленная дверь, окна, ступени ярко освещены.

На экране знакомый нам интерьер дома.

Сесили плачет, словно малое дитя, с гримасами и громкими всхлипываниями.

Слезы текут по ее щекам.

Фрейд *(голос за кадром).* На каком крыльце?

Голос Сесили за кадром. Крыльце нашей прежней виллы.

Фрейд. И что же дальше?

Голос Сесили за кадром. Все. Я проснулась.

Сон кончился. Мы снова оказываемся в комнате. Фрейд все так же склонился над ней. Это веселит Сесили.

Сесили. Так забавно рассказывать сон. Но это глупо. Сон ничего не означает.

Фрейд *(убежденно).* Сон означает многое!

Сесили *(недоверчиво).* Пусть, но почему, например, я звалась Потифар?

Фрейд. Потифар – имя жены фараона. Она была влюблена в Иосифа. *(Пауза.)* А Йозеф – имя доктора Брейера. *(Сесили, перестав улыбаться, смотрит на него с недоверием и строгостью.)* В вашем сне клиент убежал, как Иосиф от Потифар.

Сесили слабо улыбается. Фрейд тоже улыбается в ответ, однако смотрят они друг на друга недобро.

Фрейд *(улыбаясь, говорит с умыслом).* В общем, вам приснился кошмар?

Сесили *(она довольна этой участливостью, улыбается).* История с Потифар, естественно, делает честь Иосифу, но для Потифар она – кошмар.

Пауза.

Фрейд. И часто вам снится этот сон?

Сесили. Очень часто, но с Потифар впервые.

Фрейд. А проституция? Часто снится?

Сесили. Да. И женщина в окне, и падение на крыльце.

Фрейд. Когда все это приснилось вам в первый раз? Через сколько времени после смерти вашего отца?

Сесили. Задолго до смерти.

Фрейд явно потрясен.

Фрейд *(с удивлением, которое вынуждает его повысить голос).* До смерти? Прежде чем вы нашли его…

Сесили *(жестко).* В борделе? Намного раньше! Много лет раньше.

Фрейд. Почему?

Сесили. Я очень любила отца. Но я сильно злилась на него за то, что он обманывал мою бедную маму.

Фрейд. С проститутками?

Сесили. Разумеется. Всем мужчинам нравятся проститутки, не правда ли? К счастью! *(Жеманным, не свойственным ей голосом.)* Порядочные женщины не посмели бы на улицу выйти, если б не было этих девок. (С *глубоко искренним видом.)* Я обожаю мою мать, доктор. Она будет утверждать вам совсем другое, потому что у нас обеих дурной характер. Но это неправда. Я знаю, как она мучается. И люблю ее все больше и больше. Даже сегодня я не могу простить отцу ту адскую жизнь, которую он ей устроил. *(Сесили говорит с какой-то ненавистью.)* Он обманывал ее даже в собственном доме. Женщина, которая во сне смотрела на меня из окна, я знаю, кто она такая. Бывшая гувернантка, любовница отца. Мама ее прогнала и правильно сделала. *(Она корчится от смеха.)* Вот уж кто не заслуживал своего имени!

Фрейд. Кто?

Сесили. Папа. Его тоже звали Йозеф.

Фрейд. Вот что.*(Пауза.)* Он вас толкнул, когда вы были маленькой? И вы упали?

Сесили смотрит на него удивленно, с недоверчивостью.

Фрейда преследует его мысль, и он возвращается к предмету своего расследования.

Сесили. Откуда вам это известно?

Фрейд. Из вашего сна.

Сесили. О! Это всего лишь дурное воспоминание, и вы полагаете, что я разозлилась на него за это.

Маленькая Сесили вбегает в прихожую прежней виллы.

Сесили. Мне было лет шесть. Я бежала. Наверное, тут была моя вина.

Она налетает на отца, импозантного и сильного мужчину, который в этот момент выходит через застекленную дверь. Она падает.

Фрейд. Что же дальше? Что случилось?

Затемнение в кадре. Комната Сесили.

Сесили *(обнаруживая признаки усталости).* Больше ничего. Абсолютно ничего.

Фрейд. Однако вы вспоминаете об этом падении двадцать лет спустя. А забыли столь многое! Даже имя моего друга Брейера. Почему вы помните об этом?

Сесили. Я не знаю. Разве можно знать, почему вспоминаешь то, а не другое событие? Я больше ничего не скажу вам, я слишком устала. Ваш метод все силы выматывает. Гораздо хуже, чем гипноз. Я чувствую, что сегодня из меня больше ничего не вытянуть. (*С некоторой снисходительностью.)* Вы меня выжали как лимон. *(Любезным тоном.)* Приходите завтра снова.

Фрейд, любезный и невозмутимый, встает. Он весь поглощен своим исследованием.

Фрейд. Приду. Постарайтесь подумать об этой истории с падением на крыльце. Все подробности, которые вы вспомните, будут полезны.

Сесили внимательно смотрит на него. Улыбается, но без симпатии.

Сесили *(полушутя, полусерьезно).* Мне не нравятся ваши глаза. *(Фрейд вопросительно на нее смотрит.)* У вас глаза убийцы. Вы совершите что-то дурное.

Фрейд *(шутя, тоном Сесили).* Или, быть может, хорошее, очень удачно заброшу сеть, которая достанет чудовищ из глубин морских. Знаете, о чем я говорю? Есть чудовища, живущие под таким огромным давлением, что они лопаются, когда их вытаскивают из воды.

Он кланяется. Она улыбается в ответ. Мы чувствуем, что между

ними возникла какая-то странная близость, хотя и совсем непохожая на ту, что соединяла Сесили с Брейером.

(16)

На другой день. После завтрака в квартире Фрейда.

Марта хлопочет по дому, ей помогает горничная.

Фрейд сидит в кресле; оба мальчика возятся на полу; Матильда, уже маленькая женщина, стоит, вытянувшись, рядом с отцом. Марта, озабоченная, проходит мимо. Фрейд берет ее за локоть.

Фрейд *(тепло улыбаясь).* Присядь, Марта. Побудь со мной.

Марта. Не могу.

Фрейд. Почему?

Марта. Уборкой занимаюсь.

Она уходит, оставив Фрейда одного с детьми. Матильда, воспользовавшись этим, подходит поближе к отцу.

Матильда. Это правда, что она у нас будет?

Фрейд говорит с дочерью с величайшей нежностью; лицо его расцветает. Он весел.

Фрейд. Кто она, милая моя?

Матильда. Не знаю, как ее зовут, эту машину?

Фрейд. А! Телефон? Ну конечно, Матильда, нам установят его в ближайшие дни.

Матильда. Я говорю в этом доме, а ты находишься в другом доме и слышишь.

Фрейд. Да.

Матильда. А если я тебя поцелую, ты в другом доме почувствуешь это?

Фрейд. Нет.

Матильда прыгает на колени к Фрейду и пылко его целует.

Фрейд позволяет себя целовать и даже сам целует девочку. Потом вдруг лицо его становится жестким и почти злым.

Матильда, напуганная этим суровым и замкнутым лицом, которого она никогда не замечала у отца, разражается рыданиями.

Вошедшая Марта наблюдала всю эту сцену.

Марта *(потрясенная).* Матильда!

Дочь бросает на нее яростный взгляд и выбегает из комнаты.

Фрейд. Мне надо проведать больную. До скорой встречи.

Он машинально целует ее в лоб и уходит. Она долго смотрит на дверь, в которую он вышел.

(17)

В комнате Сесили.

Спустя полчаса. Госпожа Кёртнер все так же одетая в черное, с кружевным жабо до подбородка, сидя у изголовья Сесили, занята шитьем. Сесили неподвижно, как и вчера, сидит в постели, обложенная подушками. Ее неподвижные глаза кажутся расширенными от страха. Время от времени она слегка сжимает руками одеяло. Обе женщины молчат, но госпожа Кёртнер изредка поглядывает на Сесили.

Эти короткие взгляды холодны и равнодушны. В них никакой нежности. Когда она склоняется над своей работой, Сесили тайком бросает на нее быстрый взгляд.

Между двумя женщинами чувствуется крайняя, но скрытая напряженность. Мы догадываемся, что так происходит каждый день. Ежедневно госпожа Кёртнер приходит «присматривать» за дочерью. В дверь стучат.

Не дожидаясь ответа, старуха служанка открывает.

Она отходит в сторону, пропуская Фрейда. Потом закрывает дверь.

Старуха. Доктор Фрейд.

Фрейд молча склоняется в поклоне перед госпожой Кёртнер. Та, не говоря ни слова, слегка кивает головой. Она встает, не спеша забирает свое шитье и уходит.

Лицо Сесили тут же меняется. Она бледна и встревоженна, но справляется со своим волнением. Она вымученно улыбается и протягивает Фрейду руку любезным, но усталым жестом.

Фрейд пожимает руку и усаживается на место госпожи Кёртнер.

У него такие суровые и неподвижные глаза, что можно подумать, будто они из стекла. Однако он улыбается, хотя эта улыбка кажется фальшивой.

Сесили. У вас волчья улыбка.

Фрейд. Волки не улыбаются.

Сесили. Вы никогда не слышали «Красную Шапочку»? Там был волк, он улыбался. Но Красная Шапочка сидела на вашем месте, а волк – на моем.

Фрейд *(прерывая разговор, очень сухо).* Я вас не съем. *(Пауза.)* Что с вами? Приступ страха? *(Она утвердительно кивает.)* Вам снились кошмары?

Сесили. Нет. Не кошмары. Я вообще не спала. У меня были галлюцинации. Всегда одни и те же: кровоточащая голова.

Фрейд. Чья голова?

Сесили *(неопределенно).* Ну, голова…

Фрейд. Мужчины? Женщины?

Не отвечая, Сесили пожимает плечами.

Сесили *(спустя какое-то время).* Это была голова того, кого я убила. *(Фрейд молча, в упор смотрит на нее.)* Доктор, я наверняка сделала что-то очень дурное. *(Фрейд не отвечает. Она настаивает.)* Я чувствую себя такой виноватой. Разве вы можете знать, что я сделала?

У Фрейда все более и более суровый вид: он решился сегодня же нанести главный удар. Это заметно по всему: в его жестах и голосе ощущается какая-то необычная стремительность.

Фрейд *(пользуясь этим вопросом).* Нет. Но уже сегодня мы это узнаем.

Сесили *(испуганно).* Кто мы?

Фрейд. Вы и я.

Сесили. Если это серьезно, вы не скажете об этом маме.

Фрейд. Нет. *(Пауза. Потом резким тоном.)* Итак, вы упали на крыльце виллы. Сколько вам было лет?

Сесили. Восемь.

Фрейд. И, конечно, точную дату вы не помните?

Сесили. Нет, помню точно, потому что это был день рождения моей гувернантки – 6 июня 1878 года.

Фрейд достает из кармана записную книжку. Он тщательно записывает дату и прячет книжку в карман сюртука.

Фрейд. Вы до сих пор помните день ее рождения. Значит, вы ее очень любили?

Сесили. Очень.

Фрейд. А ваш отец обманывал с ней вашу мать?

Сесили *(жалко улыбаясь).* Ну да! Но это меня не касалось.

Фрейд. Вы говорили, что мать правильно сделала, прогнав ее.

Сесили. Правильно сделала! Очень хорошо сделала. Естественно, с ее точки зрения.

Фрейд. И что дальше? Отец толкнул вас, и вы упали?

Перед виллой.

Маленькая девочка поднимается по ступеням крыльца. Мужчина (господин Кёртнер) торопливо выходит и толкает ее.

Сесили *(голос за кадром).* Да нет же.

Фрейд *(голос за кадром).* Вы мне вчера так сказали.

Сесили *(голос за кадром, с легким цинизмом).* Это значит, что вчера я лгала. *(Господин Кёртнер и маленькая Сесили исчезают. На трех ступеньках и в салоне, который виден сквозь прозрачную дверь, никого нет.)* Разве вам не говорили, что я была большой лгуньей? Я бегала и упала, вот и все.

Бежит маленькая девочка; это Сесили.

У нее головка в локонах; на ней – юбочка-кринолин. Споткнувшись о ступеньку, она падает и плачет. В дверях салона появляется господин Кёртнер.

Он бросается вперед и подхватывает ребенка на руки.

Девочка перестает плакать.

Сесили. Мой отец принес меня на диван.

Отец несет девочку на руках. Он поднимается по ступенькам крыльца и собирается войти в салон, когда сухой голос Фрейда останавливает его.

Голос Фрейда за кадром *(сухой и угрожающий).* Это все?

Сесили *(голос за кадром).* Все.

Фрейд *(голос за кадром).* Вы лгунья, Сесили. *(Этот кадр исчезает. Мы снова видим Фрейда, сидящего на стуле, склонившись вперед, и строго смотрящего на Сесили. Сесили, завороженная, хочет возразить. Но Фрейд не дает ей на это времени.)* Лгунья! Вы сами это признали. Когда вы лежали на диване, что с вами произошло?

Сесили. Он хотел посмотреть мою коленку.

Сесили смотрит на Фрейда странными глазами; кажется, что ее и пугает, и интригует история, которую ее вынуждает рассказывать Фрейд.

Фрейд. Тогда маленькие девочки носили под юбкой очень длинные штанишки. Нужно было, чтобы ваш отец… *(Пауза.)*

Сесили. Он нежно… нежно… задрал штанину на левой ноге…

Салон на вилле Кёртнеров. Диван. Над диваном склонился, – мы видим его со спины – господин Кёртнер. Он задирает на левой ноге широкие полотняные панталоны, доходящие до лодыжек, открывая сначала белый носочек, потом голую икру, потом колено, далее – начало бедра.

Этот медлительный и почти сладострастный жест кажется нам похотливым по одной причине; обнаженная таким способом нога

не является ножкой маленькой восьмилетней девочки; это красивая, стройная нога молодой женщины.

Тут мы замечаем, что лежащая на диване женщина – не ребенок: это двадцатипятилетняя Сесили, та самая, что беседует с Фрейдом, но одетая по моде 1878 года (юбка-кринолин, длинные панталоны). Теперь перед нами ее испуганное лицо. Мужчина, который склоняется над ней, наводит на нее жуткий страх.

Голос Фрейда за кадром. Он вам гладил ногу. Вы боитесь моих глаз? А его глаза? Вам они не внушали страха? *(Лежащая на диване Сесили, зачарованная, смотрит в невидимые для зрителя глаза господина Кёртнера: мы видим лишь его плечи и мощную шею.)* Вспомните, Сесили! Вспомните ваш страх. Этот страх сделал незабываемым тот день.

Вдруг господин Кёртнер резко склоняется к лицу Сесили, заслоняя его: перед нами только его голова и широкие плечи. Но ясно, что он целует ее в губы.

Кстати, это видение промелькнуло в долю секунды. Сразу же слышится голос Сесили за кадром.

(Чудовищный крик Сесили за кадром, голос страха – и в самом этом страхе чувствуется какое-то удовлетворение.)

Видение исчезает, мы снова в комнате. Сесили в испуге откинулась на подушки, Фрейд склонился над ней.

(В чем-то их позы воспроизводят позы господина Кёртнера и Сесили в эпизоде, который только что произошел.)

Внезапно лицо Сесили меняется: оно уже выражает не страх, а какую-то раздраженную стыдливость.

Сесили. Это неправда! Этого не было!

Фрейд немножко откидывается назад. Двумя руками он сжимает лоб Сесили.

Она моргает, потом закрывает глаза.

Фрейд. Закройте глаза. (*Властным и убедительным голосом.)* Вы прекрасно знаете, что правда. Вы знаете это. Я понял это сразу, еще вчера, когда вы сказали, что вас толкнул ваш отец. Вы придумали это ложное воспоминание для того, чтобы скрыть другое. Скажите, что это правда.

Сесили открывает глаза. Она изменилась в лице. У нее лживые глаза и тревожная, хотя почта довольная улыбка.

Сесили (*соглашается слишком быстро, говоря почти с иронией).* Правда.

(18)

Почтовое отделение.

Окошечко приема телеграмм. Фрейд, склонившись, слушает телеграфистку, которая перечитывает текст телеграммы.

Телеграфистка. Вильгельм Флейсс.

Фрейд. Флисс. Ф-л-и-с-с.

Телеграфистка надевает очки и медленно, не вкладывая никакого смысла в произносимые слова, читает.

Телеграфистка. Вильгельм Флисс 16 Мариенштрассе Берлин. Сесили нашел блестящее подтверждение родилась 16 марта 1870 года аг… аг…

Фрейд. Агрессия.

Телеграфистка. Агрессия 6 июня 1878. Четырнадцатый случай. Решил выступить сообщением Медицинском обществе природе секс… секс…

Фрейд. Сексуальной.

Телеграфистка. Сексуальной природе неврозов. Дружеский привет. Сигизмунд.

(19)

Кабинет Фрейда.

Стук в дверь.

Фрейд. Войдите.

Дверь открывает Брейер. У него любезный, но смущенный вид.

Брейер. Прошу прощения, что я вошел, не позвонив. Мне открыли дверь техники. *(Увидев телефон.)* А, понимаю!

Фрейд*(снаивной гордостью).* Я один из первых среди врачей, кто имеет телефон. Вы хотите поговорить со мной? (*Поворачивается к детям.)* Ступайте, дети! Живо! Мама вас ждет.

Дети бегут к двери.

Брейер *(подходя к Фрейду).* Признаюсь вам, что я очень удивлен. Вечером вы выступаете с лекцией в Медицинском обществе, а я узнаю об этом лишь сегодня утром, получив пригласительный билет.

Достает пригласительный билет и показывает Фрейду.

Фрейд *(вежливо, но спокойно).* Я был занят.

Брейер *(уязвленный холодностью тона).* Что же такое вас столь занимает?

Фрейд. Пришло время нанести решающий удар. Я готов.

Брейер *(читая пригласительный билет).* «О сексуальной природе

неврозов». *(С усмешкой.)* Отцы насилуют дочерей… Речь все о том же?

Фрейд *(холодно и спокойно).* Если дочери страдают неврозами, то да, о том же.

Брейер *(со злой иронией).* Неужели все виды сексуальной агрессии вызывают неврозы?

Фрейд. Конечно, нет. Необходимо, чтобы больной был предрасположен к неврозам.

Брейер *(тем же тоном).* В общем, существует гораздо больше недостойных отцов, нежели детей-невротиков?

Фрейд. Непременно.

Брейер *(тем же тоном).* Как же безобразен человек! *(Пауза.)* Серьезно, Фрейд, вам не следует излагать эту тему перед нашими коллегами.

Фрейд. Почему же? Ведь это правда!

Брейер. Фрейд, я умоляю вас быть осторожным. Мы вместе написали книгу, через несколько дней она выйдет, и сейчас не время…

Фрейд. Напротив. Из уважения к вам я согласился на то, чтобы мы изложили ваши методы, ни словом не упоминая сексуальность. Сегодня я наверстаю упущенное.

Брейер. Но вы не представляете, несчастный, какой скандал вызовете. Вы будете говорить с пожилыми людьми, большинство из которых отцы, иногда деды, а вы смеете сомневаться в их отношении к детям!

Фрейд. Я же не утверждаю, что виноваты все отцы!

Брейер. Нет. Но чтобы было такое множество виновных, необходимо, если вы говорите правду, чтобы все были подвержены соблазну.

Фрейд. Об этом мне ничего неизвестно. Я говорю то, что знаю.

Брейер. Если вы говорите то, что вы считаете знанием, вы погибли, мой бедный Фрейд. И я не желаю, чтобы вы ввергли меня в эту пропасть под тем предлогом, что я написал вместе с вами книгу.

Фрейд. Вот в чем дело!

Брейер. Да, именно в этом! Я не хочу терять ни свою клиентуру, ни свою репутацию.

Фрейд. Значит, вы боитесь.

Брейер. А вы втихомолку готовили свои удары, и разве не страх помешал вам меня предупредить? У меня нет причины рисковать моей честью врача и мужчины ради дурацких теорий, которых я не разделяю.

Фрейд*(висступленной ярости).* Может быть, они дурацкие, зато доказаны.

Брейер *(презрительно).* Знаю – тринадцать случаев!

Фрейд. С позавчерашнего дня четырнадцать.

Брейер. Еще один? Браво!

Фрейд. Еще один. И исключительной важности. Этот случай – Сесили Кёртнер.

Брейер *(уязвленный до глубины души).* Что вы сказали? *(Берет себя в руки.)* Мой дорогой Фрейд, она была моей больной. Если вы допустили нарушение врачебной этики…

Фрейд. Нет никакого нарушения в том, чтобы лечить несчастную, которую вы бросили. Кстати, меня оправдывает лишь одно – успех лечения. Сейчас она уже встает на ноги.

Брейер. Лечить Сесили! Бедная девочка, вы лишь до конца осквернили ее. Лечить! И это говорите вы! Вы никогда никого не вылечили, и вы стали бы убивать ваших больных ради того, чтобы проверить правильность одной из ваших теорий. *(С какой-то сексуальной ревностью.)* И что же? Сесили тоже стала жертвой агрессии?

Фрейд. Да. В восемь лет.

Брейер. И кого же?

Фрейд. Отца.

Побледнев от ярости, они стоят лицом к лицу и молча смотрят друг другу в глаза.

(20)

Салон в квартире Фрейдов на четвертом этаже.

Марта и Матильда Брейер сидят рядом. Им страшно.

Матильда Брейер. На сей раз, Марта, я думаю, всему конец. Когда он получил приглашение… Никогда я не видела его в таком состоянии.

Марта *(с нежностью).* Я вас так любила.

Матильда *(робко).* Разве мы больше не сможем видеться?

Марта *(отрицательно качая головой).* Зигмунд слишком цельный человек. Если он поссорится с вашим мужем, он мне уже не позволит ходить в ваш дом.

Матильда. А если тайком?

Марта. Я ничего не сделаю тайком от него. Пусть даже он во всем не прав. *(С каким-то страхом.)* Но что же останется мне, если я

потеряю вас!

Она обнимает Матильду Брейер. Несколько мгновений женщины сидят, обнявшись. Матильда плачет. Марта, сдержанная, полная отчаяния, не плачет.

Резко распахивается дверь. Первым какой-то непривычной для него, грубой походкой входит Брейер. За ним Фрейд. Оба мужчины на крайнем пределе гнева. Убитые горем женщины, отпрянув друг от друга, смотрят на них.

Брейер. Мое почтение, Марта. Я восхищаюсь вами и жалею вас.

Марта (*выпрямившись).* Никому не дано право меня жалеть. Я люблю Сигизмунда и горжусь им.

Брейер *(грубо).* Тем хуже для вас *(Обращаясь к Фрейду.)* И запомните хорошенько: я завтра же публично отрекусь от вас!

Фрейд. Прекрасно. Вы бросите меня в самый трудный момент, но я буду продолжать один.

Брейер. Один! Вы никогда не бываете один, мой бедный друг. Чтобы работать, вам необходим мэтр. Вы попадете под влияние Флисса, и все тут! *(Матильде, грубо.)* Пошли!

Матильда встает. Женщины обмениваются взглядом, исполненным глубокой нежности и отчаяния. Матильда поворачивается и идет за Брейером; они уходят.

Фрейд бледен. Он тяжело дышит.

Фрейд. Десять тысяч гульденов.

Марта*(сизумлением).* Сколько?

Фрейд. Я должен ему десять тысяч гульденов и не могу отдать *(Обращаясь к Марте, угрожающим тоном.)* Нам придется экономить каждый грош. Я рассчитываю на твою помощь.

(21)

Вечер того же дня. Перед зданием Медицинского общества.

Фасад здания не изменился с 1886 года. Он такой же старый, такой же причудливый.

Но в этот вечер здание «зазвучало»: сквозь открытые дверь и окна вырываются вопли, непонятные крики, свист.

Время от времени голос Фрейда произносит какую-то фразу – кстати, для зрителя непонятную, – воспользовавшись ненадежным затишьем, и гвалт резко вспыхивает снова.

Появляются двое хорошо одетых гуляк. Смеясь, они прислушиваются. Проходя перед дверью, замечают привратника,

который, спокойно оседлав стул, покуривает сигарету в полнейшей расслабленности.

Один из мужчин. Ну и дерут же они глотки.

Привратник *(философски).* А как же! *(Вместо объяснения.)* Ученые.

Второй гуляка. Да, приятно знать, что и они лаются, как все.

Уходят.

К тротуару подъезжает фиакр, останавливаясь чуть поодаль от входа. Кучер старый, лошадь еле дышит, повозка не слишком чистая. Позднее мы узнаем, что это наемный фиакр, которым иногда пользуется Фрейд, нанося визиты своим больным.

В фиакре сидит Марта, бледная, вся на нервах. Она слышит крики и понимает, что ситуация гораздо серьезнее, чем она предполагала.

Марта. Который час?

Кучер *(глядя на часы).* Четверть одиннадцатого.

Марта. Сейчас закончится. Когда он выйдет, я подойду к нему. Как только он сядет, погоняйте лошадь и вперед.

Кучер. Хорошо, фрау.

Зал.

Со *времени первой лекции Фрейда (1886) он не изменился.*

Появились новые лица, но и самым молодым не меньше сорока. Двоих в зале нет: Мейнерта и Брейера. Место Брейера не занято. Вокруг зала по стенам расставлены бюсты величайших венских врачей начиная с XVIII века. Одна, совсем недавняя, скульптура воспроизводит голову Мейнерта. Под бюстом его фамилия выгравирована золотыми буквами.

Присутствующие располагаются в зале, как и раньше; председатель сидит, Фрейд стоит. Он бледен, но презрительно улыбается. Зал неистовствует. Стоит сплошной вой: можно различить отдельные слова, обрывки фраз. Свистят, топают ногами и т.д. и т.д.

В хоре голосов слышится:

«Психиатрия для свиней»,

«Фантазии старой девы»,

«Научная сказка»,

«Ничего себе сказочка!»

И т.д.

Во время этой бури ярости и грубости Фрейд спокойно смотрит на бюст Мейнерта.

Фрейд *(воспользовавшись затишьем, он заканчиваетсвою лекцию*

словами, брошенными в зал с презрительной иронией). Я благодарю моих коллег за их благосклонное внимание. Вы не перестали проявлять спокойствие и объективность, как это надлежит настоящим ученым.

Новые вопли. Несколько врачей, из самых молодых, переглянувшись, выскальзывают на улицу.

Председатель *(полный мужчина, кстати, столь же возмущенный Фрейдом, как и его коллеги, встает и объявляет при всеобщем шуме).* Заседание окончено.

Фрейд складывает свои бумаги. Глаза его мрачны и строги, но на губах блуждает торжествующая улыбка, словно бы он радуется глупому поведению своих собратьев.

На улице.

Из фиакра Марта с беспокойством наблюдает за несколькими врачами (теми, что вышли из зала), которые выстроились по обе стороны двери с явным намерением освистать или избить Фрейда. Привратник, тоже встревожившись, покинул свой пост и убежал; похоже, он хочет предупредить полицейского, которого мы видим метрах в ста отсюда совершающим вечерний обход.

Врачи явно сговорились друг с другом. Один из них, самый высокий и сильный (черные бакенбарды, красное лицо, явный сангвиник), выглядит предводителем этого маленького отряда.

Он говорит (с места, которое занимает Марта, невозможно расслышать его слова) со злобной улыбкой и сильным возбуждением. (В руке у него трость.)

Фрейд (в цилиндре и сюртуке) выходит в одиночестве из зала. Врачи сразу же начинают кричать.

Врачи *(хором).* Грязный еврей! Грязный еврей! Жидовская свинья! В гетто, убирайся в гетто!

Фрейд на мгновение останавливается, глаза его сияют веселой и почти радостной яростью. Потом медленно идет между рядами врачей, словно на торжестве.

Поравнявшись с предводителем манифестантов, который, размахивая тростью, словно дирижер, направляет этот хор, Фрейд спокойно останавливается и тыльной стороной ладони сбивает с него цилиндр, падающий в сточную канаву.

Фрейд *(ледяным тоном).* Грязный антисемит, подними шляпу.

Тот замахивается тростью. Но тут подбегают привратник и двое полицейских, чтобы разнять их.

Другие члены маленькой группы, растерявшись, умолкают. Марта,

которая выскочила из фиакра, тянет Фрейда за рукав, увлекая за собой. Как только они сели, кучер хлестнул лошадь.

У Фрейда и страдающий, и торжествующий вид. Он оборачивается и видит, как антисемит с бакенбардами наклоняется, доставая из сточной канавы свой цилиндр. Он снова садится рядом с молчаливой и холодно-спокойной Мартой.

Фрейд *(спокойно улыбаясь).* Я расплатился с одним старым должком.

(22)

Несколько минут спустя на первом этаже дома в Берггассе.

Фрейд с Мартой стоят перед дверью с табличкой: «Кабинет доктора Фрейда».

Фрейд *(ласково).* Спасибо тебе, Марта. *(Пауза.)* Поднимайся без меня и ложись. Мне нужно написать письмо.

Марта *(с ледяной иронией, которая вошла у нее в привычку).* Флиссу?

Фрейд *(спокойно).* Да.

Он достает связку ключей, склоняется к замочной скважине и открывает дверь. Марта поворачивается и идет к лестнице. Фрейд входит в комнату.

Фрейд в своем кабинете. Он зажигает керосиновую лампу, ставит ее на письменный стол и снимает сюртук. Потом, оставшись в жилете, расстегивает воротничок и садится перед бюваром.

На мгновение он задумывается, по лицу его блуждает торжествующая улыбка, но от скорби и усталости под глазами появились мешки. Страдалец или мученик? И то и другое.

Он берет лист бумаги, макает перо в чернильницу и начинает писать.

За кадром его голос повторяет то, что он пишет.

Голос Фрейда за кадром. Мой дорогой Вильгельм.

Телефонный звонок. Фрейд снимает трубку.

Фрейд *(отвлекаясь от письма).* Алло!

Голос в трубке. Грязный еврей!

Ничуть не смутившись, Фрейд аккуратно кладет трубку и снова берет ручку.

Голос Фрейда за кадром. Я только что порвал с Брейером. Лекция вызвала скандал. Завтра о ней будут говорить во всех газетах. Я потерял всех своих пациентов, кроме Сесили, которую лечу бесплатно.

Все это доказывает мне, что мы на правильном пути. Медицинское общество оказывает сопротивление. Оно хочет раздавить нахала, который раскрывает его тайны: так личность подавляет невыносимые для нее истины. Можешь быть доволен: я сжег свои корабли. Надо победить или погибнуть.

Телефонный звонок. Несколько секунд Фрейд колеблется, протягивает руку, чтобы снять трубку, потом с иронической улыбкой берет ручку и продолжает писать.

Голос Фрейда за кадром. Я отказался от гипнотизма…

Но телефон продолжает упорно звонить. Он с раздражением откладывает перо и решает левой рукой снять трубку, правой беря аппарат, который ставит на бювар, рядом с письмом.

Фрейд *(агрессивным тоном).* Алло! *(Также агрессивно, но с удивлением.)* Кто у аппарата? Ах, вы? В чем дело?

Госпожа Кёртнер в подвале кафе. Она склонилась над телефонным аппаратом.

Взад-вперед снуют посетители и посетительницы, выходя из туалета или заходя туда. Дама у телефона смотрит на госпожу Кёртнер с немым изумлением. Кёртнер говорит без ложного стыда, сухим и отчетливым голосом. Лицо ее измучено усталостью, но остается суровым.

Госпожа Кёртнер. Примерно минут двадцать. Меня разбудил стук двери. Я зашла к ней в комнату, там ее не было. Да, записка есть. Лежала на постели. *(Она роется в сумочке, достает клочок бумаги и читает.)* «Я возвращаюсь к нашему прежнему ремеслу. Не бойся: заработаю много денег». Ну конечно, проституция. Она вбила себе в голову, что была проституткой. Сегодня утром она только об этом и говорила. Сказала, что пойдет на Ринг, так как там более изысканные клиенты. Да. Вела себя нормально с самого утра. Даже прогулялась по саду. Должна ли я сообщить в полицию?

Камера показывает Фрейда, склонившегося в своем кабинете над аппаратом.

Фрейд. Ни в коем случае. Она сказала, что пойдет на Ринг? Хорошо. Я сам туда пойду. Ступайте домой. Я ее привезу.

Вешает трубку. Выражение демонического торжества полностью исчезло с его лица. Уголки губ опустились, широко раскрытые глаза выдают его страх.

Он застегивает воротничок, поправляет галстук, торопливо надевает сюртук и выходят из комнаты.

(23)

Спустя несколько минут на соседней улице. Окно на втором этаже жилого дома.

Сильные удары в дверь.

Голос Фрейда за кадром. Хиршфельд! Откройте! Откройте же!

Распахивается окно. Кучер, который недавно правил старой коляской, где ехала Марта, выходит в ночной рубахе на балкон.

Хиршфельд. Кто там? *(Узнав Фрейда)* Это вы, господин доктор.

Камера показывает Фрейда, который стучит в дверь.

Фрейд. Вы мне нужны, Хиршфельд. Немедленно!

Хиршфельд. Но ведь… я сплю, господин доктор.

Фрейд. Неважно, проснитесь, это срочно.

Окно закрывается. Фрейд ходит взад-вперед перед дверью.

Чуть поодаль, под газовым фонарем, стоит проститутка (ее мы видим со спины).

После короткого замешательства Фрейд решился; он переходит улицу. Проезжающая двуколка заглушает звук его шагов.

Проститутка не слышит, как он приближается к ней.

Он подходит к ней: мы видим ее белокурые волосы под соломенной шляпкой. Он трогает ее за плечо. Она оборачивается, это – не Сесили; лет на десять старше, очень некрасивая.

Проститутка. Ты хочешь любви, маленький?

Фрейд, едва увидев ее лицо, теряет к ней всякий интерес.

Фрейд*(ледяным тоном).* Нет, мадам.

Он вежливо кланяется и уходит.

Пока он в обратном направлении переходит улицу, из открытой двери каретного сарая появляется старая кляча Хиршфельда, запряженная в такую же старую коляску.

Коляска подъезжает к тротуару. Фрейд вскакивает в нее одним прыжком. Хиршфельд склоняется к нему.

Хиршфельд. Куда ехать, господин доктор?

Фрейд*(рассеянно).*Не знаю.

Хиршфельд*(с удивлением).* Я хочу сказать, где ее искать, вашу срочность?

Фрейд. Не знаю. Объедем Ринг.

На площади Ринг.

Запоздалые гуляки с женщинами. Примерно час ночи.

По шоссе проезжают элегантные экипажи. Наемная коляска Хиршфельда, скрипучая и качающаяся, выглядит какой-то повозкой-

призраком.

Фрейд*(не глядя на кучера).* Поезжайте медленнее. *(Проходит группа, увлекая с собой блондинку, которая издали похожа на Сесили.)* Остановитесь!

Удивленный Хиршфельд останавливает коляску. Фрейд встает и намеревается выйти. Между тем группа прохожих приблизилась: блондинка – не Сесили.

Спустя полчаса. Кафе: женщины и мужчины парами. Но здесь нет одинокой женщины.

Входит Фрейд и в упор разглядывает парочки. Молодой человек гневно поднимает голову (он гладил шейку красивой, сильно накрашенной девушки), но робеет под ледяным взглядом Фрейда. Он ничего не говорит и даже, словно отвращение, написанное на лице Фрейда, передается ему, опускает руку и перестает ласкать свою спутницу.

Фрейд*(выйдя из кафе, снова садится в коляску).* Поезжайте!

Хиршфельд смотрит на него с изумлением, готовым перейти в возмущение.

Хиршфельд. У вас что, в кафе срочный вызов?

Фрейд. Может быть. Лишь бы не под фонарь.

Кабачок.

В глубине зала цыганский оркестр играет вальс. Проститутки со своими ночными кавалерами.

Все они одеты в яркие, сильно декольтированные платья. Среди них нет очень красивых и молодых. Проститутки выглядят устало. Но скрывают усталость профессиональной бодростью.

Сидящие рядом с ними несколько помятые мужчины курят, не давая себе труда удостоить их разговорами.

Три проститутки: Лили, Дэзи и Нана, сидят за столиком, зевая, и поджидают клиентов.

Лили поворачивается к двери.

Лили *(с удивлением).* Ой! Посмотри-ка на нее! Две другие женщины оборачиваются.

Нана *(спокойно).* Чёрт побери.

Вошла Сесили. Она в черном платье, на ней – черкая шляпка, черные перчатки и черные чулки. Траурную вуаль она отбросила на волосы. Но у нее кричащее декольте. Она просто вырезала его ножницами в своем закрытом платье.

Дэзи. Эта-то зачем сюда приперлась?

Лили. Взгляни на декольте! Она его ножницами вырезала.

Шляпа у Сесили надета набекрень. Она неумело накрашена, помада размазалась вокруг рта – это бросается в глаза, – что делает ее губы пухлыми и чувственными, она кое-как нарумянила щеки; пунцовые пятна доходят почти до ушей.

Свои светлые брови она подвела двумя черными угольными чертами, которые даже не совпадают с очертанием бровей. Несмотря на этот маскарад, Сесили выглядит в сотни раз красивее и моложе собравшихся здесь женщин.

Она смело водит в кабачок, замечает незанятый столик и садится.

Она одновременно кажется и маленькой девочкой, вырядившейся взрослой женщиной, и трагической королевой из-за нелепой, броской косметики на щеках и огромных страдальческих глаз сумасшедшей.

Сесили. Гарсон!

Гарсон, красивый, усатый брюнет, подходит к ней. Она бросает ему озорную улыбку и пытается галантно подмигнуть, закрыв левый глаз и оскалив левый уголок рта.

(Смех проституток за кадром.)

Гарсон, который видывал виды, ждет, ничуть не волнуясь. Но слышен смех трех девок, которые наблюдают за ней.

Сесили. Выпить!

Гарсон. Чего именно?

Сесили *(загадочным, исполненным полунамеков голосом).* Вы должны знать.

Гарсон. Кирш?

Сесили. Хорошо.

Он отходит от столика. Повернув голову, она замечает трех женщин и улыбается им. Женщины отвечают ей неодобрительными гримасами и отворачиваются

На улице.

Длинный ряд газовых фонарей, и под каждым – проститутка.

Фрейд идет пешком, останавливается под каждым фонарем, пристально вглядываясь в лица проституток, и продолжает свой путь.

Коляска движется рядом, и Хиршфельд смотрит на него с безграничным удивлением. Кафе. Открывается дверь, входит клиент. Это полный, седоволосый мужчина, с виду богач.

Голос Лили за кадром. Вот и мой Карл!

Сесили тоже замечает его. Она встает и хватает его за руку.

Сесили. Постойте. (*Преграждает ему путь, выпячивая свою*

молодую грудь.) Я красивая, правда?

Карл (*поспешно).* Ну да, овечка моя.

Сесили (*хриплым голосом).* Вы умрете от любви в моих объятьях!

Карл весьма грубо ее отталкивает и усаживается за столик к трем девкам.

Карл. Что с этой девчушкой?

Лили. Не знаю, что с ней, но эта гордая потаскуха хочет прямо из-под носа увести у меня любовника. (*Обращаясь к Сесили, которая словно ее не слышит.)* Берегись, крошка, а то ведь мы рассердимся.

Кажется, что Сесили не слышит. Она оборачивается к вошедшему в кафе молодому человеку и подмигивает ему.

Сесили. Иди сюда!

Мужчина лет тридцати со светлыми усиками и голубыми глазами прежде всего видит вызывающее декольте Сесили и позволяет себя увлечь.

Она тянет его за рукав к столику, он усаживается рядом с ней.

Сесили. Ты слишком молод. Я предпочитаю стариков. Но я всех подбираю: такое уж ремесло. (Ом *смотрит на нее с легким беспокойством.)* Я тебя отлично обслужу, обещаю тебе. У нас в роду все шлюхи: и мать и дочь. (С *пафосом.)* Я мразь, мсье, потаскуха. Все должны об этом знать. Буду заниматься любовью, чтобы наказать себя. (*Смущение молодого человека возрастает.)* Унесите меня в ваших объятиях. (*Мрачным и торжественным тоном.)* А потом вы умрете в моих. (*Смеясь.)* С лицом, измазанным помадой.

Он отодвигается к углу, потом вскакивает, бежит по залу и выбегает из кафе.

(За кадром шум возмущенных голосов.)

Нана *(вярости).* Ко всему прочему, она еще клиентов пугает. (*Она встает и подходит к Сесили.)* Скажи-ка, крошка, тебе когда-нибудь трепку задавали?

Лили *(обращаясь к Нана).* Да ладно, иди сюда! Брось!

Нана. Ты спятила? Надо ее жить научить *(Обращаясь к Сесили.)* Скажи, трепку тебе задавали?

Сесили встала. Она выглядит по-настоящему трагично и зловеще.

Сесили*(спокорностью безумной).* Бейте меня! Стегайте хлыстом! Я другого не заслуживаю!

Нана, растерявшись, отступает на шаг. Лицо ее выражает какой-то испуг. Но гнев сильнее.

Нана *(угрожающе).* Ладно. Раз лишь это тебе приятно.

Она набрасывается на Сесили. Посетители кафе, развеселившись,

наблюдают эту сцену и не думают вмешиваться.

В это мгновение распахивается дверь и появляется Фрейд.

Фрейд. Сесили!

Сесили смотрит на него, явно не узнавая, и подмигивает ему, как подмигивала гарсону и двум «клиентам».

Нана *(хватая ее за руку).* Еще добавить? *(Фрейд, который с одного взгляда понял, в чем дело, резко бьет Нана по руке, и та отпускает Сесили.)* Что за дела! *(Нана поворачивается к нему. Но взгляд Фрейда пугает ее. Чуть тише.)* Здесь наше место, она не имеет права охотиться тут.

Фрейд. Вы же видите, что с ней, не так ли? И не поняли?

Нана бросает быстрый взгляд на Сесили. И несколько отступает назад.

Нана. Так и надо было сказать!

Фрейд *(приближается к Нана, чтобы обратить ее в бегство).* Так вот. Я вам сказал. К тому же я ее врач. Оставьте нас.

Нана, слегка растерявшись, снова садится на свое место.

Глубокое смущение охватило ее подружек и даже Карла.

Никто не говорит ни слова. Все четверо сидят молча, уткнувшись в свои рюмки.

Фрейд осторожно подходит к Сесили.

Фрейд. Пойдемте, Сесили.

Сесили. Нет, зачем же? Я заказала кирш.

Фрейд бросает на столик монету.

Фрейд. Пойдемте, кирш оплачен… Она глядит на него с неуверенностью.

Сесили *(игриво).* Вы так нетерпеливы! Вы находите меня красивой? Вы тоже недурны. Куда же мы пойдем? К вам? Или в отель?

Фрейд. Мы вернемся домой, Сесили.

Сесили. Ко мне? Прекрасно. Но вам это дороже обойдется. (*Фрейд молча ждет.)* Обещайте, что вы заплатите мне очень дорого! *(Фрейд колеблется.)* Мой добрый друг, даром я ничего не делаю.

Фрейд. Хорошо, согласен. Пойдемте.

На улице, перед кафе. Потрясенный Хиршфельд с высоты своих козел видит, как Фрейд выходит на кафе, держа за талию молодую проститутку, заливающуюся безумным смехом.

Сесили *(подходя к коляске, хохочет во все горло).* Вы знаете, я ведь любовью никогда не занималась. Меня надо будет научить этому.

Фрейд тащит ее и почти насильно усаживает в коляску. Садится рядом.

Хиршфельд *(с отвращением показывая на Сесили кончиком кнута).* Так вот ваш срочный вызов?

Фрейд *(очень сухо).* Занимайтесь своим делом и поезжайте на Принц Эйгенгассе, дом 7.

Хиршфельд поворачивается и стегает лошадь.

Сесили. Как вы узнали мой адрес? *(Услышав название своей улицы, она внезапно перестает смеяться и смотрит на Фрейда с пристальным недоверием.)* Вы – не клиент, вы – доктор Фрейд. Для вас все будет бесплатно. *(Грубо.)* Дайте мне заниматься моим ремеслом. *(Она пытается на ходу выскочить из коляски, он удерживает ее, силой заставляя сесть.)* Оставьте меня, или я позову на помощь.

Фрейд *(властно).* Если вы позовете на помощь, вас отведут в полицейский участок, там я объясню, в чем дело, и вас привезут вашей матери в полицейском фургоне.

Сесили. Тем лучше! Другого я не заслуживаю. (*Равнодушным тоном.)* Послушайте, доктор, я не вернусь к матери. Я устрою любой скандал, лишь бы не возвращаться домой. *(Спокойным голосом поясняет.)* Я – чудовище.

Фрейд. Вы хотите себя наказать, не так ли?

Сесили. Конечно. А как бы вы поступили на моем месте?

Фрейд. Не знаю. Что же вы натворили?

Сесили *(очень спокойно, однако в полном смятении).* У меня был лучший, самый любящий, благороднейший отец, а я публично обвинила его в гнусном преступлении. Чтобы сделать такое свинство, нужно быть шлюхой. Кстати, я и есть шлюха, все совершенно правильно. *(Она пристально смотрит на Фрейда, затем смеется.)* Впрочем, вам это отлично известно: ведь я обличала своего отца перед вами.

Фрейд *(удивленный подобным оборотом событий).* Значит, это неправда?

Но очевидно, что он еще верит словам Сесили. Фрейда лишь смущает, что эта исповедь не успокоила Сесили, а повергла ее в смятение.

Сесили *(в упор глядя на него, холодным и резким голосом).* Конечно, неправда *(Пауза.)* Он целовал гувернантку.

Фрейд *(растерянно).* Что?

Сесили. К счастью, я вспомнила Я бежала по лестнице и упала,

увидев, как они целуются.

Фрейд. И что дальше?

Сесили. Ничего. Они даже меня не заметили. Ко мне это не имело отношения, доктор. Это дело моей матери. У вас есть дочь? *(Фрейд кивает в знак согласия.)* Клянусь вам, что говорю правду. Клянусь жизнью вашей дочери.

Фрейд потрясен. Он пытается это осмыслить.

Фрейд. В тот день вы говорили о нем со злостью. И казалось, что даже во сне вы его презираете. Почему?

Сесили *(нервно смеясь).* Потому что я схожу с ума. В последнее время мне случается путать его с вашим другом. Ну, знаете, с Йозефом. Когда они… сливаются в одно лицо, я их ненавижу. Это естественно! *(Пылко.)* Вы верите мне, не правда ли? Вы мне верите? *(Фрейд молчит. Она говорит с улыбкой.)* Если вы мне не верите, я покончу с собой. И вам придется мне поверить. Скажите же, что верите мне. *(Фрейд сохраняет упрямый вид человека, уверенного в том, что он знает истину. Но по-прежнему молчит.)* Прекрасно.

Коляска проезжает по улице, идущей вдоль Дуная. Усталая лошадь едва плетется. Сесили вырывается из рук Фрейда, выпрыгивает на дорогу и бежит к парапету набережной.

Хиршфельд придерживает поводья, лошадь останавливается, и Фрейд тоже выскакивает из коляски. Но он еще только ступил на тротуар, а Сесили уже вскочила на парапет. Под ней, до набережной, метров пять пустоты. Ясно: если она прыгнет, то разобьется.

Сесили. Скажите, что верите мне, или я прыгаю!

Несколько мгновений Фрейд колеблется, настолько велико его отвращение ко лжи. Но он побежден.

Фрейд *(делая над собой невероятное усилие, с горечью признает).* Я вам верю, Сесили. Спускайтесь.

Сесили *(торжествующе поворачивается к нему. Говорит, мерзко улыбаясь.).* Спускаться? А зачем? Вы же убедились, что я чудовище. Лучший выход – прыгнуть.

Фрейд очень осторожно приближается к ней. Он говорит, почти не сознавая смысла своих слов; слова не повинуются ему: прежде всего он хочет успокоить Сесили.

Фрейд. Сесили, вы никогда не хотели оклеветать вашего отца. Это я принудил вас к этому. Вы сопротивлялись мне изо всех сил.

Сесили, крайне удивившись, на мгновение теряет контроль над собой. Фрейд использует это.

Фрейд. Потому что я ошибся.

С этими словами он бросается к ней и, обхватав за талию, успевает стащить с парапета на дорогу. Несколько секунд он держит ее на руках, чтобы она не упала, и с помощью Хиршфельда несет в коляску.

Она не сопротивляется. Он усаживает ее в коляску. Сесили сидит молча, вытянувшись, по щекам ее текут слезы.

Фрейд садится рядом и берет ее за руку; он держит ее крепко, хотя взгляд его блуждает где-то далеко.

Мрачная строгость его лица свидетельствует о душевных муках Фрейда.

(25)

Три часа ночи. Лестница в доме Фрейда.

Он поднимается на цыпочках. На лестничной площадке вставляет ключ в замочную скважину и бесшумно открывает дверь. Но, слегка приоткрыв ее, видит, что прихожая освещена, как, впрочем, и все другие комнаты. Двери распахнуты, из кухни доносятся голоса.

Голос Марты за кадром. Вы должны присмотреть за детьми.

Фрейд прикрывает дверь.

Марта – она,без сомнения, услышала шум – выходит из кухни.

Она – в шляпе.

Фрейд с удивлением на нее смотрит.

Фрейд *(пытаясь улыбнуться).* Что происходит? Ты едешь на бал?

Марта подходит к нему. У нее красные, припухшие от слез глаза.

Марта*(свновь обретенной нежностью).* Милый мой.

Она берет его за левую руку и изо всех сил сжимает.

Фрейд (*ласково улыбаясь).* Но мне же больно! *(Вновь становясь серьезным.)* Что случилось?

Марта*(многозначительно).* Твой отец…

(26)

Дом, где живут родители Фрейда.

Перед подъездом – катафалк. Несколько человек уже ждут.

Мальчишек квартала сильно забавляют похоронные дроги. Входная дверь затянута крепом.

В квартире стариков Фрейдов.

Вся семья в сборе. Сестры с мужьями, племянники и т.д. Родственные связи очень тесные, но мы не будем их уточнять. Здесь же мать. Она бледна, но не плачет. Рядом с ней плачет Марта.

В дверях комнаты появляется служащий из бюро похорон.

Служащий *(весьма почтительно обращаясь к матери).* Фрау, наш распорядок очень строго расписан. Поверьте, я сожалею, но…

Мать *(очень вежливо, но с присущей ей властностью, которой она не замечает).* Подождите еще минутку.

Служащий, весьма недовольный, кланяется и уходит. Молодая женщина (слева от матери) больше не выдерживает. (Это может быть Роза Фрейд, но имя ее названо не будет.)

Молодая женщина. Он прав, мама! Мы больше не можем заставлять их ждать. Тем хуже для Зигмунда.

Марта выглядит встревоженной и совсем растерянной.

Марта. Потерпите еще немного, прошу вас. Когда мы с ним расстались, он пошел к парикмахеру…

Господин *(одет в черное; без сомнения, муж молодой женщины).* Зигмунд опаздывает на полчаса! Я не могу этого понять. Первый долг перед нашим несчастным отцом…

Мать *(резко его перебивая).* Первый долг перед вашим несчастным отцом заключается в том, чтобы не говорить громко, пока его гроб стоит в соседней комнате.

Неловкое молчание. Через некоторое время открывается дверь: это Фрейд. Он бросается к матери и молча ее обнимает.

Женщина в трауре*(недовольным тоном).*Я надеюсь, что теперь мы сможем…

Мать улыбается Фрейду, высвобождаясь из его объятий.

Мать. Минутку. (*Обращаясь к Фрейду.)* Иди.

Она берет его за руку, уводит в глубину гостиной и заставляет войти в комнату Якоба. Фрейд соглашается с едва уловимым отвращением.

Мать. Входи. *(Входят в комнату. Гроб Якоба стоит на каких-то подмостках. Много цветов.)* Подойди поближе. (*Фрейд и мать стоят у гроба. Мать положила правую руку на крышку гроба; левой рукой она берет за запястье правую руку Фрейда и заставляет опустить ее на гроб отца. Ласковым тоном.)* Он так никогда и не узнал, что ты о нем думаешь.

Фрейд*(сильно смутившись).* Но мама, я не…

Мать. Дай мне сказать… Он обожал тебя. Он был уверен, что ты его любишь. Еще в понедельник он говорил: «Если мне удалось лишь одно – родить гениального человека, то я не зря прожил жизнь». Ты сделал его счастливым, Зигмунд, тебе не в чем себя упрекать.

Зигмунд с искаженным лицом – глаза сухи и смотрят в окну точку.

Несколько мгновений стоит у гроба. Потом, славно у него больше нет сил, почти резко отворачивается.

Мать смотрит на него с глубокой печалью, затем отходит от гроба, открывает дверь и выхолит из комнаты.

Лицо Фрейда искажает гримаса: как будто он сейчас расплачется. Но нет: лицо его снова становится твердым, и он выходит следом за матерью.

Перед домом.

Людей, ждущих выноса тела, стало намного больше.

Среди них мы видим Флисса, который пробрался в первый ряд. Мимо проходят четверо служащих из похоронной конторы, несущих гроб, который они устанавливают на катафалк.

За ними – мать, с лицом, закрытым траурным крепом. Марта, две другие женщины, затем Фрейд и еще трое мужчин – членов семьи. Когда Фрейд поравнялся с ним Флисс, обнаживший голову, трогает его за руку. Фрейд поворачивается: он видит Флисса и смотрит на него с изумлением, к которому примешивается некая надежда.

Фрейд. Откуда ты?

Флисс. Вчера утром меня вызвали телеграммой на срочную консультацию.

Фрейд. Ты никогда еще не был мне так нужен. До скорой встречи!

Катафалк тронулся в путь. Группа близких родственников – впереди женщины, позади мужчины – двинулась следом, другие люди вливаются в похоронную процессию.

Чуть дальше, на соседней улице, движение на мгновение останавливается, пропуская процессию.

В своей закрытой карете, которая остановилась у тротуара, ждет Брейер, сквозь стекло он смотрит на траурный кортеж. Когда последние ряды процессии проходят мимо кареты, он открывает дверцу, выходит и на расстоянии едет за похоронной процессией, держа шляпу в руке. Его карета медленно едет сзади.

Какая-то лавчонка. похожая на парикмахерскую. Перед зеркалами тоже стоят кресла.

Но парикмахеры (три кресла, три парикмахера), стоя между зеркалами и креслами, лицом к камере, вместо того чтобы брить или протесывать (в креслах нет ни одного клиента), передают из рук в руки обернутые в белую бумагу шары (перевязанные розовыми ленточками), которые в конце концов оказываются в руках хозяина, сидящего за кассой.

Хозяин наклеивает на каждый шар этикетку «Продано» и один за

другим швыряет их на пол. Впрочем, поражает не это странное действо, а громадные эмалированные таблички, развешанные по всем стенам (вместо рекламных плакатов духов или мыла для бритья). (За кадром – шум машины, сопровождающий каким-то нелепым и почти кошмарным ритмом передачу шаров от одного парикмахера к другому.)

На всех этих табличках написано (печатными буквами, большими строчными, курсивом, круглым почерком и т.д, будто это набор образцов шрифта или рекламных текстов в кабинете гравера): «Просьба закрывать глаза».

Шум машины перекрывается настойчивым звонком, и вдруг – видение исчезает.

(Звонок настырно звонит.)

(27)

Фрейд за письменным столом, вздрогнув, просыпается, услышав звонок. Утро следующего дня после похорон. Фрейд задремал.

Открывается дверь.

Слуга. Доктор Флисс.

Появляется Флисс. Фрейд стремительно встает и идет ему навстречу. Они обмениваются крепким рукопожатием.

Фрейд. Я опомниться не могу, что ты в Вене. Один ты можешь мне помочь, Вильгельм, совсем мне плохо.

Флисс *(с искренним интересом).* Ты так сильно был к нему привязан?

Фрейд. К отцу? Ну да, представь себе, что я сам этого не знал! Да, был привязан. Всеми фибрами души. Эта смерть сводит меня с ума. *(Отвернувшись отФлисса, смотрит в окно.)* И тем не менее я задаю себе вопрос, любил ли я его? *(Мрачным тоном.)* Иногда мне казалось, что я его ненавижу. *(Он качает головой, словно хочет стряхнуть эту неотступную мысль, потом поворачивается к Флиссу, глядяна него сверкающими глазами.)* Какое имеет значение, ненавидит он его или любит, самое важное событие в жизни мужчины– это смерть отца.

Флисс *(ласково улыбаясь).* Ненавидеть Якоба Фрейда… Мне кажется, это невозможно. Я видел его всего два раза, но он выглядел таким добряком…

Фрейд возбужденно расхаживает по комнате.

Фрейд. Добряком? Да! Он и был им. Но о чем это свидетельствует?

Подходит к встревоженному Флиссу, берет его за плечи и смотрит на него с почти угрожающим видом.

Фрейд. Иногда я говорю себе: это не нормально – так сильно ненавидеть отца. Один из нас должен быть чудовищем, если не я, то он.

Флисс смущен этим психологическим поворотом в их беседе.

Флисс*(поспешно успокаивая Фрейда).* Но ты же его любил, это ясно!

Фрейд*(мрачно).* Да. Я и любил его. (С *неожиданной резкостью.)* Еще одна причина, из-за которой мне остаются непонятными эти порывы ненависти. *(Не глядя на Флисса.)* Откуда тебе известно, что я не подавляю в глубине моего бессознательного какого-нибудь

детского воспоминания… гнусного воспоминания? Надо будет применить мой собственный метод к самому себе. Если бы я мог выжать себя как лимон… *(Немного сбившись.)* Кто это говорил? «Выжать как лимон». От кого я это слышал… Ах да. От Сесили. *(Сухо смеется.)* Кстати! С ней полный успех! Она пыталась покончить с собой.

Флисс. Ты помешал ей?

Фрейд. Да.

Флисс. Спасибо за даты. Мои подсчеты окончательно и неопровержимо подтверждают, что она страдает неврозом истерии.

Фрейд *(говорит в несколько насмешливом тоне, впервые с тех пор, как он знает Флисса).* Тем лучше. Представь себе, я же начал в этом сомневаться. *(Пауза)* А затем мне позвонила ее мать. Малышка обезумела от страха. Я думаю, что ее невроз просто-напросто переходит в неизлечимый психоз. *(В растерянности показывает пальцем на свой лоб.)* Но что же такое там сломалось, раз я только и делаю что приношу людям вред?

Вдруг он становится спокойным и решительным. Долго смотрит на Флисса.

Фрейд. Сейчас ты мне поможешь.

Флисс. В чем?

Фрейд. Иди сюда. *(Он тащит Флисса за рукав к дивану. Показывая на стоящий рядом стул.)* Сядь-ка сюда. *(Удерживает его.)* Нет. *(Немного подумав, берет стул и ставит его за изголовьем дивана на месте, которое впоследствии стало в сеансах психоанализа классическим положением психоаналитика по отношению к пациенту.)* Сюда!

Фрейд. Мне лучше не смотреть на тебя: я тебя слишком хорошо знаю. Ты будешь играть роль врача. А я больного.

Флисс*(онсопротивляется, недовольный, ему не по себе).* Ты с ума сошел? Я же не психиатр.

Фрейд. Ну и что? Если я хочу проанализировать свой случай, необходимо, чтобы я кому-нибудь высказался. *(Заставляет Флисса сесть, а сам укладывается на диван.)* Тебе ничего делать не надо, только слушать меня. Я не знаю, куда меня занесет. Но мне нужен свидетель. *(Флисс, пожав плечами, садится с недовольным видом. Фрейд, лежа на диване, начинает говорить.)* Сначала – сон. Это была парикмахерская. Вчера я зашел туда побриться: народу было много, и я опоздал на похороны. Мне было стыдно. Хорошо. Это сон о стыде и угрызениях совести. Во сне я вижу эмалированные таблички, на

которых написано: «Просьба закрывать глаза». Это означает: «Сыновья должны закрывать глаза своим отцам. А ты пришел слишком поздно, чтобы закрыть глаза своему отцу».

Флисс. Послушай, Зигмунд.

Фрейд *(словно настоящий больной).* Помолчи. Помолчи же. Есть и нечто другое. Сон – это всегда удовлетворение желания. Где здесь желание? Подожди! Подожди же. Закрыть глаза означает также умереть. Я хотел умереть. Много лет я во сне призываю смерть: для меня это словно инстинкт смерти, это черта моего характера, на которую я не могу закрывать глаза. *(Последние слова он произносит совершенно естественно, не задумываясь над ними. Он вздрагивает и резко садится на диване.)* Что? *(Скороговоркой.)* Банкиры уклоняются от налогов, но правительство закрывает на это глаза. Эта женщина считает более удобным закрывать глаза на измены своего мужа. *(Пауза. Он поворачивается к Флиссу.)* Понимаешь: выражение пришло само собой, я даже его не искал. И пришло в третьем смысле. Самый глубокий из трех смыслов тот, который объясняет весь сон. Во имя сыновней почтительности я предпочитаю закрывать глаза на половой акт моего отца (Он *встает и возбужденно ходит по комнате.)* Акт, которого я не хочу видеть, скрываю от себя, отторгаю из своего сознания. *(Флисс тоже хочет встать, Фрейд – властным голосом.)* Сиди на месте. Я найду это воспоминание, даже если мне придется искать его всю мою жизнь. *(Снова садится.)* Это произошло во время той поездки, я уверен!

Флисс *(нелюбезно).* Какой еще поездки?

Фрейд. Я родился во Фрейберге, в Богемии. Мой отец торговал сукном. Был богат. Его напугал подъем антисемитизма. Разорившись, мы уехали в Лейпциг, потом в Вену. Случилось это, когда я был совсем маленьким. Что он сделал? Что произошло? *(Неожиданно Фрейд хохочет. Флисс вздрагивает.)*

Флисс *(раздраженно).* Зигмунд…

Фрейд *(по-прежнему смеясь).* Подожди же! Знаешь, почему я смеюсь? Я только что сказал себе: «Надо, чтобы старый Якоб на моих глазах изнасиловал одну из своих дочерей!» А потом вспомнил, что мои сестры младше.

Флисс смотрит на него с каким-то ужасом. Фрейд слишком увлечен, чтобы заметить это. Склонившись вперед, он сидит на диване. Через несколько секунд он слегка расслабляется, поворачивается и вытягивается на диване, готовый снова лечь, как это он только что делал.

Фрейд. Продолжим!

Флисс в этот момент поднимается со стула и встает перед Фрейдом, исполненный решимости прекратить все это.

Флисс. Нет уж. Одного раза хватит. Этот метод глуп: он основан лишь на чепухе и каламбурах.

Фрейд. Это не метод: я просто ищу. Помоги мне.

Флисс. Я не могу тебе помочь, потому что я тебя не одобряю. Я предпочитаю гипнотизм.

Фрейд *(подходит к нему с вызывающим видом).* Ну что ж, загипнотизируй меня.

Флисс *(резко отворачивается).* Я не умею этого. К тому же ты не невротик.

Фрейд. Почему же не невротик?

Флисс *(раздраженно).* Мы работаем вместе, Зигмунд. И ты не имеешь права поддаваться кризисам сознания. В Берхтесгадене ты предложил мне нечто серьезное: метод, гипнотическое исследование. В результате – сексуальный травматизм. Теперь я больше тебя не понимаю. Зачем тебе нужно анализировать твои душевные состояния?

Фрейд. Я потерял уверенность во всем. Ведь я заставил Сесили признаться…

Флисс. Остается тринадцать случаев.

Фрейд. Может быть, я тоже заставил их признаться, или же больные мне лгали.

Флисс. Какой им был интерес обливать грязью своих отцов?

Фрейд. А какой мне интерес обливать грязью себя?

Флисс *(испуганно).* Что ты говоришь? *(Он пытается успокоить Фрейда.)* Зигмунд, ты пережил страшный удар, к тому же последнее время ты устал. Мне это знакомо. Брось своих больных на пару недель, возьми Марту с детьми, поезжай отдохнуть, тебе это необходимо.

Фрейд. Больных будет бросить совсем легко, у меня их больше нет… Но себя-то я не могу бросить.

Флисс *(обретя всю свою властность).* Послушай меня, Зигмунд: мы работаем вместе; твоя теория сексуального травматизма мне необходима для моих расчетов. Надо, чтобы ты не отказывался от нее. Допускаю, что ты мог совершить ошибки в частностях. Пусть, найди их. Исправь! Потрать на это сколько угодно времени. Но наше сотрудничество теряет всякий смысл, если ты отрицаешь факты, на которых оно основывается.

Фрейд *(неуверенно; скорее послушно, чем убежденно).* Ошибки. Да… наверное…

Флисс. Ищи их. Но перестань копаться в себе: ты сойдешь с ума, если попытаешься познать себя. Мы не созданы для этого.

Фрейд смотрит на Флисса с каким-то новым любопытством.

Фрейд *(отрешенно).* А ты когда-нибудь пытался себя познать, Вильгельм?

Флисс *(твердо).* Познать себя? Никогда.

Фрейд *(качает годовой, не сводя с него глаз).* Я понимаю.

(28)

Спустя несколько часов.

Встревоженная и нервная Сесили в своей комнате. Она очень просто, но весьма элегантно одета.

Сидит у окна и читает. Но время от времени она встает, чтобы посмотреть на часы.

На лице никакой косметики. Она бледна, под глазами – темные круги.

Стучат, она живо поворачивается к двери.

Сесили. Войдите.

Входит Фрейд с небольшим врачебным саквояжем. Лицо его изменилось. Суровое по-прежнему, оно утратило привычное выражение агрессивной угрюмости. Он уже не выглядит упрямым и замкнутым, несколько демоничным, каким казался в предшествующие дни.

Фрейд грустен, но выглядит искренним. И за его глубоким беспокойством начинает ощущаться какая-то новая уверенность, еще не осознающая саму себя.

Сесили улыбается ему. Он подходит к ее креслу.

Фрейд. Здравствуйте, Сесили. (Она *грациозно протягивает ему руку. Он берет стул и садится напротив.)* Как вы себя чувствуете?

Сесили. Плохо.

Фрейд. Страх?

Сесили *(глядя в пустоту).* Да. *(Фрейд молча смотрит на нее. Она резко поворачивается к нему.)* Надеюсь, вы не скажете, что бросаете меня лечить?

Фрейд. Не знаю. *(Пока он говорит, она в испуге смотрит на него.)* Я допустил ошибку – это ясно. Но когда? В чем? Плох ли сам метод… И мне нечего вам предложить. Нечего *(Неожиданно, уверенным тоном.)* И все-таки у меня такое чувство, что я близок к цели. Скажите, вы сердитесь на меня?

Сесили *(долго в нерешительности смотрит на него. И вдруг твердо говорит).* Нет.

Фрейд *(хриплым голосом).* Сесили, по-моему, я сам болен. Я проецирую на своих пациентов свою собственную болезнь.

Сесили. Какую болезнь?

Фрейд. Если бы только я знал. Ясно одно: я не смогу познать своих больных до тех пор, пока не познаю сам себя. А понять себя я смогу лишь тогда, когда пойму их. В них я должен открыть, кто же я такой; в себе открыть, кто они такие. Помогите мне.

Сесили смотрит на него с возросшей симпатией. У нее веселый и польщенный вид.

Сесили. Вы предлагаете мне сотрудничать с вами?

Фрейд. Да.

Сесили. Что же я должна делать?

Фрейд. Вы упрекаете меня в том, что в тот день я силой заставил вас отвечать. Так вот, больше я не буду задавать вопросов. Рассказывайте все, что захотите.

Сесили. А дальше что?

Фрейд. Случайности не существует. Если вы думаете о лошади, а, скажем, не о шляпе, то на это есть глубокая причина. Надо будет говорить мне обо всем. Обо всем, что придет вам в голову, даже о тех мыслях, которые покажутся самыми нелепыми. Причину этих мыслительных ассоциаций мы будем искать вместе. Чем ближе вы к ней подойдете, тем больше ослабнут ваши защитные механизмы и тем менее болезненно будет для вас открыть эту причину.

Сесили. Это как светская игра?

Фрейд. Да. Игра в истину. Согласны?

Сесили дружески берет Фрейда за руку.

Сесили. Вы хотите, чтобы мы вылечились вместе?

Фрейд. Да. Взаимно.

Сесили. Попробуем.

Фрейд. Идите сюда! *(По его просьбе она встает.)* Ложитесь на постель.

Пока она ложится, Фрейд берет стул и садится.

Сесили. Где вы? Мне не нравится, когда я вас не вижу.

Фрейд *(встает).* Когда я вылечусь, то буду садиться за головами своих пациентов. Тогда я буду всего лишь их свидетелем. *(Онберет стул и ставит его перед Сесили.)* Но сейчас пока не время, вы правы. *(Усаживаясь у изголовья.)* Начинайте.

Сесили. С чего?

Фрейд *(слабо улыбаясь).* Со свободных ассоциаций. С чего хотите.

Пауза. Лежащая на постели Сесили начинает говорить, не глядя на Фрейда.

Сесили. У вас возникает когда-нибудь чувство беспричинной вины?

Фрейд. Да. Постоянно.

Сесили. Вот и у меня тоже. Когда я больна или ноги отказывают, жить еще можно: кажется, что мое тело искупает мою вину. Но если я здорова, то меня совесть терзает. Наверное, я сделала что-то очень дурное. В прошлом. Нет мне прощения, доктор, ведь у меня было замечательное детство. Отец повсюду возил меня с собой.

Роскошная столовая.

Гости рассаживаются. Хозяйка дома обращается к отцу Сесили.

Хозяйка дома. Йозеф, вы сядете справа от меня. А ваша дочь – напротив.

Сесили садится. Ей шесть лет, на стул положили подушки, чтобы она могла дотянуться до стола. Она кажется маленькой дамой. Господин лет пятидесяти, который сел по правую руку от Сесили, весело ей кланяется.

Господин. Мадемуазель, мое почтение. Я восхищен соседством с вами.

Сесили серьезно кивает головой и протягивает руку для поцелуя.

Голос Фрейда за кадром. Позже Сесили. Гораздо позже! Тебе будут целовать руку, когда ты выйдешь замуж.

Господин *(улыбаясь).* Позвольте мне составить исключение.

Он кланяется и целует Сесили руку.

Голос Фрейда за кадром. А где была ваша мать? Кадр исчезает. Комната Сесили.

Сесили. Дома. *(Снеприятным смешком.)* Она была домоседкой.

Гостиная в большой квартире.

Входит в сопровождении двух служанок госпожа Кёртнер; она гораздо моложе (по крайней мере, лет на восемнадцать), но еще более строга. Оглядывает гостиную, словно офицер, принимающий парад.

Госпожа Кёртнер. Дайте мне мои белые перчатки.

Служанка подает ей пару белых перчаток. Надев их, она подходит к софе, наклоняется и проводит по ней рукой.

Выпрямившись, смотрит на перчатку и замечает на ней пятна от пыли.

Госпожа Кёртнер (*обращаясь к служанкам).* Кто вытирал пыль?

Одна из служанок. Я, мадам.

Госпожа Кёртнер сует ей под нос руку в пыльной перчатке.

Госпожа Кёртнер *(властно, но без гнева).* Вытрите еще раз.

Сесили (ей двенадцать лет) вбегает в гостиную. Она в шляпке, с ранцем. Хочет поцеловать мать.

Позади матери мы видим очень красивую, строго одетую

женщину. Это гувернантка Сесили.

Госпожа Кёртнер *(строгим голосом).* Сесили!

Госпожа Кёртнер показывает ей на домашние туфли, стоящие на пороге салона; этот жест позволяет нам заметить, что в этой роскошной просторной комнате голый, великолепно, до блеска натертый паркет без ковров.

Сесили надевает домашние туфли и, волоча ноги, идет целовать мать: она утратила то искреннее чувство, которое бросило ее к матери. Она обиженно подставляет лобик, делая заученный реверанс.

Госпожа Кёртнер. Ступай делать уроки, дитя мое!

Повернувшись спиной к матери, Сесили подходит к гувернантке, которая нежно улыбается ей.

Голос Фрейда за кадром. Устраивала ли ваша мать в доме такие же роскошные, блестящие приемы?

Сесили *(голос за кадром).* Никогда. Однажды вечером отец устроил званый ужин. Это было в отсутствие мамы.

За большим столом ужинают гости. Мы видим отца, сидящего напротив дочери.

Сесили*(голосза кадром).* Отец говорил мне: будешь хозяйкой дома.

Сесили (ей десять лет), серьезная и торжественная, занимает место хозяйки: она как бы играет роль своей матери.

Слуга разносит блюдо. Какой-то господин, слева от Сесили, накладывает себе. Это молодой и робкий человек.

Маленькая Сесили *(обращаясь к господину).* Но как мало вы себе положили! Дайте вашу тарелку! Я сама вам положу!

Слуга подходит к гостю с правой стороны и подносит блюдо к Сесили, которая ловко подхватывает прекрасный кусок жаркого и кладет на тарелку гостя.

Гость *(смущенно и рассеянно).* Благодарю, мадам.

Все гости смеются.

Господин Кёртнер *(живо).* Еще не мадам, дорогой мсье.

Женщина лет сорока. Нет, мадам. Она – мадам. Он прав: эта малышка – законченная хозяйка. Она всем нам еще покажет.

Другая женщина. Предлагаю называть ее мадам honoris causa [1].

Господин Кёртнер, весьма польщенный, из вежливости возражает.

Господин Кёртнер. О! Не балуйте ее.

Сесили, – щеки у нее раскраснелись, вид несколько лукавый – принимает эти комплименты с невозмутимым спокойствием.

Голос Фрейда за кадром. Где же была ваша мать?

Голос Сесили за кадром. В горах, у нее обнаружили хрипы в легких. *(Кадр исчезает.)* Это был плохой год. Я боялась, что она умрет. Все время боялась. Ночью мне снились кошмары. Я видела ее в гробу.

(Эти слова прерываются громким криком маленькой Сесили за кадром.)

Комната. Ночь. Зажженный ночник на столике возле Сесили.

Сесили в рубашке сидит на постели. В другом конце комнаты другая кровать, побольше. Гувернантка Магда проснулась. Но вид у нее еще заспанный.

Маленькая Сесили. Магда! Магда! Я так испугалась.

Магда приподнимается, опершись на локоть, она благожелательна, но несколько раздражена. Магда в рубахе с большим декольте.

Магда. Что с вами?

Маленькая Сесили. Магда, мне приснился страшный кошмар: мама умерла.

Магда. Какая же вы глупая!

Она поворачивается на постели, твердо решив снова заснуть. Но Сесили вновь начинает звать.

Маленькая Сесили. Магда! Магда!

Магда. Не кричите так громко, вы весь дом разбудите. *(Сесили встает.)* Что вы хотите?

Маленькая Сесили. Возьмите меня к себе. Да, да, Магда, мне очень страшно, пустите меня к себе в постель.

Магда *(пытаясь быть строгой).* Сесили, вы уже большая девочка.

Сесили уже пробежала по комнате, стоит перед постелью Магды и плачет. (Плач Сесили.)

Магда. Хорошо! Хорошо! Идите!

Она откидывает одеяло, Сесили ложится. Оказавшись в постели, она с силой обнимает Магду.

Магда (*смеясь).* Осторожно, вы меня задушите.

Сесили. Мне так хорошо. *(Она нежно гладит обнаженные плечи Магды. Перестает плакать.)* От вас хорошо пахнет, Магда. Вы мягкая. Когда я вырасту… Вы верите, что я буду такая же красивая, как вы?

Магда уступает ласкам, улыбается.

Магда. Вы будете гораздо красивее, Сесили.

Сесили гладит ее по голове, по плечам; Магда, которую щекочут

легкие пальцы ребенка, смеется и вздрагивает.

Магда. Мне щекотно.

Сесили. И у меня будет кожа, как у вас? (*Магда улыбается, не отвечая.)* И тогда папа будет смотреть на меня так, как он, смотрит на вас?

Магда замерла от изумления.

Голос Сесили за кадром.Тьфу!

Кадр исчезает.

Сесили. Я не люблю этих воспоминаний.

Фрейд. Почему?

Сесили. Он приходил в нашу спальню, ночью. Один раз я видела, как он уходил от нее.

Фрейд. Кто?

Сесили. Как кто? Мой отец, разумеется!

Фрейд. Вы ревновали?

Сесили. Нет. К ней, нет. Сперва это меня забавляло. Я не сводила с нее глаз, я была зачарована, я повторяла: вот это лицо он любит. У меня создавалось впечатление, что мы разыгрываем с кем-то какую-то шутку. Но я быстро поняла, что он ее не любил. Она интересовала его, только когда у него никого не было под рукой. Это она его любила. Такой тонкий, такой чувственный мужчина! Но ему по-настоящему нравились только проститутки.

Фрейд. Он не любил вашу мать?

Сесили при этом вопросе буквально вскакивает.

Сесили (*крича).* Как это не любил? Он ее обожал! (*Фрейд, привстав со стула, силой заставляет ее лечь снова)* Стоило ей лишь пальцем его поманить… Но она все время его отталкивала. (*Сесили беспокойно ворочается на постели.)* Она была зла с ним. (С *ненавистью.)* Зла и холодна. Никогда не улыбалась. Это она его заставила обманывать себя. Вы знаете, у них были разные спальни? Он ей всегда уступал, бедняга. Смотрел на нее взглядом, который меня унижал.

При этих словах кадр: госпожа Кёртнер, господин Кёртнер сидят в садовой беседке. У их ног Сесили играет с куклой.

Воспоминание явно деформировано страстями Сесили: госпожа Кёртнер очень красива, но более сурова, чем когда-либо. Господин Кёртнер, чувствующий себя неловко, бросает на нее взгляды побитой собаки.

Кадр строится снизу вверх: мы видим эту сцену с уровня маленькой Сесили.

Госпожа Кёртнер *(сухо).* Йозеф, я рассчитала Магду Шнейдер. Она укладывает багаж и через час уедет. (Со *злостью.)* Ты согласен?

Господин Кёртнер (*после едва уловимого колебания, покорным тоном).* Полностью согласен.

В кадре маленькая Сесили: она сидит в беседке на детском стульчике и, подняв личико на мать, смотрит на нее с выражением глубокой ненависти.

Голос Сесили за кадром. После она сама выбирала мне гувернанток, больных, старых, уродливых. (*Кадр исчезает. Лежа на постели, Сесили резко говорит Фрейду.)* Я ненавижу их! *(Кричит.)* Это она разорила моего отца.

В гостиной госпожа Кёртнер штопает за столом, садя напротив старой служанки.

Служанка тоже что-то чинит, прилаживает, шьет.

Но из-за двери доносится голос Сесили, усиленный гневом. Госпожа Кёртнер слушает, хотя ее лицо не выражает никаких чувств.

Голос Сесили за кадром. Когда-то мы жили в Граце. На виллу в Вене мы приезжали только на лето. Она заставила моего отца поселиться здесь, он, как всегда, подчинился, доверил другим людям свои дела, и они пришли в упадок.

Госпожа Кёртнер не спеша откладывает шитье и подходит к двери.

В комнате Сесили.

Сесили бледна и растерянна. Она тяжело дышит.

Сесили. Опять началось. Как в тисках. (*Фрейд внимательно смотрит на нее.)* У меня приступ страха. Мне страшно всякий раз, когда я о ней думаю *(Визгливым голосом сумасшедшей.)* Она убила моего отца. И я уверена, она толкнула меня на преступление. *(Сесили резко садится на постели. Смотрит Фрейду в глаза.)* Это ведь преступление – осуждать свою мать? *(Фрейд побледнел. Молчит.)* А вы любите своего отца?

Он по-прежнему молчит, хотя расширившиеся глаза выдают его волнение.

Фрейд *(через несколько секунд).* Почему вы спрашиваете, люблю ли я своего отца, а не свою мать?

Сесили. Не знаю. Не перебивайте меня. Мне трудно объяснять, что я чувствую, вы же видите. Ваш отец порядочный человек?

Фрейд. Был порядочным человеком.

Сесили. Тогда вам повезло. Вам легко его уважать. *(Грубым*

тоном.) А я вот должна уважать шлюху.

Фрейд. Что вы сказали?

Сесили. Вы разве этого не знали? Я же сказала вам: ему нравились только девки.

Она встает, подходит к секретеру, достает из кармана ключ, открывает крышку, вынимает свернутый в трубочку бумажный лист, протягивает Фрейду, который его развертывает.

Мы видим пеструю афишу, на которой изображена почти обнаженной «испанская» танцовщица. Рисунок весьма слабый, но позволяет узнать в ней госпожу Кёртнер. Под рисунком надпись: Кончита из Гренады. Сесили склоняется над афишей и тычет в нее указательным пальцем.

Сесили. Это она. *(Уже некоторое время, как дверь бесшумно открылась. На пороге стоит госпожа Кёртнер и слушает.)* Он подобрал ее в кафешантане.

Фрейд потрясен. Входит госпожа Кёртнер.

(29)

Госпожа Кёртнер *(ледяным тоном, обращаясь к Сесили).* Ты сохранила афишу? Я не знала, что тебе дороги семейные реликвии. *(Поворачивается к Фрейду. Тем же тоном.)* Вы довольны? *(Он молчит.)* Вы – не священник, доктор. Только священникам дано право знать наши тайны. *(С непреклонной властностью, но не повышая голоса.)* Я прошу вас оставить наш дом.

Фрейд. Мадам…

Госпожа Кёртнер. Не спорьте, вы уже причинили достаточно зла.

Фрейд. Мы близки к цели, мадам, это самый критический момент. Совершенно невозможно прервать лечение, когда оно вошло в эту фазу. Сесили может натворить что угодно.

Сесили *(нежно и лукаво).* Я пальцем не пошевельну, доктор. Моя мать знает все, что я о ней думаю, а я знаю все, что она думает обо мне. Мы будем продолжать жить, как и жили. Оставьте нас, раз она этого требует. *(С глубокой злостью, которая все же сквозит в ее нежности.)* Она гонит вас так же, как выгнала Магду. И всех моих друзей. Что поделаешь? Она ведь моя мать, не правда ли?

Фрейд в упор смотрит на госпожу Кёртнер. Он понимает, что ее решение непоколебимо. Он кланяется и, взяв свой саквояж, уходит.

Фрейд *(обращаясь к госпоже Кёртнер).* Мне очень хочется, чтобы вам никогда не пришлось сожалеть о том, что вы сделали.

По ту сторону двери; старухи служанки в комнате нет. Он уже уходит, когда слышит из комнаты Сесили громкий шум.

Мгновение помедлив, Френд бросается назад в комнату. Он пришел вовремя.

Сесили, более молодая и сильная, опрокинула госпожу Кёртнер на постель, схватила ее за горло двумя руками и пытается задушить. Ей это, без сомнения, удалось бы, если бы Фрейд не набросился на нее и не без труда освободил госпожу Кёртнер.

Та выпрямилась, не говоря ни слова. Она едва переводит дыхание, но сразу же вновь обретает свое угрюмое достоинство и быстрым жестом поправляет сбившийся шиньон.

У Сесили отупевший вид. Она смотрит на мать с почти идиотским удивлением.

Сесили *(невыразительным голосом).* Ну вот… Я уже давно ее

убила!

Сказав эти слова, она начинает вопить и размахивать руками. Если бы Фрейд ее не удерживал, она упала бы на пол. Он подводит ее к постели, на которую она падает, крича от ужаса.

Фрейд *(госпоже Кёртнер).* Не дайте ей упасть на пол.

Он открывает саквояж, достает шприц и ампулу, берет руку Сесили и, подняв рукав платья, четким, точным движением делает укол.

Фрейд. Через две минуты она уснет.

Уже стемнело. Фрейд и госпожа Кёртнер в комнате Сесили сидят у изголовья спящей больной.

Госпожа Кёртнер рассказывает вполголоса, не сводя глаз с дочери.

Госпожа Кёртнер.Да, я танцевала в кафешантане. И что из этого? Сесили знает об этом. Теперь знаете и вы. Но чем это поможет вам ее вылечить?

Фрейд смотрит на госпожу Кёртнер с симпатией, без всякого пуританства.

Фрейд. Не знаю. Мне это поможет. Я на пороге какого-то открытия. Ведь она хочет вас убить уже не в первый раз. *(Госпожа Кёртнер смотрит на него с удивлением: ему известно даже это.)* Когда она была ребенком, вы какое-то время находились в санатории. Ей каждую ночь снился сон, что вы умрете. Сны раскрывают нам наши желания.

Госпожа Кёртнер. Она говорила отцу об этих кошмарах. Но я этому не верила.

Фрейд. Это были кошмары. Во сне у нее возникало смутное чувство, что она хочет вашей смерти, и на это проклятое желание она реагировала страхом. Мне тоже сотни раз снилось, будто я убиваю своего отца.

Госпожа Кёртнер *(еще враждебно, хотя с интересом).* Но почему же?

Фрейд. Я пока не знаю. Но узнаю. *(Пауза.)* Почему Сесили…

Госпожа Кёртнер. Из ревности… Она хотела стать хозяйкой дома.

Фрейд. Все всегда упирается в ее странного отца… вашего мужа.

Госпожа Кёртнер. Он не был странным человеком. О нет! Он даже не был дурным.Он был трусом. Как и все.

В этот момент кадр меняется. Мы переносимся на двадцать пять лет назад.

В маленьком, убогом кафешантане Граца очень красивая,

полуобнаженная молодая женщина исполняет весьма смелый танец «Леда и Лебедь», как это подтверждает поставленная на вертикальный пюпитр, обращенная к публике дощечка с надписью, которая меняется с каждым новым номером.

(Жалкий оркестрик – скрипка, виолончель, пианино – играет фальшиво.)

На женщине лифчик и трусики с оборочками, телесного цвета чулки. Правая рука полностью скрыта лебедиными перьями, видна лишь ладонь – большой палец торчит, – изображающая птичий клюв. Эта рука, «играющая» Лебедя-Юпитера, дерзко шарит по плечам и груди танцовщицы. Она, танцуя, изображает любовное томление. Рука-клюв подбирается к губам танцовщицы и имитирует поцелуй Лебедя в прекрасные уста госпожи Кёртнер.

Та, в любовной истоме, под продолжающимися пылкими поцелуями Лебедя, откидывается назад.

Коснувшись головой пола и стоя на прямых ногах (классическая в гимнастике фигура «мост»), она потом осторожно вытягивает ноги и ложится на спину, тогда как Лебедь набрасывается на нее, покрывая поцелуями все тело.

Маленький занавес, закрывающий полсцены (он на высоте человеческого роста, подвешен на кольцах к веревке, протянутой через всю сцену) задвигается двумя рабочими (из-под бахромы видны их башмаки) в тот момент, когда клюв Лебедя медленно приближается к животу разомлевшей танцовщицы.

Во время танца несколько раз показывают лица зрителей. Среди них – несколько «крепких» парней той эпохи в котелках, жестких воротничках, с усиками. Но в основном солдаты (новобранцы и сверхсрочники). Один мужчина (изысканно одетый, в цилиндре, с тщательно ухоженной бородкой) аплодирует громче других и выделяется в этой исключительно мужской и весьма пестрой публике: это господин Кёртнер.

Голос за кадром госпожи Кёртнер. У него была одна особенность: ему нравились только проститутки.

Жалкая уборная, где госпожа Кёртнер снимает грим. Она сидит перед треснувшим зеркалом и смотрит на себя с глубокой печалью.

В дверь стучат.

Танцовщица *(отвернувшись от зеркала).* Войдите!

Официант кафешантана, помятый и плохо одетый, проскальзывает в комнату: в руках у него огромный, роскошный букет.

Она с изумлением принимает букет. К нему прикреплен маленький конвертик с визитной карточкой. Раскрыв конвертик, она бросает взгляд на карточку.

Танцовщица *(опытным и наглым тоном).* Цветы, ладно. А сам тип где?

Официант. Идет следом. *(На стекле через оставшуюся открытой дверь мы. видим фигуру приближающегося господина Кёртнера.)* Вы примете его?

Танцовщица. Да.

Он входит и целует ей руку.

Голос священника за кадром. А вы, Ида Бранд, согласны ли взять в мужья Йозефа Кёртнера?

Церковь. Новобрачные в момент произнесения ритуального «да». Ида Бранд – в белом подвенечном платье, с флердоранжем.

Ида Бранд *(твердым голосом).* Да.

Позади них сидят три-четыре человека. Все остальные скамьи в церкви пусты.

Голос за кадром госпожи Кёртнер. Он женился на мне потому, что я была девкой. Это был его порок. В первое время нашей связи я его обманывала. Он это обожал. *(Кадр исчезает; Фрейд и госпожа Кёртнер сидят рядом. Она говорит, опустив глаза. Фрейд слушает, глядя на нее.)* Когда он сказал. что женится на мне, я полюбила его, я дала себе клятву быть ему верной. Мне опротивела моя жизнь: я хотела стать его истинной женой. Честной. Чистой. Я нуждалась в уважении людей.

В салоне, который мы уже видели, господин Кёртнер читает газету.

Появляется госпожа Кёртнер: нельзя узнать бывшую проститутку в этой жеманной и суровой женщине с гладко причесанными волосами, без следа пудры на лице, строго одетой (темное платье, кружевные жабо и манжеты).

(Звук шагов госпожи Кёртнер.)

Он слышит шаги, поднимает голову и откладывает газету. На его лице написано разочарование.

Господин Кёртнер. Ида! *(Он встает и окидывает ее взглядом с головы до ног.)* Что все это значит?

Ида. Как что? Это мой наряд. Уж не хочешь ли ты случайно, чтобы госпожа Кёртнер расхаживала в костюме Леды? Твои друзья не приняли бы меня.

Господин Кёртнер *(смотрит на нее с глубокой неловкостью).* Во

всяком случае…

Ида Кертнер *(вздрагивает черты ее лица цепенеют).* Что?

Господин Кёртнер *(меняя ход разговора).* В жены я взял Леду.

Она подходит к зеркалу и вглядывается в него. Но в нем она видит образ Леды с ее растерянным, исполненным горечи лицом.

Госпожа Кёртнер твердым взглядом всматривается в этот образ своего прошлого. Изображение исчезает. Остается нынешнее отражение Иды Кёртнер, еще очень молодой, но постепенно ожесточающейся.

Мы видим, как черты ее лица ужесточаются на наших глазах, пока она рассказывает.

Голос за кадром госпожи Кёртнер. Они никогда меня не принимали. Никогда не приходили к нам в дом. Говоря обо мне, называли меня «эта женщина». Это были лучшие друзья Йозефа. *(Ида Кёртнер, отвернувшись от зеркала, подходит кокну. Высунувшись из окна, она видит отъезжающую коляску, в которой сидят Сесили и Иозеф Кёртнер.)* Он был трус! Ездил к ним без меня. Когда дочери исполнилось пять лет, он стал таскать ее с собой.

Кадр исчезает. Госпожа Кёртаер разговаривает с Фрейдом в комнате Сесили.

Госпожа Кёртнер. Тогда я взялась наводить чистоту. Навела в доме порядок. Я ненавидела пятна и пыль. Иногда я сама вытирала пыль или натирала пол. Необходимо было, чтобы все сверкало. Все!

Фрейд *(скорее утвердительно, чем вопросительно).* А ваш муж вас обманывал.

Госпожа Кёртнер.Со всеми проститутками Граца. Летом, в Вене, он спал с гувернанткой Сесили. Моя дочь знала об этом, а я нет. Все были в сговоре против меня. Сесили меня не любила.

Фрейд. Почему?

После этого вопроса сцена меняется; мы видим Сесили лет двенадцати, которая с глубокой злостью смотрит на мать, высокую, в темном, фигуру.

Голос за кадром госпожи Кёртнер. Не знаю. Наверное, я была слишком строгой. Мне нечасто приходилось улыбаться. Гувернантка была хорошенькой, мой муж – очаровательным, слабым и легкомысленным. Сесили встала на его сторону. Женщина и маленькая деточка стоят лицом к лицу. В конце концов Сесили опускает глаза Мы замечаем, что она нервными движениями рвет цветок (ломает стебель, обрывает лепестки). Сцена происходит летом, в саду виллы. Ида Кёртнер смотрит на дочь без всякой нежности.

Ида Кёртнер *(спокойным, но ледяным тоном).* Не порти цветы, Сесили.

Ее голос заставляет Сесили вздрогнуть и дает ей смелость начать разговор.

Сесили. Это ты прогнала фрейлейн?

Ида Кёртнер. Я ее уволила, да.

Сесили *(побледнев от ярости, швыряет цветок, который держала в руках).* Почему?

Госпожа Кёртнер *(смотрит на нее без эмоций).* Подними цветок, Сесили. Я не люблю беспорядка. И брось его за теплицей. (*Сесили, не шевелясь, смотрит на нее.)* Ты слышала?

Сесили наклоняется и поднимает цветок.

Сесили. Почему ты ее выгнала?

Госпожа Кёртнер. Это мое дело, Сесили.

Сесили *(обезумев от ярости).* Я знаю ее уже пять лет, не расстаюсь с ней даже ночью, а ты увольняешь ее, не сказав мне ни слова, а когда я тебя спрашиваю почему, говоришь, что это твое дела. Но ведь я люблю ее!

Госпожа Кёртнер. Именно поэтому. *(Почти злобно смотрит на дочь.)* Я нанимаю и увольняю гувернанток: такова моя роль. Ты не должна их любить или ненавидеть. Ты должна их слушаться. Вот и все. Ты еще ребенок, Сесили. Эта девушка недостаточно серьезна, чтобы тебя воспитывать.

Наставление матери возмущает маленькую девочку, глаза ее сверкают, она краснеет, нервно теребя локоны.

Сесили медлит с ответом. Она опускает глаза и, строя гримасы, ерошит свои локоны.

Сесили *(с серьезным видом, но очень лукаво, словно одобряет мать).* Ну да, гувернантка должна быть серьезной. *(Она робкая, но решительная, переминается с ноги на ногу, чувствуя, что сейчас натворит нечто непоправимое.)* Для матери это необязательно.

Кажется, что эта слова больше раздражают, чем удивляют мать.

Госпожа Кёртнер *(неизменно спокойным тоном).* Что ты этим хочешь сказать?

Сесили по-прежнему переминается с ноги на ногу. Но она уже сожгла свои корабли. Она поднимает голову и говорит с обворожительной улыбкой.

Сесили. Когда папа женился на тебе, ты танцевала голой перед мужчинами.

Госпожа Кёртнер едва сдерживается, чтобы не дать Сесили пощечину. Но она подходит к ней и берет ее за плечи.

Госпожа Кёртнер. Это тебе рассказала фрейлейн? *(Сесили не отвечает.)* Твой отец нашептал ей об этом ночью.

Сесили неожиданно охватывает ужас от того, что она сказала.

Госпожа Кёртнер. Бедная Сесили! Магда тебе не солгала. Твой отец брал тебя вместо меня к своим друзьям, а когда меня не было дома, ты разыгрывала хозяйку. Но это не мешает тому, что ты – дочь шлюхи, дитя мое. Ты хотела уязвить меня, но я тебя жалею. Сама убедишься, что это дурное начало в жизни.

Сесили, которая с ужасом выслушала ее, резко вырывается и убегает. Она выронила из рук разорванный цветок.

Мгновение госпожа Кёртнер стоит неподвижно, глядя прямо перед собой, потом замечает разорванный цветок, поднимает его и относит за теплицу, на кучу отбросов.

Голос за кадром госпожи Кёртнер, обращающейся к Фрейду. Вот и все. Магда Шнейдер уехала, а мы стали жить-поживать.

В комнате Сесили. Госпожа Кёртнер, столь же суровая и непреклонная, по-прежнему здесь.

Фрейд. А потом вы говорили с Сесили об этой истории?

Госпожа Кёртнер. Никогда.

Фрейд. Вы затаили на нее злобу за…

Госпожа Кёртнер *(пожимая плечами)*. Полноте!

Фрейд. И все-таки вы ее любите?

Госпожа Кёртнер *(нерешительно)*. Я могла бы ее любить.

Долгая пауза. Смотрящий на Сесили Фрейд поворачивается к госпоже Кёртнер: выражение ее лица не изменилось, но по щекам текут слезы.

Она плачет молча, без всхлипываний.

Госпожа Кёртнер *(встает)*. Вы намерены дежурить у ее постели всю ночь?

Фрейд. Да.

Госпожа Кёртнер. Тогда извините меня. Я чувствую, что нервы мои сдают, и мне не хотелось бы выставлять это напоказ. Я вернусь на рассвете.

Она уходит, и Фрейд не пытается ее удерживать. Мы следуем за ней в ее комнату. Она садится на стул перед своим туалетным столиком и вдруг теряет самообладание, роняет голову на руки и рыдает.

(30)

Комната маленькой Матильды Фрейд.

Она в одиночестве спокойно играет с куклой, сидя на деревянном стульчике Неожиданно она вздрагивает: ей послышались шаги. Похоже, ей страшно.

(Звук шагов в коридоре.)

Дверь приоткрывается; она смотрит. Так как дверь открывается внутрь, мы не видим того, что видит она. Но по испуганным глазам маленькой девочки мы догадываемся, что речь идет о каком-то жутком зрелище. Дверь приоткрывается пошире: появляется Фрейд. Он ласково, слащаво улыбается, но в его глазах маниакальная неподвижность, которую в подобной ситуации обнаруживают извращенцы. Контраст между улыбкой и глазами обезображивает его лицо.

Маленькая Матильда встает. Оцепенев и побледнев, она стоит, прижимая к груди куклу.

Крадучись, он подбирается к ней.

Фрейд *(сюсюкающим голосом).* Как ты выросла! Здравствуй, женушка моя. Помнишь, когда ты была маленькой, ты говорила: я поженюсь с папой? Ну вот, Матильда, мы сейчас поженимся. Сейчас поженимся! *(Она хочет убежать, но он резко хватает ее за руку. Грубым голосом.)* Ты – моя жена и моя дочь, у меня все права на тебя.

Фрейд прижимает ее к себе. В этот момент раздается иронический смех, который до этого едва слышался. (Смех Фрейда за кадром.)

Это смех Фрейда, но тот Фрейд, жестокий и грубый, которого мы видим на экране, не смеется.

(Смех все громче.)

На этом изображение исчезает. И мы снова оказываемся в комнате Сесили, Фрейд смеется во сне.

Но почти сразу этот смех будит его. Он выпрямляется, открывает глаза, осматривается и, в конце концов, приходит в себя.

У него раскованный, почти веселый вид. Мы еще ни разу не видели этого лица одновременно спокойным и смелым. Убедившись, что Сесили тихо спит, он устремляет свой взгляд на стену. На губах его блуждает смутная улыбка, а мы слышим за кадром, как Фрейд излагает свои мысли.

Голос Фрейда за кадром. Итак! Неужели у меня возникло желание совратить мою бедняжку Матильду? *(Убежденно).* Конечно,

нет. Однако этот сон скрывает желание. Какое? *(Немного подумав.)* Если во мне живет желание обладать моей дочерью, значит, оно присуще всем отцам. Мне снилось, что я совершаю эту сексуальную агрессию, потому что я хотел, чтобы моя теория оказалась верной. Но она ошибочна. Явно ошибочна.

Он встает и подходит к окну; совсем бледный свет предвещает близкий рассвет. Задумавшись, Фрейд какое-то время стоит, прижавшись лбом к стеклу.

Фрейд. Я хотел опорочить своего отца. Унизить его. *(Порывисто.)* Ну а тринадцать случаев? Значит, женщины лгали… Почему? *(Он поворачивается к Сесили, которая спокойно спит.)* Потому что они лелеяли бессознательное желание. Им хотелось бы, чтобы оно осуществилось. Сесили в самом раннем детстве была влюблена в своего отца… *(Почти со злостью.)* А я в кого? *(Пауза.)* Была эта поездка… эта поездка…

Ночь, сорок лет назад.

Старенький железнодорожный вагон, битком набитый пассажирами.

Якоб Фрейд, еще довольно молодой, сидит рядом с госпожой Фрейд, которая держит на коленях ребенка двух лет (Зигмунда). Поезд проходит мимо металлургического завода. В ночи видны красные всполохи. Спящий ребенок просыпается и кричит. Дремлющие пассажиры резко открывают глаза.

Госпожа Фрейд. Зигмунд! Маленький мой! Тише!

Увидев мать, ребенок начинает гладить ее своей ручонкой по шее и под бородку и, довольный, снова засыпает.

Поезд въезжает в вокзал. Останавливается. Пассажиры встают, достают из багажных сеток чемоданы. Перед стойкой отеля: полусонный портье снимает с табло два ключа

Якоб. Комнаты на двоих нет?

Портье отрицательно качает головой.

Якоб *(обращаясь к жене).* Займи с малышом большую комнату, а я устроюсь в мансарде.

Чуть позже.

Ребенок, которого сморила усталость, уже спит в кровати маленького гостиничного номера. Мы рядом с ним, у изголовья, и видим, как перед туалетным столиком раздевается госпожа Фрейд.

Отель рядом с вокзалом: слышится пыхтение паровозов, и вдруг громкий свисток, который будит ребенка.

Ребенок открыл глаза, и мы почти его глазами видим в полутьме,

как высокая, прекрасно сложенная женщина сбрасывает нижнее белье и, оставшись обнаженной, намыливает лицо, плечи и шею. Потом надевает ночную рубашку.

В дверь стучат.

Она набрасывает халат.

Госпожа Фрейд *(шепотом).* Кто там?

Она открывает дверь. Появляется Якоб.

Его волнует красота жены.

Голос Якоба за кадром. Как ты прекрасна! Ты любишь меня?

Госпожа Фрейд. Да.

Якоб *(властным тоном, который совсем ему не свойствен и объясняется возникшим желанием).* Ты моя?

Госпожа Фрейд. Да.

Якоб. Пошли! Моя комната рядом.

Госпожа Фрейд. Я не могу оставить малыша одного.

Якоб. Какого малыша? *(Поворачивается к маленькому Фрейду, который мгновенно закрывает глаза.)* Он спит. *(Нетерпеливо торопит ее.)* Иди ко мне! Ненадолго! Иди!

Они уходят, тихо прикрыв дверь.

И тут ребенок открывает глазки, машет ручонками и кричит.

Голос Сесили за кадром *(заглушая вопли ребенка).* Доктор! Доктор!

(31)

Кадр исчезает. В комнате Сесили. Она проснулась и тревожно смотрит на Фрейда.

Сесили. О чем вы думаете?

Фрейд. О своем прошлом.

Сесили. Я хотела убить свою мать?

Фрейд. Да. Или, точнее, этого хотели не вы, а девочка Сесили, которая «воскресла» и узнала, что выгоняют Магду.

Сесили *(с отвращением).* Девочка Сесили была маленьким чудовищем.

Фрейд. Нет. Она была ребенком. И все. Я победил, Сесили. По-моему, благодаря вам я понял нас, понял нас обоих. И понял, что я могу нас излечить *(Пауза.)* Вы знаете миф об Эдипе?

Сесили. Он убил своего отца, женился на своей матери и выколол себе глаза, чтобы больше не видеть дела рук своих. Правильно?

Фрейд. Каждый человек – Эдип. *(Пауза.)* Я должен рассказать вам

немного о себе. При неврозах, я считал, виновны родители и невинны дети. Это объясняется тем, что я ненавидел своего отца. Теперь надо перевернуть понятия.

Сесили. Значит, виновны дети!

Фрейд*(сулыбкой).* Никто не виноват. Но именно дети…

На экране – комната в отеле.

Мать Фрейда тихо открывает дверь, бесшумно подбирается к постели.

Фрейд. Я обожал мою мать: она кормила меня грудью, ласкала, она брала меня к себе в постель, и мне было тепло. *(Сняв халат, она ложится рядом с ребенком, а тот, закрыв глаза, словно во сне, прижимается к ней и каким-то ревнивым жестом обнимает ее за шею.)* Я любил ее во плоти. Сексуально.

Кадр исчезает.

Мы снова в комнате Сесили.

Сесили. Вы хотите сказать, что я была влюблена в отца?

Фрейд *(говорит, словно с самим с собой; кажется, что он почти уснул).* Я ревновал к отцу потому, что он обладал моей матерью. Я одновременно и любил, и ненавидел его.

Сесили слушает, но как бы переводя слова Фрейда на себя: ведь она слышит рассказ и о себе самой.

Сесили. Я ревновала. Да. Он ее любил. Магда всегда доставляла мне удовольствие, отец не дорожил ею, и потом он унижал мою мать в нашем же доме. Я была соучастницей этого.

Фрейд. Мой отец был мягким и добрым, глубоко порядочным. Я обвинял его в слабости. Мысленно я считал его трусом. Мне хотелось бы иметь отца столь же сильного и сурового, как Моисей.

В какой-то комнате старый, ласковый и тихий Якоб сидит на стуле, покуривая трубку.

В то мгновение, когда за кадром раздается голос Сесили, госпожа Кёртнер с глубоко печальным лицом садится на другой стул.

Голос Сесили за кадром. Она была несчастна. Она казалась мне суровой, потому, что ей всегда приходилось подавлять свои чувства. Я отдавала предпочтение Магде, которая была злой, но нежной.

Голос Фрейда за кадром. Я искал других отцов: среди своих профессоров и коллег. Но стоило им проявить хоть какую-то слабость, я бросал их. В них я ненавидел свою собственную слабость.

Отец Фрейда и мать Сесили, кажется, слушают эта исповеди с какой-то покорной кротостью.

Голос Фрейда за кадром. Я был ревнивец! Ревнивец! Из ревности

я обвинял отца в том, что он не способен ни воспитать, ни даже прокормить свою семью. Это было неправдой: его разорил антисемитизм.

Голос Сесили за кадром. Мой отец имел любовниц, а ревновала я только к Магде. Потому что он делил с ней постель. Магда свела меня с ума.

Мы снова видим маленькую Сесили и Магду, которая в своей комнате укладывает чемоданы. Она опустилась на колени, чтобы закрыть один из них.

Слезы струятся по ее щекам… Она говорит, заикаясь от ярости.

Магда. Она меня прогнала, а он и пальцем не шевельнул. Он – тряпка. Ты знаешь, почему она его давит? Потому что он подобрал ее в кафешантане, где она танцевала голая. Смотри!

Она встает, достает из другого чемодана сверток бумаги и дает Сесили, которая его разворачивает. Это афиша, с которой мы уже знакомы.

Магда. Ему нравятся только проститутки, это его порок. Я не могу с этим бороться, я – порядочная.

Маленькая Сесили разглядывает афишу.

Голос Сесили за кадром. Ему нравятся только проститутки! Ему нравятся только проститутки! Я хотела стать проституткой, чтобы он любил меня.

Неожиданно раздается страшный крик, затем слышатся рыдания.

(Крик Сесили за кадром.)

С этим криком и этими рыданиями происходит смена кадра.

Госпожа Кёртнер в легкой коляске, которой сама правит. Звуки коляски (скрип колес, стук копыт и т.д.) с трудом перекрывают рыдания.

Коляска (в упряжке одна лошадь, скачущая галопом) катит вдоль озера, по довольно узкой дороге, метров на двадцать выше уровня воды. Внезапно лошадь понесла; госпожа Кёртнер, вместо того чтобы натянуть поводья, отпускает их и, не делая ни единого жеста, позволяет дребезжащей коляске мчаться вперед; в конце концов на повороте коляска опрокидывается.

Коляска падает в озеро, а госпожу Кёртнер выбрасывает на склон, который спускается к воде. Ее удерживают кусты; она теряет сознание.

Крик Сесили за кадром. Я убила ее! Убила!

Фрейд и Сесили в комнате. Фрейд смотрит на Сесили, которая

только что казалась спокойной, но вдруг снова начинает обнаруживать признаки сильного волнения.

Он братским жестом (подобный жест мы видим у Фрейда впервые) протягивает к ней руку.

Сесили. Она бросилась в озеро три дня спустя после отъезда Магды. Она не могла вынести того, что я знаю правду.

Фрейд. *(склоняется к ней; ласковым, нежным голосом).* Это был несчастный случай, Сесили.

Сесили. Это было самоубийство. Она избежала смерти, но хотела умереть. Ведь я толкнула ее на это. Я помню! Помню! Больше года мне снились кошмары, о которых я никому не рассказывала. А потом я забыла об этом, но начались болезни тела! Я – чудовище!

Уткнувшись головой в колени, она рыдает. Фрейд трогает ее за плечо.

Голос госпожи Кёртнер за кадром. Это был несчастный случай! *(Сесили резко выпрямляется. Наступило утро. Госпожа Кёртнер бесшумно вошла в комнату и смотрит на Сесили с выражением спокойной доброты.)* Клянусь тебе. Я никогда не думала кончать с собой. В моей семье все стойки к горю, и мы живем со всеми несчастьями. (С *иронической, но беззлобной улыбкой.)* На другой день после нашей ссоры я сама натерла в доме все полы.

Сесили смотрит на нее со смешанным чувством страха и облегчения.

Госпожа Кёртнер (*обращаясь Фрейду).* Значит, это был невроз Сесили?

Фрейд. Побочная его причина. Она больше не могла выносить мысли, что толкнула вас на самоубийство. Тело помогало ей забыть об этом.

Госпожа Кёртнер дружески глядит на Сесили: кажется, мысль о том, что дочь терзается причиненным матери злом, нравится ей, успокаивает.

Фрейд переводит взгляд с матери на дочь

Фрейд *(ласково).* Теперь надо попытаться жить.

Взяв руку госпожи Кёртнер, опускает ее на руку Сесили.

(32)

Прошло полгода.

Зима. Падает снег. Мы в Ахензее, на берегу озера.

Двое мужчин (в шубах и тирольских шляпах) прогуливаются под

снегом и беседуют, не обращая внимания на погоду.

Это Фрейд и Флисс.

Фрейд. Она выздоровеет. (*У него добродушный, спокойный вид, говорит он размеренно, убежденно, но бесстрастно.)* Случай совершенно ясный: эдипова любовь к отцу, ревность к матери, которую она хотела убить. Когда Сесили узнала, что госпожа Кёртнер была проституткой, у нее появились сны и желания стать проституткой, чтобы идентифицироваться с матерью. Тем более ей сказали: вашему отцу нравятся только проститутки. Одновременно, разумеется, она вытеснила эти желания на самое дно своей души, и они проявлялись в ее сознании только в символических формах. *(Флисс слушает с хмурым, видом.)* В ту пресловутую ночь, когда я разыскал ее на Ринге, она хотела заняться проституцией, чтобы наказать себя и стать избранницей своего покойного отца.

Флисс *(сухо).* В общем, ты ошибался?

Фрейд. Полностью. Но я поздравляю себя с этим. Начиная с этого, все и перевернулось.

Флисс.Значит, дело уже не в травме?

Фрейд. Нет. В потрясении, которое мешает распроститься с детством. В случае Сесили подобными потрясениями стали откровения Магды и ложное самоубийство матери.

Флисс. Значит, первые отношения ребенка с его родителями имеют сексуальную природу?

Фрейд. Да.

Флисс.И следовательно, существует детская сексуальность?

Фрейд. Да.

Флисс. Полгода назад ты утверждал обратное.

Фрейд. Но именно сейчас я прав.

Флисс. Что мне это докажет?

Фрейд *(медленно).* Что тебе это докажет? *(Останавливается и смотрит Флиссу прямо в глаза.)* Я сам излечился, Флисс…

Флисс *(пожимая плечами).* Ты и не был болен.

Фрейд *(спокойно).* Я был совсем близок к неврозу.

Они идут молча.

Флисс *(резко и вспыльчиво).* Я не верю во все это! В то, что порочные родители насилуют детей, верю! Это нечто серьезное! Основа моих расчетов. Но на психологию мне плевать. Все это – одни слова!

Фрейд. Да, слова!

Флисс. Больные укладываются на твой диван, несут все, что им в

голову взбредет, а ты, ты вкладываешь им в головы мысли, которые живут в твоей голове.

Они подошли к железнодорожному полотну.

Мальчик лет четырех выходит из дома и бежит к станции, расположенной вдалеке.

Флисс *(показывает на него и пожимает плечами).* Вот он, эта кроха, неужели желает свою мать и мечтает убить отца? *(Смеется)* К счастью, это неправда: иначе меня охватил бы ужас.

Фрейд. А ты думаешь, меня это приводит в восторг. Но так есть. И надо об этом сказать.

Флисс все больше горячится во время этой беседы. Фрейд держится очень спокойно.

Флисс. Над тобой смеется вся Вена! Сегодня отец насилует дочь, завтра дочь жаждет изнасиловать отца.

Фрейд. Пусть смеется.

Флисс. При чем во всем этом Наука? Это сказки, от которых меня тошнит, и на такой основе я ничего не могу создать: ведь мыслить означает измерять. Ты проводил измерения? Устанавливал количественные соотношения?

Фрейд. Нет.

Флисс. Тогда это шарлатанство!

Фрейд. Будь осторожнее, Флисс. Ты только и твердишь о цифрах, ритмах, периодах. Но в глубине души я спрашиваю себя, а не подгоняешь ли ты свои расчеты так, чтобы в итоге получить результаты, которых стремился добиться с самого начала.

Флисс *(останавливается как вкопанный).* Что ты хочешь этим сказать?

Оказывается, дорога к станции слегка поднимается вверх. Так как Фрейд прошел чуть вперед, то Флисс оказывается чуть ниже его (этот эпизод, но в противоположном смысле, напоминает сцену на Медицинском факультете, когда Флисс, стоя на возвышении, на голову превосходил Фрейда).

Флисс *(с угрожающим видом глядя на Фрейда снизу вверх).* Ты больше не веришь в то… к чему мы пришли вместе?

Фрейд *(ласково).* В то, к чему пришел ты? Не знаю.

Флисс. Неужели ты больше не веришь в бисексуальность, оба ее ритма, в их абсолютную важность для жизни каждого человека?

Фрейд смотрит на него с болью и некоторым удивлением, словно он пробудился от долгого чарующего сна.

Фрейд. Даже если я в это и не верю… до конца не верю… Или мои

исследования уведут меня в другой мир… Разве мы перестанем быть друзьями?

Флисс *(твердо и четко)* . Да. Дружба—это общая работа. Если ты не будешь со мной работать, я не понимаю, что нам делать вместе.

Фрейд. Если я и не буду работать по твоим указаниям, останется очень многое – встречи, беседы, поддержка друг друга…

Флисс. И ты думаешь, что ради подобной болтовни я стану приезжать из Берлина в Ахензее?

Фрейд *(с нежностью).* Ты мой друг, Флисс.

Флисс. Я твой друг, если ты веришь в меня.

Фрейд *(очень дружелюбно).* Я в тебя верю.

Флисс. Но ведь я неотрывен от моих идей. Или ты веришь в них, или теряешь меня.

Фрейд какое-то мгновение смотрит на него в нерешительности.

Фрейд *(с грустью).* Я не верю в них.

Флисс *(тоном, из которого ясно, что он сделал вывод из ответа Фрейда).* Прекрасно. *(Пауза. Показывая на станцию, говорит с насмешкой.)* Поспеши. Пропустишь свой поезд.

Фрейд *(совершенно естественно).* Да нет. Он будет здесь в 15.22. *(Вынимает часы.)* У меня в запасе десять минут.

Флисс поворачивается и идет вниз по дороге. Фрейд провожает его взглядом, потом направляется к станции.

(33)

В гостиной Фрейдов, в тот же день.

Фрейд в туристском костюме вернулся из поездки. Марта одна. Она целует его.

Фрейд *(нежно).* Здравствуй, дорогая моя.

Марта. Ну что, удачно прошел этот «Конгресс»?

Фрейд *(абсолютно естественным голосом).* Конечно, как всегда. *(Пауза.)* Я хотел бы выпить кофе.

Марта. Я уже сварила. Пошли.

Он идет за ней в столовую. На столе кофейник и чашки. Он садится. Марта наливает ему кофе.

Фрейд. Что нового?

Марта. Ничего особенного.

Она машинально берет тряпку и принимается стирать пыль с мебели. Фрейд смотрит на нее с тревогой и печалью.

Фрейд *(улыбаясь, чтобы скрыть свою тревогу).* Поберегись,

Марта. Тебя подстерегает невроз, как и всех домохозяек. Сядь, отдохни.

Марта выпрямляется. Она улыбается мужу, но лицо у нее мрачное. Она не садится.

Фрейд. Скажи. Правда, ничего не случилось?

Марта. В день твоего отъезда у Брейера умер старший брат. По-моему, они почти не поддерживали отношений. Думаю, сейчас похороны.

Фрейд *(не проявляя своих чувств).* Вот что! (Он *спокойно допивает кофе. Встает и смотрит в окно.)* Снег перестал. *(Поворачивается к Марте.)* Я скоро вернусь.

Марта.Ты уже уходишь?

Фрейд. Я иду на могилу папы.

(34)

Кладбище.

Фрейд идет между могилами.

Вдалеке кучка людей возле свежевырытой могилы: туда опускают гроб.

Фрейд останавливается перед могилой Якоба Фрейда.

Он принес букет, который неловко кладет на могильную плиту к другим, еще свежим или уже увядшим цветам.

Вдалеке траурная церемония закончилась; большинство ее участников расходятся. Они по вымощенной плитами дорожке проходят совсем рядом.

Идут Брейер с Матильдой. Он бросает взгляд в сторону могилы Якоба и видит Фрейда, который, подняв голову, смотрит на него.

Фрейд делает шаг навстречу. Но Брейер уже ступил на боковую тропинку, ведущую к могиле Якоба. Они обмениваются рукопожатием.

Фрейд. Я узнал…

Брейер. Оставьте это… Мы с братом не общались более тридцати лет. Я здесь только ради приличия. *(Подходит к могиле, смотрит на нее.)* Я любил вашего отца. Его смерть причинила мне больше горя, нежели смерть моего брата Шарля… Как вы поживаете?

Фрейд. Я теперь другой. *(Показывает на могилу.)* Частица меня похоронена здесь. Брейер, всему виной я.

Он спокойно, без теплоты, но с глубокой искренностью смотрит на Брейера.

Брейер. Нет. Нас разлучила Сесили. *(Он глядит на могилу и кладет руку на решетку, окружающую надгробие)* К тому же… Я часто думал об этом, Фрейд: я считал себя вашим духовным отцом… Хотя я и не завистник, но… когда я почувствовал, что вы пойдете дальше меня… Это настроило меня против вас и ваших идей. (С *иронической усмешкой.)* Вы казались молодым парнем, а я ощущал себя старой курицей. Да что там! *(Он делает движение головой, означающее, что все уже в прошлом.)* Как поживает Марта?

Фрейд. Марта любит своих детей, она великолепная хозяйка, по-моему, она и меня любит так же, как в день нашей свадьбы. Но что-то в наших отношениях… больше не повторится. Никогда. Брейер, я прошу у вас прощения. Знаете, со дня похорон я не осмеливался прийти на могилу своего отца. Сегодня я вернулся сюда потому, что надеялся увидеть вас. Брейер, я применил ваш метод к самому себе. В одиночку. И я буду продолжать. Я любил своего отца и ревновал к нему. Я просто не мог его видеть без того, чтобы не ощутить в себе какой-то чудовищной агрессивности…

Брейер. Агрессивности? В отношении столь мягкого человека?

Фрейд. Именно. Его мягкость обезоруживала меня. Я хотел бы иметь отцом Моисея. Закон!

Брейер. Чтобы восставать против него?

Фрейд. И чтобы ему повиноваться. Какое-то время эту роль играл Мейнерт. *(Улыбается.)* Это был трансферт.

Брейер. И что же, я тоже играл подобную роль?

Фрейд. Да. Целых десять лет. Я ненавидел Мейнерта, который проклял меня. К вам я питал только любовь и почтение. Мейнерт умер, попросив у меня прощения, это освободило меня от него. Вы были единственным моим отцом, предметом моих двойственных чувств. Я счел вас слабым, что привело меня в безумную ярость. Но не вашу слабость я ненавидел, а слабость Якоба Фрейда. *(Показывает на могилу.)*

Брейер *(искренне).* Я слаб.

Фрейд. Нет. Вы добры.

Брейер. А Флисс?

Фрейд. Это мираж. Я принимал его за демона, а он оказался лишь конторским служащим. Это не имеет значения: я уважал его силу, вернее, то, что принимал за его силу, и она позволяла мне ненавидеть то, что я считал вашей трусостью.

Брейер *(улыбаясь).* Сколько отцов! Большую часть вашей жизни вы имели сразу двух отцов.

После этой реплики оба мужчины исчезают, а мы видим старого и больного Мейнерта, который сидит в своем кабинете под огромной статуей Моисея.

Голос Фрейда за кадром. Да. Я боялся себя, я отказывался становиться взрослым. Взглянуть истине в глаза. Брейер, я без конца мучился: я признавал всех этих отцов, чтобы защититься от самого себя, и не было мне покоя до тех пор, пока я не уничтожил их всех. Все вы завораживали меня, и в вас я хотел убить своего отца! *(В кадре снова могила Якоба Фрейда.)* Он умер. И вместе с ним погребены мои приемные отцы. Я остался наедине с самим собой, и я больше ни к кому не питаю ненависти.

Брейер. Но сможете ли вы любить?

Фрейд. Да. Любить родных детей и детей приемных – тех людей, если таковые найдутся, что поверят в мое учение. Теперь отец—это я. Брейер, я воспользовался вами как средством, чтобы потерять себя и обрести вновь. Простите ли вы меня?

Брейер ласково берет и пожимает руку Фрейда. (Пауза.)

Брейер *(тихим голосом). Я* полагаю, мы больше никогда не встретимся?

Фрейд *(дружески).* Нет. Больше никогда.

Брейер. Вы завоевали право быть одиноким.

Фрейд*(сглубокой печалью).* Да. *(Он показывает на небо: облака рассеялись, появилось скупое и холодное зимнее солнце.)* Я один, а небо опустело. Я буду работать один, стану своим единственным судьей и своим единственным свидетелем. К счастью, все всегда кончается смертью *(Неожиданно.)* Брейер, я не хочу, чтобы моя жена стала жертвой моего одиночества. Она безрадостна, это тревожит меня. Не могли бы вы позволить Матильде встречаться с нею?

Брейер. Матильда только этого и просит. Ведь Марта не встречается с ней из-за боязни, что вам будет это неприятно.

Фрейд. Это мне не понравилось бы… раньше! Якоб Фрейд составил счастье моей матери. (С *грустной улыбкой.)* Но мне не кажется, что быть женой Зигмунда Фрейда – это большая радость.

Брейер. Матильда напишет ей завтра. Прощайте, Фрейд.

Фрейд *(дружески, но печально, словно предстоит очень долгая разлука.)* Прощайте.

Брейер уходит.

Фрейд остается один перед могилой. Он не оборачивается: его взгляд неотрывно устремлен на фамилию отца, выгравированную на могильной плите. Через несколько мгновений по щекам его текут

слезы – он не пытается их утереть. Он стоит еще несколько секунд, потом поворачивается и с глазами. полными слез, идет между могилами к массивным кладбищенским воротам.

КОНЕЦ

Примечания

1

Для престижа (*лат.*).